

И. ВАЛЕНТИНОВ

РАССКАЗЫ ОБ АФРИКЕ

ДЕТГИЗ · 1953

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

И. ВАЛЕНТИНОВ

РАССКАЗЫ ОБ АФРИКЕ

Рисунки Л. Ройтера

*Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1953 Ленинград*

ВСТУПЛЕНИЕ

От Туниса до мыса Доброй Надежды, от Сенегала до Сомалийского полуострова, на многие тысячи километров распростерся африканский континент, второй по величине материк нашей планеты.

Эту огромную территорию, расположенную в тропическом и субтропическом поясах, населяет множество народов и племен, некогда свободных и самостоятельных, а ныне стонущих под игом европейских и американских колонизаторов. Европейские державы силой и хитростью захватили земли Африки, а народы ее превратили в рабов, подчинив их своей власти.

В Африке только три страны — Египет, Эфиопия и Либерия — являются формально самостоятельными государствами, но и они испытывают на себе гнет колониальных держав, зависят от них. На территории Египта, в зоне Суэцкого канала, находятся английские войска. С тех пор как, в 1882 году, англичане захватили Египет, они не покидают этой страны.

Эфиопия почти со всех сторон окружена английскими и французскими владениями. В 1935 году Эфиопия была захвачена итальянскими фашистами. В 1941 году английские войска помогли эфиопам изгнать итальянцев и... сами остались в этой стране. Американские империалисты также проникли в Эфиопию, захватывая ее богатства.

В Либерии давно укрепились Соединенные Штаты Америки.

Сейчас американские миллиардеры и миллионеры, еще более разбогатевшие во время второй мировой войны, пытаются завладеть всей Африкой, вытеснить оттуда европейских колонизаторов. Американские дельцы с помощью своего правительства проникают во владения Англии, Франции, Бельгии, Португалии: вкладывают капиталы в урановые рудники, золотые при-

иски, алмазные россыпи, каучуковые плантации, фабрики, заводы, становясь, таким образом, их фактическими владельцами.

Во время поездки в Африку автор не раз сталкивался с проявлением диких нравов белых пришельцев, безжалостно распоряжающихся со всеми непокорными, не желающими подчиняться колонизаторам.

В этой книге описываются лишь немногие части Африки, но порядки и нравы в них характерны и для остальных африканских территорий. В английских колониях Уганде и Танганьике тот же рабовладельческий режим, что и в колонии Кении, описанной в рассказе «Мвана Вамуке»; в Южно-Африканском Союзе негров также заставляют работать за колючей проволокой, как об этом рассказывается в «Тайнах Бельгийского Конго».

Всюду рука угнетателя давит и душит честные и трудолюбивые народы Африки. Но африканцы не покорились колонизаторам. Жестокие столкновения происходят между иноземными поработителями и народами Африки.

Африканцы не стоят в стороне от идей, которые волнуют все человечество, они борются за мир вместе со всеми прогрессивными людьми всех стран. На территории французской Западной и Экваториальной Африки возникло Демократическое объединение Африки. Это политическое объединение ставит целью борьбу за изгнание колонизаторов, за свободу народов Африки. Представители этого объединения участвуют в работе сессий Всемирного Совета Мира, собирают подписи под Обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами.

Борясь за свою свободу, народы Африки помогают великому лагерю мира, они нарушают планы поджигателей новой войны, желающих сделать африканцев своими солдатами, а территорию Африки превратить в военную базу.

И. Валентинов

ТАЙНЫ БЕЛЬГИЙСКОГО КОНГО

Часть первая

1

— Эй, Нкайна, помоги брату нести антилопу! — крикнула старая Набетуну.

Щурясь от яркого полуденного света, она смотрела на своего старшего сына Касанду, вышедшего из лесу.

Касанда медленно шел между рядов кокосовых и масляничных пальм, сгибаясь под тяжестью подстреленной им большой серой антилопы — топи — с длинными, изогнутыми рогами. В одной руке он нес копье и лук, другой поддерживал свою добычу. Сбоку, свернув хвост кольцом и высунув от жары язык, бежал его рыжий пес Мпутум.

Старая Набетуну заторопилась, вспомнив, что у нее не все готово к приходу сына, и принялась проворно выкапывать мягкие толстые корни маниока¹. Набетуну была очень худа, и черные щеки ее, украшенные татуировкой в виде двух полос мелких насечек, идущих от носа к ушам, глубоко ввалились.

Наполнив кожаный мешок длинными белыми корнями, Набетуну направилась к круглой, крытой травой хижине.

¹ М а н и о к — вечнозеленый кустарник в полтора-три метра высотой. Его клубневидные корни употребляются в пищу. Вес корней-клубней — от двух до десяти килограммов. Из клубней получают крахмал, муку. Маниок варят, сушат и жарят. В сыром виде ядовит.

— Нкайна, иди встречать Касанду, лентяй! — сердито сказала Набетуну. — Иди сейчас же!

Из проема двери, служившего одновременно и окном и отверстием для выхода дыма, выскочил заспанный Нкайна и побежал навстречу брату.

Солнце висело прямо над головой, воздух дрожал от зноя, и крааль¹ был безлюден в этот час. Соседка Набетуну, Магуа, вышла из покривившейся хижины, где она пряталась от жары, и, поддерживая привязанного к спине ребенка, направилась к Набетуну. Тело Магуа было выкрашено в красный цвет — по обычаю племени, это говорило о том, что женщина недавно впервые стала матерью.

— Хороший охотник Касанда, — сказала Магуа, заискивающе улыбаясь и показывая на приближающегося Касанду, — самый лучший в краале. Дай мне ноги топи, Набетуну.

И Набетуну, радовавшаяся, когда хвалили ее сына, пообещала подарить соседке ноги антилопы.

Касанда сбросил на землю антилопу и передал брату копье и лук со стрелами. Он вытер потное лицо и сказал матери:

— Мясо топи надо провялить. Нкайна поможет тебе. Теперь ты будешь много дней сыта.

Топи было единственное животное, мясо которого колдуны — немезисы — разрешили Набетуну есть. Ни к какому другому мясу она не должна была прикасаться. Это было ее герундо — запрет. Набетуну никогда не нарушала этого запрета, так как была убеждена, что бог Ена, хранившийся одним из немезисов в маленькой хижине около леса, зорко следит за ней и немедленно покарает ее, если она вздумает нарушить его волю. Набетуну была особенно довольна, что Касанда принес топи.

Она с гордостью и любовью смотрела на своего старшего сына. Хотя ему не исполнилось еще и двадцати лет, он был уже самым храбрым и самым сильным в краале. У кого еще в краале были такие широкие и могучие плечи, такие быстрые и неутомимые ноги, как у него! И кто так, как он, любил свою мать, хотя и скрывал это ото всех: нехорошо, когда мужчина походит нравом на женщину. Кроме того, Касанда был очень

¹ Крааль — деревня.

красив. В особенности нравилась Набетуну татуировка на лбу и на щеках около глаз, придававшая его лицу грозное выражение. Эту татуировку сделал ему отец, когда Касанда был еще совсем маленьким мальчиком. Волосы Касанды, высоко зачесанные и скрепленные глиной, всегда сохраняли приданную им форму.

С тех пор как отец Касанды не вернулся из Эфиопии, куда во время последней войны мзунгу¹ отправили его воевать против итальянцев, Касанда был старшим в семье. Он был одним из лучших охотников в краале батако, и сам Йонго назвал его храбрым, после того как Касанда, чтобы заслужить право называться воином, убил в единоборстве черную пантеру. А слово Йонго значило много, ибо Йонго был вождем племени батако, одного из самых сильных племен, живущих в необъятном лесу, простирающемся от озера Киву до великой реки Конго.

Вот уже несколько месяцев, как Касанда стал воином, и отсутствие двух резцов в его верхней челюсти, искусно удаленных колдуном — немезисом, подтверждало это.

Набетуну заботливо осмотрела сына. Его черная кожа блестела на солнце. Вид у Касанды был бодрый и здоровый. Но его пагне, состоявшее из двух прикрепленных к поясу кусков синей материи, выделанной из прочной коры дерева миомбо, обносилось и требовало ремонта.

— Очень хитрый был топи, — сказал Касанда брату. — Я гнался за ним целый день. Наверно, дух леса Нгуна охранял его. Помогли матери носить сухие ветви, Нкайна.

Пес Мпутум ходил вокруг топи, ощетилившись,¹ глухо ворча и искося поглядывая на двух тощих чужих собак, бросавших тоскливые взгляды на добычу его хозяина.

Набетуну принялась готовить сыну обед. А Касанда, ожидая, пока сварится сорго², сел у входа в хижину и, взяв в руки двухструнную бамбуковую маримбу с большой тыквой на конце, стал играть, хотя и чувствовал себя усталым. Он любил играть на маримбе.

Мягко звучала лесная гитара, и Касанда, укрывшись от солнца в тени хижины, пел песню охотника:

¹ М з у н г у — презрительное название белых колонизаторов в некоторых частях Африки.

² С о р г о — род проса.

Встретия в лесу охотник-батако
Ужасного симбу — льва.
Не хотел симба уступить дорогу
Храброму охотнику.
Пустил стрелу в симбу
Храбрый охотник
И пронзил его копьем.
Упал симба, и смеялся охотник.
Ах-ах, и смеялся охотник!

Голос певца вибрировал, звенел. Лицо его стало задумчиво-грустным. Глаза увлажнились.

Услышав пение, подошел старый Имбонбо. На нем, кроме пагне, была еще полосатая морская майка-безрукавка — предмет зависти соплеменников. Имбонбо побывал во многих отдаленных странах, участвуя в экспедициях мзунгу. Он носил на своей спине их грузы. Много видел Имбонбо на своем веку необычайного и удивительного. Касанда слушал его с удовольствием, хотя и не всегда верил ему.

Имбонбо рассказывал об одноруких великанах, живущих на восток от озера Киву, одним ударом своего каменного кулака убивающих могучих слонов — хумба-хумба, о людях с хвостами, страшных ниямниамах, которые каждый день съедают по человеку. Однажды Имбонбо рассказал о старухе Факу, у которой был такой длинный и сильный язык, что она могла задушить им человека. Факу долго преследовала Имбонбо, и он едва спасся, перелетев через лес с помощью привязанного к поясу волшебного крыла орла, подаренного ему немезисом одноруких великанов. Этой истории слушатели не поверили, а один из негров даже сказал, что у старухи Факу язык был короче, чем у самого Имбонбо. С тех пор Имбонбо прозвали: Имбонбо Длинный Язык.

Когда Имбонбо встречал другого старика, Чъаки, который вместе с ним носил по лесам грузы мзунгу, они поражали окружающих своей ученостью, разговаривая друг с другом на языке племени бангала¹. Никто в краале не мог понять ни слова из их разговора, но все смотрели на стариков с уважением.

¹ Язык племени бангала является языком колониальной армии Бельгийского Конго. Армия набирается из различных племен, говорящих на разных языках. Солдаты должны изучить язык бангала, чтобы понимать команду офицеров и разговаривать друг с другом.

Имбонбо любил музыку, и когда Касанда играл на маримбе, он всегда приходил.

— Хороший топи, — сказал Имбонбо, усаживаясь рядом с Касандой.

Касанда кивнул головой и продолжал играть.

— Когда я охотился в лесах Ломами, я подстрелил топи, который был в два раза больше, чем этот, — продолжал Имбонбо. — Только у него было десять ног и он бегал быстрее стрелы.

— Как же ты все-таки убил его? — Касанда недоверчиво посмотрел на собеседника.

— Очень просто. Я зашел спереди и пустил стрелу навстречу топи. Если бы я пустил стрелу ему вслед, она бы никогда не догнала его. Очень быстрый десятиногий топи...

Имбонбо встал, попробовал поднять антилопу, но не смог. И снова уселся рядом с Касандой.

— Легкий топи, — сказал он деловито. — Десятиногий был в три раза тяжелее. Я нес его на себе целую неделю — четыре дня¹. — Имбонбо обхватил пальцами обеих рук огромный узловатый бицепс собеседника и сжал его. — Сильный ты, Касанда. Но лет тридцать назад я был сильнее тебя, как хумба-хумба сильнее буйвола.

Глаза Ксанды хитро сощурились.

— Не веришь? Спроси у кого хочешь. Я высох за эти годы. Ты тоже старый будешь. — Имбонбо обиженно замолчал.

— Хочешь мяса, Имбонбо? Приходи попозже — разделаем тушу. Тебе откуда отрезать?

— Да у меня дома есть... — проворчал старик. — Отрежь от ноги.

Когда Имбонбо ушел, Касанда встал и, пригнувшись, чтобы не попасть головой в черную струю дыма, поднимавшуюся из двери, вошел в хижину. Дым заполнял всю верхнюю часть жилья. Под крышей вялились подвешенные к перекладинам стебли сорго, из которого старая Набетуну приготавлила пиво. Было почти темно. Солнце никогда не заглядывало сюда. Лишь слабое пламя костра, разведенного на плоском камне недалеко от входа, освещало помещение.

¹ У некоторых племен Конго неделя состоит из четырех дней.

Касанда лег у стены на шкуру буйвола и, хотя был день, тотчас крепко заснул, так как почти не спал в эту ночь. Спустя полчаса его разбудил отчаянный лай собак и шум голосов. Нкайна просунул голову в дверь и громко закричал:

— Касанда, вставай! Мзунгу пришли!

В жизни племени это было событием: белые редко заглядывали в их крааль, стоявший в глубине огромного леса.

Касанда вышел из хижины, прикрывая глаза ладонью от яркого солнца. Из лесу, со стороны реки, двигалась группа людей. Впереди шли трое белых в штатской одежде, за ними отряд солдат-бельгийцев, потом черные носильщики с тюками на головах.

Касанда стоял около топи и с интересом рассматривал неожиданных гостей.

Белый, шагавший впереди, был, видимо, большой вождь в стране мзунгу. Он был высок и тучен. Двое других белых, шедших позади, держались от него на почтительном расстоянии.

Заметив лежавшую на земле антилопу, мзунгу подошел посмотреть на нее. Мпутум, не имевший никакого представления о важности гостя, стал молча подкрадываться к нему сзади, но Касанда грозно прикрикнул на него, и пес, поджав хвост, шмыгнул в хижину.

Подошли посмотреть на топи и остальные белые. Важный мзунгу проговорил что-то на непонятном языке, и черный переводчик сказал:

— Бвана¹ Элмсли спрашивает: это ты убил топи? Бвана Элмсли — самый богатый человек в стране белых.

Касанда был явно польщен вниманием вождя мзунгу. Он приветливо улыбнулся и ответил:

— Я. Это был очень хитрый топи. Я преследовал его целый день.

— За рога антилопы, — сказал белый, указывая на длинные, изогнутые рога животного, — я дам тебе два доллара.

Касанда улыбнулся еще шире и, желая доставить удовольствие гостю, сказал:

— Рога топи нельзя есть, и они ничего не стоят. Пусть бвана Элмсли возьмет их себе, если они ему нужны.

¹ Б в а н а — господин.

Но бвана Элмсли, решив, что негр хитрит, надеясь получить за рога побольше денег, нахмурился.

— Хорошо, — раздраженно сказал он, — я дам тебе пять долларов. Принеси потом рога в мою палатку.

— Рога топи ничего не стоят... — начал снова Касанда, но мзунгу махнул рукой и сердито проговорил:

— Ну, довольно, довольно, меня не обманешь! Пять долларов — хорошая цена.

Элмсли сунул в руки растерявшегося Касанды зеленую бумажку и, не взглянув на него, пошел в сторону леса, разговаривая с одним из своих спутников. Отряд солдат и черных носильщиков потянулся за ним. Третий белый, до этого молчаливо стоявший в стороне, подошел к Касанде и, взяв его за локоть, весело сказал на языке кингвана, на котором говорят многие племена правобережья реки Конго:

— Хочешь поехать на рудник? Там ты увидишь много интересного и, когда вернешься, будешь самым богатым человеком в краале.

Вопрос был слишком неожиданным, и Касанда смутился, не зная, что ответить. Заметив это, мзунгу засмеялся, хлопнул его по плечу и сказал:

— Ты подумай. Я зайду потом.

— Я подумаю... Отдай эту бумажку бване Элмсли. Я не могу брать деньги за рога, которые ничего не стоят. — Касанда протянул белому пять долларов.

Тот взял их, сунул в карман и, ухмыльнувшись, зашагал по краалу вслед за удаляющимися спутниками.

Касанда узнал после, что это был вербовщик рабочей силы компании «Катанга юнион миньер» Альбер Сантегью.

II

Белые ушли. К Касанде подошел немезис Ифофу, исполнявший при главе племени Йонго роль колдуна, лекаря и цырюльника.

— Йонго хочет, чтобы ты явился к нему, — строго сказал Ифофу. — Пойдем.

Касанда, оробев, шел за немезисом, размышляя, зачем он мог потребоваться грозному вождю племени.

Ифофу шествовал важно. На руках и ногах его звенели медные и железные браслеты, многие из которых были могущественными талисманами. Колдун шел медленно и, как требовал этикет, сильно наклонялся то в одну, то в другую сторону, показывая этим, что украшений слишком много и ноги переставлять нелегко.

Вождь племени батако сидел у своей большой хижины на пяти положенных одна на другую леопардовых шкурах, которые свидетельствовали о его богатстве. Казалось, он не замечал подошедших. У ног Йонго его маленький сын с озабоченным видом грыз белую палочку сахарного тростника.

Тут были и два других немезиса. Один из них старательно украшал руку вождя новой замысловатой татуировкой, делая особым ножом на коже множество мелких надрезов и вставляя в ранки кусочки глины.

Вся одежда главы племени состояла из пагне — куска красной материи, обернутой вокруг бедер, и сандалий на толстой подошве. На правой руке Йонго было множество браслетов, самым дорогим из которых был железный талисман, защищавший его от всех болезней. Талисман этот Йонго выгодно обменял у колдуна соседнего племени нгуро-нгуро на пятьдесят тыквенных бутылок с пальмовым вином. По указанию своих немезисов, Йонго должен был, чтобы талисман не потерял своей силы, снимать браслет каждый раз, когда говорил с женщиной, курил трубку или брал в руки нож. На носу Йонго красовались серебряные очки, которые один из его немезисов стащил у проповедовавшего здесь католического миссионера, чем и доказал свое превосходство над колдуном мзунгу. Очки очень нравились Йонго, и он не расставался с ними даже ночью. Правда, вначале у него болели глаза, что, по уверению немезисов, было результатом остатков чар мзунгу, но Ифофу выбил из очков стекла, и они больше не беспокоили Йонго.

Давно уже Йонго избран вождем батако, и племя благоденствовало в его правление.

Мудрым человеком был Йонго. Он избегал ссор и стычек с соседними племенами и вел с ними оживленную торговлю, вы-

годно обменивая сорго, маниок и пальмовое вино на соль, материю и другие товары. Он послал в отдаленный крааль племени гатембо двух мальчиков учиться искусству кузнеца, заплатив за это чужому племени четыре бивня хумба-хумба. Йонго был мудр. Чтобы мальчики хорошо учились, он приказал им дать страшную клятву перед всемогущим Вуном — богом мщения, сделанным из черного дерева, — что они не будут бездельничать на чужбине. Ифофу наложил на них запрет охотиться, играть с приятелями и не подчиняться своим учителям. И мальчики не нарушили обещания.

Прошло три года, и они стали хорошими кузнецами. Теперь племя батако торговало топорами, мотыгами и наконечниками для стрел и копий. Эта статья дохода племени тщательно скрывалась от слуг мзунгу, изредка приходивших в крааль за налогом. Йонго приказал всему племени сажать маниок. С тех пор батако не знали голода. Негров, не пожелавших есть вкусные мучнистые клубни, он выгнал на неделю из крааля.

Соседние племена завидовали батако и считали их очень богатыми людьми.

...Касанда молча остановился в нескольких шагах от Йонго, который, видимо, размышлял над чем-то очень важным. Неподалеку трудились жены вождя. Младшей из них было не более двенадцати лет. Женщины вскапывали мотыгами землю для посева сорго. В этих местах не было ни волов, ни лошадей — скот погибал от неизлечимой болезни, которую вызывали мухи це-це, и землю обрабатывать приходилось вручную.

Наконец Йонго взглянул на робко стоявшего перед ним Касанду и строго сказал:

— Сейчас ты разговаривал с мзунгу. Это очень нехорошее племя. Что они у тебя спрашивали?

Касанда подробно передал весь разговор с белыми, и Йонго задумался. Он думал так долго, что тень Касанды успела передвинуться на целый палец. Касанда не шевелился, боясь нарушить ход мыслей столь мудрого человека. Наконец Йонго вновь взглянул на Касанду и спросил:

— Ты не знаешь, зачем они приехали к нам в крааль?

— Нет, — сказал Касанда, и ему стало стыдно, что он не может ответить на вопрос главы племени.

— Иди, — проговорил Йонго хмурясь, — и если узнаешь что-нибудь о мзунгу, сообщи мне.

Касанда повернулся и пошел, высоко поднимая колени, чтобы не показывать вождю своих подошв. Это считалось невежливым.

Он возвращался домой, размышляя о цели приезда мзунгу. На опушке леса солдаты уже строили большую хижину из белой материи. Материи было так много, что ее хватило бы, чтобы одеть все племя батако.

Трое мзунгу пересекали узкую долину, сжатую лесистыми склонами. Они часто останавливались и что-то говорили друг другу.

У хижины Набетуну и Нкайна вялили на небольшом станке мясо топи. На четырех вбитых в землю кольях лежала бамбуковая решетка, на которой в дыму костра, на крючках, висели тонкие ломти мяса. Нкайна поддерживал огонь, стараясь, чтобы пламя не поднималось слишком высоко. Набетуну поворачивала на огне ломти с помощью длинной палки. Когда мясо становилось совсем сухим и твердым, она снимала его и вешала новую порцию.

III

В просторной палатке за низким раскладным столиком сидели двое разомлевших от жары белых и пили виски с содовой водой. Один из них, большой и грузный, полулежал в плетеном кресле. Другой, человек лет тридцати пяти, с красным, обожженным тропическим солнцем лицом, сидел на ящике, заменившем ему стул.

— Если вам этот участок подходит, мистер Элмсли, — говорил сидевший на ящике, — то мы предоставляем его в ваше распоряжение. По-моему, это неплохое место для каучуковой плантации. Документы оформим в Стэнливиле.

— Место замечательное, мсьё Беккерс, — согласился Элмсли. — Бразильская гевея¹ здесь хорошо привьется.

— Мы дадим вам половину долины, начиная от крааля до самой реки.

¹ Бразильская гевея — дерево-каучуконос.

— А почему половину? Я же говорил вам: мне нужна большая плантация! Послушайте, Беккерс, — сказал Элмсли раздраженно, — неужели вы думаете, что я поехал бы в эти дебри из-за какого-то клочка земли? Я хочу, чтобы моя плантация занимала всю эту долину. Всю — вы понимаете! Если вы не можете ее мне предоставить, я решу этот вопрос и без вас.

— Но здесь же крааль... и поля этого племени, — сказал Беккерс нерешительно. — Мы и так забираем половину их земли.

— Вы говорите так, Беккерс, словно не знаете, как решаются эти дела здесь, в колонии. Переселите их в другое место, в конце концов! Разве мало земли вокруг? Неграм все равно где жить.

Беккерс выпустил струю сизого дыма и, искоса поглядывая на Элмсли, проговорил:

— Это трудно сделать, мистер Элмсли. Негры будут сопротивляться. Им некуда идти, вокруг земли других племен.

— Зачем же вы тогда везли меня сюда? — рассвирепел Элмсли.

— Я полагаю, мистер Элмсли, что мне удастся уладить этот вопрос, — сказал Беккерс, стараясь не смотреть на собеседника. — Ваши пожелания будут выполнены, но для меня это будет связано с некоторыми неприятностями. Лично для меня, как администратора, вы понимаете? Придется воспользоваться помощью солдат.

Элмсли зло плюнул, так как в переводе на деловой язык слова Беккерса означали для него не что иное, как новые расходы. Этот проклятый бельгиец совсем обобрал его. Каждый день всё новые требования. Лучше, пожалуй, было бы не связываться с ним.

— Ну хорошо, — сказал сердито Элмсли, — я оплачу ваши личные неприятности. Сколько вы хотите? Но я надеюсь, что это будут ваши последние претензии ко мне, — быстро добавил он и отпил виски из высокого составного алюминиевого стакана. — Ну и жара... И виски у вас здесь какое-то вонючее — наверно, англичане привезли. В Штатах такого не найдете.

У Элмсли явно испортилось настроение.

Откинув полу палатки, вошли переводчик и Йонго. За ними

появились два немезиса, надевшие по случаю этого визита головные уборы с орлиными перьями. Увидев колдунов, Беккерс нетерпеливо махнул рукой, и переводчик, привыкший к знакам своего хозяина, злобно зашипел на советников Йонго и бесцеремонно вытолкнул их на улицу. Йонго сделал вид, что не заметил изгнания своей свиты.

Элмсли, предчувствуя неприятный разговор, поднялся и вышел из палатки. Он платил деньги, а остальное его не касалось. Пусть бельгиец сам разговаривает с этим негром.

Йонго с достоинством сел на ящик, настороженно поглядывая на белого. Он чувствовал, что разговор предстоит важный.

— По приказу администрации, — начал Беккерс, стараясь придать своему голосу как можно больше твердости, — здесь должна быть разбита каучуковая плантация. Твое племя занимает эту землю незаконно и поэтому должно переселиться в другое место.

На лице Йонго не отразилось никаких чувств. Он спокойно сказал:

— Эта земля всегда была наша. Отцы наших отцов владели ею.

— Незаконно владели, — возразил Беккерс. — У вас есть документ на право владения землей?

У Йонго не было документа. Он даже не знал этого слова — «документ». Но, уверенный в своей правоте, он упрямо ответил:

— Батако жили в этом лесу, когда белые еще не появлялись в Стране Живой Воды. Мы не уйдем отсюда.

— Ты дурак, Йонго! Ты знаешь, что такое солдаты? Тебе лучше всего переселиться к подножию горы Кедачумви и не ссориться с властями.

— Вокруг Кедачумви болото, там нельзя жить. Мы никуда не уйдем. Здесь наши хижины, наши поля, наши пальмы.

— Чепуха! — горячился белый. Он чувствовал, что впереди будет много хлопот и неприятностей, если негр не даст своего согласия на переселение. — Чепуха! Там есть и хорошие земли. Не будь дураком, Йонго, получишь подарок.

Йонго поднялся и, ни слова не сказав, вышел. Беккерс хотел было окликнуть его, но раздумал. Негр был упрям — с ним все равно не договориться.

Прошло несколько дней. Лагерь пришельцев попрежнему белел на опушке леса. Ушел только катер, на котором прибыли по реке мзунгу, и увез с собой бвана Элмсли: американец не хотел, чтобы злые языки говорили, что он принимает участие в захвате чужих земель.

На другой день после отъезда Элмсли к Йонго явился Беккерс в сопровождении солдат. Йонго, сидевший на пяти леопардовых шкурах, даже не поднялся.

— От имени администрации колонии я требую, чтобы твое племя переселилось в другое место. Через два часа мои солдаты займут этот крааль, — сказал бельгиец.

— Я слышал, что ты сказал, — проговорил Йонго спокойно, но в глазах его вспыхнули злые огоньки. — Иди, я буду думать.

Как только Беккерс и солдаты ушли, Йонго созвал совет старейшин и сообщил им о намерениях мзунгу. И старейшины единогласно решили не подчиняться несправедливым требованиям белых. Двести воинов батако смогут защитить свои хижины от тридцати солдат мзунгу.

— Солдаты не войдут в наш крааль, — говорил Йонго. — Я пошлю сейчас пятьдесят воинов в лес. Они займут опушку леса и окружают лагерь мзунгу. Остальные воины останутся здесь.

— Крааль должны защищать все воины, — сказал один из старейшин. — Зачем нам посылать людей в лес?

— Мы должны окружить мзунгу, — ответил Йонго настойчиво, — тогда они будут нашими пленниками. Деревья защитят батако от их пуль. Лагерь стоит около леса, и если белые нападут на нас, наши воины захватят их палатки и заберут запасы их пищи.

Все согласились с Йонго. Спустя полчаса пятьдесят воинов, вооруженных луками, уже ползли к лесу через поле сорго.

Йонго приказал выкопать во всех хижинах ямы, чтобы дети и женщины могли прятаться в них от пуль мзунгу. Каждый воин также выкопал себе яму на краю краалья против вражеского лагеря.

Когда от палаток отделились солдаты, батако уже были готовы к битве. Подойдя к краалю шагов на двести, солдаты

остановились и по команде мзунгу дали залп. Но все воины батако уже легли на землю. Пули свистели над ними, не причиняя вреда.

Йонго лежал рядом с Касандой, наблюдая через густую траву за противником и сжимая в руках тяжелое старинное ружье — единственное ружье, имевшееся у племени.

В это время из лесу выбежали воины батако и бросились к палаткам белых. Солдаты мзунгу, заметив этот маневр, побежали назад к лагерю. Батако снова отступили в лес, уводя с собой двух раненых.

Солдатам не удалось очистить опушку леса — воины Йонго, укрывшись за деревьями, встрéтили их градом стрел. Солдаты снова открыли огонь по краалю, но скоро стрельба прекратилась: белые берегли патроны. Солдаты стреляли лишь тогда, когда кто-нибудь из воинов батако поднимался с земли.

Беккерс просчитался, ожидая, что племя сразу же отступит перед огнестрельным оружием. Йонго спутал все его расчеты. Маневр с окружением лагеря белых, проведенный Йонго, ставил пришельцев в положение пленников. Конечно, они могли пробиться и уйти в лес, но тогда те, кто придет за ними на катере, не найдут их, и им придется пробираться домой через первобытный лес, простирающийся на две сотни километров. Нужно было найти выход из создавшегося положения. И Беккерс придумал...

V

Наступила ночь. Йонго позвал Касанду вместе с другими воинами и поручил им следить за тем, чтобы мзунгу не предприняли против крааля неожиданного нападения.

Воины разделились и отправились поодиночке к лагерю.

Выйдя из крааля, Касанда, настороженно прислушиваясь, пополз по полю. Молодое сорго было влажным от холодной росы. Лагерь мзунгу спал. Невдалеке от себя Касанда увидел торчавшую из травы винтовку. Это был один из передовых постов врага.

Долго лежал Касанда, вглядываясь в темноту ночи. Но вот послышались приглушенные голоса. Он приподнял над травой

голову и увидел, что из палатки вышли четыре человека с большими ящиками на плечах и, согнувшись под их тяжестью, двинулись в сторону леса. Касанда хотел ползти вслед за ними, но, сделав несколько движений, остановился: из травы показалась голова часового. Люди с грузами вскоре скрылись в темноте.

Подождав немного, Касанда осторожно пополз обратно по мокрой траве. Добравшись до крааля, он побежал к хижине Йонго.

Йонго сидел перед огнем, зажженным в круглом, искусно сложенном очаге, на мужской половине хижины и лакомился вареным сорго, смешанным с кислыми муравьями — башикуе. Касанда, волнуясь, рассказал ему о четырех солдатах, ушедших в лес.

— Спрячься в лесу, напротив лагеря мзунгу, — сказал Йонго, — и когда солдаты вернуться, постарайся узнать, куда они ходили. Будь осторожен. Иди!

И Касанда отправился на опушку леса. Он просидел там до рассвета, но четыре человека не вернулись.

Утром мзунгу возобновили атаку на крааль, оставив часть солдат для защиты лагеря. Но все их усилия были напрасны: батако сидели в своих ямах и, когда белые подходили слишком близко, отгоняли их стрелами. Лишь несколько человек из крааля были легко ранены. Убедившись, что позиции батако прочны, солдаты возвратились в свой лагерь.

— Нужно сделать так, чтобы мзунгу сами прекратили войну, — сказал Йонго на совете старейшин. — Сегодня у них кончится вода. К реке надо идти через лес, там находятся наши воины. Мзунгу сами придут к нам просить о мире.

Старейшины согласились со своим вождем.

VI

В следующую ночь Касанда, по приказанию Йонго, вместе с несколькими воинами вновь отправился в засаду, чтобы выследить четырех солдат, ушедших с грузами в лес, и попытаться схватить их.

Опушка леса находилась метрах в двухстах от крааля. Был легкий туман. Воины бесшумно прошли сквозь пальмовую рощу

и через поле сорго. В лесу они разделились, и каждый занял свой пост.

Касанда уселся меж воздушных корней мангрового дерева, подстелив предварительно несколько ветвей. Земля под деревом была илистая и влажная: это было дно высыхающего от жары соленого озера. Воздушные корни поднимались из мягкой, илистой почвы в двух-трех метрах от дерева и соединялись со стволом на высоте человеческого роста. Над головой Ксанды покачивался небольшой плод, из которого свисал вниз слегка искривленный росток длиной в руку. Касанда не раз видел, как эти прорастающие внутри самого плода ростки, созрев, падают в ил, прививаются в нем и начинают расти.

Подул ветерок, и легкий туман рассеялся. С черного неба, которое казалось теперь гораздо ближе, чем днем, светили большие звезды. Выпала обильная роса. Было холодно. Касанда дрожал от прикосновения к телу мокрых листьев и, стараясь согреться, прижимался к стволу дерева. Над головой вдруг раздался жалобный крик птицы-вдовы — небольшой серой пичужки, и вновь все стихло. Из лесу бесшумно вышли две гиены. Они остановились недалеко от Ксанды, настороженно прислушиваясь. Их передние ноги были почти вдвое длиннее задних, большие широкие уши слегка шевелились. Гиены трусливы, и Касанда не обратил на них внимания. Озираясь по сторонам, гиены направились к краалю в поисках пищи. Далеко за рекой заревел вышедший на охоту лев, и все живое замерло, прислушиваясь к этим грозным звукам. Касанда вздрогнул, сжав в руке копьё. Гиены остановились и долго стояли, принюхиваясь к ночным запахам. Над полем сорго, словно синие фонарики, проплыли большие крылатые жуки-светляки. Все стихло. Крааль уснул. Смолкли собаки, забравшиеся от холода поближе к своим уснувшим хозяевам. Палатки мзунгу белели в темноте ночи.

Касанда терпеливо сидел на своем посту, обхватив руками колени. Ему не хотелось двигаться, дремота все сильнее охватывала его, но он не сдавался, пощипывая себя за руку. Вдруг ему показалось, что кто-то тихо приближается. Так тихо могли ходить только очень хорошие охотники. Касанда насторожился и вскоре услышал шаги и приглушенные голоса слева, справа и позади себя. Людей было много, очень много, и они

уже были совсем рядом с ним. Касанда слышал теперь даже отдельные слова. Люди говорили на языке племени вакилу. У батако был мир с вакилу. Но зачем они здесь?

Касанда вдруг вспомнил про четверых солдат, ушедших в лес с ящиками на спине. Это они привели их сюда! Мзунгу послали в ящиках подарки вакилу, чтобы они напали на батако.

Рядом раздались яростные крики: это воины батако вступили в бой с вакилу. Нужно было немедленно сообщить Йонго и всему племени в краале о грозившей им опасности. Касанда вскочил и побежал через поле. Позади слышались крики. Несколько стрел угрожающе пропели у Ксанды над головой, и одна из них ободрала кожу на его плече. Касанда закричал изо всех сил, чтобы предупредить племя и дать ему хотя бы несколько минут для подготовки к бою.

Стрелы свистели вокруг него, но он, не оглядываясь, мчался сквозь ночную тьму.

У II

Вбежав в крааль, Касанда бросился к большой хижине Йонго, не переставая кричать:

— Вакилу! Вакилу!

Из многих хижин уже выскакивали люди с копьями в фуках и, перекликаясь, бегали по краалю.

Касанда в темноте налетел на Йонго.

— Где вакилу? — закричал глава племени. — Ты их сам видел?

Касанда принялся было рассказывать о том, что произошло около леса, но в это время со всех сторон раздался боевой клич вакилу, на крааль посыпался град стрел и затрещали выстрелы.

В краале сразу поднялся невообразимый шум. Кричали мужчины, плакали женщины и дети, блеяли козы, выли собаки и, заглушая все, гремели боевые барабаны. Йонго, требовавшего, чтобы мужчины собрались около него, почти не было слышно.

Воинственные крики вакилу вдруг прекратились, и на крааль обрушился поток стрел с привязанными пучками зажженного сухого волокна пальмы рафии. Стрелы вонзались в травяные крыши, и хижины превращались в яркие костры. Пламя

взметалось высоко в черное небо. Теперь в ярком зареве пожара обитатели крааля были хорошо видны нападавшим. Воины вакилу и солдаты мзунгу поражали своих противников, оставаясь в темноте.

Касанда мчался по краалю, передавая приказание Йонго собираться на большой круг, где заседал обычно совет племени. Увидев мать и Нкайну, которые несли домашнее имущество и тащили на ремнях двух отчаянно упиравшихся коз, Касанда передал им распоряжение Йонго и, вырвав из рук младшего брата свой лук, побежал дальше. Стрелы вакилу и пули солдат то и дело настигали бегущих людей.

Вскоре все племя собралось около большого круга, прячась от стрел и пуль за не горевшими еще хижинами.

Нужно было немедленно покинуть пылающий крааль: племя могли перестрелять, как беззащитных птиц. Йонго приказал мужчинам разбиться на две группы. Одна из них должна была прорвать кольцо противника и вывести за собой женщин и детей; другой группе поручалось прикрыть отступление.

Йонго отдавал приказания без паники, ровным громким голосом, и это действовало на всех успокаивающе.

Когда воины разбились на группы, Йонго подал сигнал, выстрелив из ружья, и все племя с криком устремилось к лесу.

VIII

Касанда был в первой, ударной группе. Выпустив наугад в темноту ночи несколько стрел, он побежал вместе со всеми, выставляя перед собой копьё. Но, к великому удивлению Касанды, они не встретили противника. Вакилу и солдаты мзунгу разбежались, не желая принимать удар. Но, невидимые, они следовали за батако неотступно, осыпая их стрелами. Солдаты непрерывно стреляли. Огни их выстрелов то и дело вспыхивали в темноте ночи. Вопли раненых сливались с воинственными криками нападавших.

Несколько вакилу, вклинившись в последние ряды батако, схватили трех воинов, желая взять их в плен и получить за них выкуп. Батако делали тщетные попытки освободиться. Большая

часть их племени уже отступила, лишь несколько человек продолжали отбивать атаки врагов. Вакилу, обезоружив трех батако, потащили их к краалу. Судьба воинов была бы решена, если бы в этот момент из ночной темноты не выскочил Йонго. Увидев, что его соплеменникам грозит позорный плен, Йонго, словно лев, защищающий своих детей, бросился на противников, размахивая ружьем как дубиной. Растерявшиеся было батако устремились за своим вождем. Ожесточенная схватка продолжалась несколько минут. Вакилу, узнав по властным выкрикам и командам, подаваемым Йонго, что перед ними вождь племени, оставили своих пленников и накинулись на него. К месту боя подбежало еще несколько вакилу. Они бросились все на Йонго, стараясь повалить его и захватить в плен. Йонго стоял на земле твердо, и ярость удесятирала его силы. Он скорее убил бы себя, чем сдался врагам. Батако отчаянно защищали своего вождя, но их было слишком мало. Враги вцепились в Йонго со всех сторон, и он, споткнувшись о лежащее на земле тело, упал. Вакилу радостно закричали, торжествуя победу, но Йонго в тот же момент снова встал на ноги, подняв на себе четырех воинов, вцепившихся в него мертвой хваткой. Он напряг все свои силы, сделал несколько шагов вперед и вдруг, отбросив нескольких противников, вырвался из их кольца. Повернувшись лицом к наседавшим вакилу, он яростно взмахнул длинным ружьем, и те отскочили от него. Вакилу схватили луки и принялись обстреливать отступающих батако. Одна из стрел попала в шею Йонго. Он вскрикнул и покачнулся, но верные воины подхватили его под руки.

Наконец они добрались до опушки леса. Здесь собралось уже все племя. Могучие вековые деревья защищали людей от пуль и стрел.

Всю ночь уходили батако от преследователей, продираясь сквозь заросли, в кровь раздирая тела об острые, твердые колючки. Наконец идущие впереди остановились на берегу болотца, тускло поблескивавшего в темноте. Враги были далеко позади. Касанда нашел мать и брата. Набетуну держала на длинном ремне одну из коз, другую Нкайна потерял во время бегства. Набетуну, как и многие другие женщины, была обвешана кожаными мешочками с сорго и мукой маниока. В руках у

Икайны были тыквенная бутылка с пальмовым вином, две глиняные посуды и несколько свернутых шкур. Это было все их имущество. Они не решились бросить его даже в минуту смертельной опасности. Пес Мпутум подошел и потерся о ногу Касанды, как бы сообщая о своем присутствии.

Два воина подвели к воде раненого Йонго. Стрела пронзила ему шею. Из трех колдунов до болотца удалось добраться лишь одному Ифофу. Колдун вынул из шеи Йонго стрелу, приложил к ране лечебную траву и сжег на огне в жертву великому богу Чамбе живую курицу. Когда рассвело, Йонго скончался, хотя, по словам Ифофу, это было против воли богов.

Батако вырыли две могилы, чтобы сбить с толку злых духов.

Духи, враждебные человеку, не должны знать, в какой из них лежит тело Йонго. Вождя похоронили головой к краалю, предварительно положив с ним заряженное ружье: кто знает, с каким зверем придется встретиться ему в далеком пути! Затем зажарили козу, и старейшины, усевшись вокруг могилы, в последний раз поели вместе со своим вождем. Потом выкопали в могиле небольшую ямку, положили туда лучший кусок мяса и вылили бутылку пальмового вина. Далекий путь предстоит Йонго, и он должен подкрепиться, чтобы веселее было идти... Затем, по древнему обычаю, несколько воинов высекли Ифофу за то, что он плохо лечил вождя племени и не смог умилостивить великого Чамбе. Немезис должен был кричать как можно громче, чтобы умерший тоже мог его слышать. Ифофу не заставлял себя просить: он кричал на весь лес, и Йонго должен был быть доволен. Около полудня появились передовые разведчики вакилу, и батако, потерявшие много воинов и боевого вождя, не приняли боя. Племя двинулось вглубь леса, к подножию горы Кедачумви, к земле, никому не принадлежавшей.

Часть вторая

1

Племя батако поселилось у подножия Кедачумви. Вокруг простирались болота. Тяжелые, душливые испарения насыщали воздух, Высокие деревья почти не пропускали света,

заслоняя небо своей густой листвою. В таких местах обычно много мух це-це, приносящих смерть и людям и скоту; в особенности скоту, который мухи заражают страшной, неизлечимой болезнью — наганой¹. Не случайно пустовала здесь земля. Но делать было нечего, и батако осели в этом мрачном лесу.

Касанда получил свой участок и вместе с Нкайной с утра до ночи рубил деревья, расчищая землю для посева сорго, маиса и маниока. Касанда валил деревья быстрее всех. Когда его топор слишком нагревался от частых ударов, он брал другой, и работа ни на минуту не прекращалась.

Не успели Касанда и Нкайна расчистить свой участок, как их единственная коза заболела наганой. Несколько дней ходила она, покачиваясь и спотыкаясь, а затем околела. Даже немезис Ифофу, несмотря на все просьбы Набетуну спасти козу, не стал обращаться к своим богам: он знал — нагана неизлечима. У соседей тоже погибали козы.

Теперь очередь была за людьми.

Батако знали, что сонная болезнь², приносимая мухой це-це, проявляется лишь через несколько недель, и они со страхом думали об этом. Человек, которого укусила муха це-це, обречен на смерть. Несколько лет назад одно из соседних с батако племен целиком вымерло от сонной болезни. И батако могла постичь такая же участь. Остаться здесь было нельзя.

Вновь избранный вождь Мпеси не отличался ни умом, ни храбростью и не знал, что предпринять. Он послал Касанду и Нкайну, который должен был скоро стать воином, посмотреть, не ушли ли вакилу и белые с земли батако.

И Касанда с Нкайной отправились в путь.

Лишь к вечеру второго дня добрались они до родных мест. Они переночевали в дупле баобаба, выгнав оттуда змею габуну, и рано утром вышли на опушку леса. Там, где когда-то стоял их крааль, сейчас было большое поле. Ни пальм, ни хижин уже не было. Воинов вакилу тоже не было

¹ Нагана — болезнь скота; вызывается микроскопическим животным — трипанозомой. Переносчиком болезни является кровососущая муха це-це.

² Сонная болезнь распространена по всей тропической Африке. В некоторых районах Бельгийского Конго сонной болезнью поражено до пятидесяти-семидесяти процентов населения. За десять лет в этих районах вымерло две трети населения.

видно. Лишь попржежнему белели палатки мзунгу. Около леса ходили огромные слоны — хумба-хумба — с погонщиками на спине. Слоны поднимали хоботами тяжелые деревья, которые валили рабочие-негры, и относили их в центр поля. Ни Касанда, ни Нкайна никогда не видели, как работают хумба-хумба.

Имбонбо Длинный Язык рассказывал как-то Касанде, что далеко за их лесом, на реке Уеле, мзунгу учат пойманных слонов работать на себя, но Касанда не поверил ему: как мог слабый человек заставить трудиться на себя такое сильное животное!

Братья долго смотрели, как уничтожают их лес — лес, который они с детства привыкли видеть из своего крааля. Скоро это место совсем нельзя будет узнать. Крааля и пальм уже нет; не будет и леса. Они поднялись и молча пошли обратно. Батако никогда больше не вернутся еуда: хитрые мзунгу прочно завладели их землей. И у Касанды стало горько на сердце.

II

Альбер Сантегью, вербовщик рабочей силы компании «Катанга юнион миньер», второй день вместе с тремя солдатами пробирался через лес к новому краалю батако. Сантегью был человек железного здоровья, чем он, по его словам, был обязан коньяку, который он употреблял в большом количестве.

Больше двадцати лет занимался Альбер Сантегью вербовкой рабочей силы в Африке, с тех самых пор, как ему удалось ускользнуть из рук сыскной полиции на родине, в Антверпене. Впрочем, имя его звучало тогда несколько иначе, но до этого сейчас никому не было дела, да и никто не интересовался его прошлым: Сантегью был хорошим вербовщиком, а компания очень нуждалась в таких людях. Сантегью умел подкупать вождей племен, и те посылали своих негров работать на рудники. Он был смел и не боялся один заходить в такие дебри, куда никто из белых не решался заглядывать без отряда солдат. Сантегью мог прекрасно защищаться. Его парабеллум почти не знал промаха.

До сих пор Сантегью не мог пожаловаться на свою профес-

сию. Каждый завербованный им и доставленный на рудник негр приносил ему несколько сот франков дохода. Но работать становилось все труднее. Негры неохотно шли на шахты, и вожди племен, получавшие от Сантегью немалую мзду, силой заставляли своих соплеменников работать на белых. Теперь Сантегью приходилось все чаще и чаще забираться в такую глушь, куда еще не проникали другие вербовщики, так как компания требовала все больше и больше рабочих, особенно для урановых рудников в Тинковелью. Компания хорошо зарабатывала на урановой руде, поставляя ее американцам, которые делали из урана атомные бомбы.

Сантегью мало занимал вопрос о том, что собираются делать американцы со своими бомбами. Он сам не любил мешать людям добывать деньги так, как они считают это нужным, и не терпел, когда кто-нибудь совал нос в его дела. Он сердито спорил, когда слышал разговоры о запрещении атомной бомбы. Эти неприятные люди, появившиеся даже здесь, в колонии, хотели лишить его, Сантегью, работы. Они думают, что своими подписями под Стокгольмским воззванием смогут запретить атомную бомбу. Напрасная затея! Однако Сантегью все же испытывал сомнение. У него не было уверенности в завтрашнем дне. Если бомбы запретят, спрос на негров сразу упадет, и он может остаться без работы.

Впрочем, не только эти мысли занимали сейчас Сантегью. Были у него и другие заботы.

В последнее время у Сантегью появился мощный конкурент — бельгийская администрация колонии, которая, чтобы доставить компании рабочую силу, стала попросту сгонять с земли целые племена.

Сантегью был недоволен поведением колониальных властей: если они и дальше будут применять такие методы, то цена на завербованных негров совсем упадет.

Правда, пока что негры часто умирали на рудниках, и Сантегью хватало работы. Но все же ему пришлось принять кое-какие меры. Он обратил внимание на многочисленных американцев, хозяйничающих последнее время в Конго. Богатые иностранцы разъезжали по стране, скупая все, начиная от леопардовых шкур и кончая алмазными россыпями и золотыми прииска-

ми. Американцы держали себя независимо, как хозяева, не признавая ни законов, ни правил, действующих в колонии. Они охотились на вымирающих носорогов, хотя это было категорически запрещено. Они занимались контрабандным ввозом и вывозом товаров. И все это сходило им с рук. Колониальная администрация смотрела на «шалости» американских гостей сквозь пальцы, не желая обострять с ними отношения: она знала, что бюросельские власти, связанные кабальным соглашением — «планом Маршалла», зависят от Соединенных Штатов и в случае скандала всегда примут сторону американцев.

Сантегью не осуждал поведения богатых янки. Будь у него столько денег, он сумел бы не хуже их обделывать свои дела и заставил бы администрацию выполнять свои желания. На то и деньги!

Здрavo оценив положение, Сантегью решил, что было бы неплохо присоединиться к одному из таких разъезжающих по стране богатых американцев в качестве проводника. Во-первых, он будет иметь бесплатный проезд; во-вторых, бесплатный коньяк и бесплатное питание. Кроме того — и это было главное, — местные власти, следуя указанию свыше, предоставляли американцам для «приложения капиталов» огромные участки земли, часто согняя негров с населенных мест. На это в основном и рассчитывал Сантегью: негры, согнанные с земли, становятся очень сговорчивыми и готовы отправиться работать хоть в рудники преисподней.

И когда однажды Сантегью встретил мистера Элмсли, он понял, что именно такой человек ему и нужен. Мистер Элмсли был сыном владельца завода автомобильных шин в штате Мичиган и одним из владельцев компании каучуковых плантаций в Бразилии. Он прибыл в Африку, чтобы приискать здесь удобное местечко для новой каучуковой плантации. Сантегью, отлично знавший страну, предложил Элмсли свои услуги, и они были тотчас приняты.

Сантегью имел все основания быть довольным собой: все его расчеты оправдались. Стоило ему лишь немного пораскинуть мозгами, как дела его сразу поправились, — теперь он хорошо зарабатывает на этих батако. Так размышлял Сантегью, двигаясь по лесу в сопровождении трех солдат мсье Беккерса.

На второй день пути они вошли в крааль у подножия Кедачумви, и то, что Сантегью увидел здесь, вселило в его сердце великую тревогу: не слишком ли поздно он пришел?

Около хижин, греясь на солнце, лежали неподвижные, словно заснувшие, люди. Сантегью хорошо знал эти широко открытые тусклые глаза, эти исхудалые тела, почти скелеты, — больных сонной болезнью.

Вербовщик сразу понял, что многие негры, сейчас еще здоровые с виду, уже носят в себе эту болезнь и не годны для работы на руднике. Дирекцию не проведешь, она не станет платить деньги за негра, который скоро умрет. Ему нужно было бы прийти сюда еще два месяца назад. Такого упущения Сантегью не мог себе простить. Не желая терять ни минуты, он нашел вождя племени и, договорившись с ним о вознаграждении за каждого негра, немедленно приступил к вербовке. Собирать жителей крааля ему было не нужно — они пришли сами, узнав о прибытии мзунгу. Негры смотрели на него с такой ненавистью, что рука вербовщика то и дело невольно тянулась к висевшему у него на поясе парабеллуму.

Сантегью обратился к батако с речью на их родном языке кингвана, стараясь расположить к себе своих слушателей.

— С вами поступили несправедливо, — говорил он, — и вы должны пожаловаться большому белому губернатору, который живет в главном городе Конго — Леопольдвиле. Вам отдадут землю. Когда я приеду в Леопольдвиль, я сам расскажу ему, как белые и вакилу поступили с вами. Губернатор прикажет вернуть вам землю. Я знаю, батако жили на этой земле с тех пор, как великий Чамбе создал мир. Я все расскажу губернатору. Только это будет не скоро. А сейчас пусть тот, кто хочет отправиться работать на рудник, подойдет ко мне. На руднике очень хорошо. Работать много не заставляют. Только утром, пока не жарко. Каждый получает отдельную большую хижину, сделанную из камня. Всем дают много сорго, маиса и мяса и, кроме того, деньги, очень много денег. У вас будет вот такое пагне, как у меня. — Он показал на свои брюки, и негры заулыбались и одобрительно закивали головами. — Вы можете взять с собой ваши семьи. Вас повезут туда на машинах, вы должны пойти только до Кинду.

Последние слова вызвали разочарование у слушателей. Конечно, очень приятно прокатиться на машинах, о которых они много слышали, а кое-кто даже видел, но идти двадцать пять дней через лес до Кинду, города на берегу Конго, очень тяжело, особенно сейчас, когда у них нет никаких запасов. Но вербовщик рассказывал так интересно, что половина мужчин племени решила пойти попытать счастья. К тому же у них и не было другого выхода: оставаться в краале больше было нельзя.

Касанда стоял рядом с мзунгу, стараясь не пропустить ни одного слова, и когда Сантегью начал запись, он первый подошел к нему.

Каждый из завербованных поставил отпечаток своего пальца на общем контракте, составленном на языке мзунгу. Никто из батако не умел ни писать, ни читать. По контракту, завербованный обязывался отработать в рудниках компании «Катанга юнион миньер» семь лет. Договор этот скрепил вождь племени, приложив к нему вместо печати свой большой палец, смазанный чернилами, и Касанда, обративший на себя внимание Сантегью, получил копию этого документа. Он должен был вручить его агенту компании в Кинду. Сантегью еще раз объяснил завербованным, что их задача состоит в том, чтобы пройти несколько сот километров через лес. Им нужно только дойти до Кинду, а дальше обо всем позаботится компания.

Белые приехали в старый крааль батако по небольшому притоку реки Конго на плоскодонном катере. Другой дороги к краалю из внешнего мира не было. Но батако не имели лодок, и поэтому они не могли воспользоваться водным путем. Идти же вдоль берега было еще труднее, чем прямо через лес. На влажной почве, у реки, лес всегда гораздо гуще, чем в других местах, расположенных далеко от воды. Берега реки всегда покрыты огромными деревьями, вечнозелеными кустарниками, гигантскими папоротниками. Вся эта масса зелени обычно оплетена, словно щупальцами неведомого существа, длинными колючими лианами. Поэтому до Луалабы¹ нужно было идти не по берегу, а в стороне от зарослей реки, избрав кратчайшее расстояние.

Когда Касанда сообщил матери и Нкайне, что он хочет взять

¹ Луалаба — местное название верхней части реки Конго.

их с собой на рудник, Набетуну долго отговаривала его от похода: путь далек, а запасов пищи у них нет.

И не одна Набетуну говорила так. Многие мужчины, лишь только ушел вербовщик, пожалели о своем решении отправиться на рудник мзунгу. Пройти через лес, не имея запасов, было почти невозможно. В пути, когда нужно все время двигаться вперед, гораздо труднее находить пищу, чем в краале.

III

Через три дня ранним утром около двухсот человек выступили в поход. Вместе с мужчинами в далекий путь отправились и их семьи. По обычаю, для удачи перед выходом посыпали на тропу немного муки и хлебных крошек.

Отряд растянулся в длинную цепочку и двинулся на юго-запад. Густой утренний туман скрывал только что появившееся солнце. Кусты, огромные древовидные папоротники и высокие копьеобразные травы были покрыты крупными каплями росы. Люди шли мокрые, дрожа от утреннего холода. Касанда, как обладатель важной бумаги, выданной ему вербовщиком, стал старшим в отряде и немало гордился этим. Он шел впереди всех и огромным, тяжелым топором прорубал дорогу в чаще. За ним двигались четыре человека, которые завершали его работу.

Идти было трудно. У леса приходилось отвоевывать каждый шаг. Длинные, усеянные шипами лианы, почти в обхват толщиной, спускались низко к земле, оплетая стволы лесных великанов и преграждая дорогу. Такие места то и дело приходилось обходить, удлиняя путь.

В лесу было почти темно. Лес возвышался в несколько этажей. Деревья тесно соприкасались вершинами и не пропускали света. Над густым, едва проходимым подлеском поднимались деревья, составлявшие основную массу леса. Их кроны образовали сплошную завесу. Над этим морем зелени возвышались отдельные деревья-великаны, которым уже ничто не мешало пользоваться солнцем.

Люди шли медленно, напряженные всем, что только могли захватить с собой. Набетуну и Нкайна двигались за головным отрядом. Набетуну несла небольшой запас сорго, совсем

небольшой, так как посев их погиб в старом краале, а запасов дома не было. Того, что она несла, могло хватить лишь на два-три дня. А впереди — много дней пути. У других запасов было еще меньше. Многим не дойти до Луалабы, очень многим!

Нкайна нес шкуры буйвола, заменявшие постели, тыквенные бутылки для воды и оружие Касанды.

К полудню остановились на привал, развели костры и стали готовить пищу. Отдохнув и подкрепившись, снова тронулись в путь и шли почти до самой темноты. И так каждый день...

На четвертое утро случилось первое несчастье: заболел Нкайна. Несмотря на все усилия, он не мог подняться на ноги. Касанда внимательно посмотрел на него и сразу понял, что брат не выйдет из этого леса: Нкайна заболел сонной болезнью. Это произошло, наверно, еще в новом краале. Нкайна дрожал, и лицо его кривилось в гримасах боли. Он испуганно смотрел на Касанду, стараясь найти в глазах брата поддержку или утешение. Может быть, все скоро пройдет? Но Касанда не умел лгать. Ему было страшно за судьбу брата, он не мог произнести ни слова ему в утешение и упорно смотрел в сторону, боясь, что взгляд его скажет правду. Он знал — Нкайна обречен и никто не поможет ему теперь. Набетуну стояла рядом. По ее старому, морщинистому лицу катились слезы. Она не раз видела больных сонной болезнью и поняла все без слов.

Когда отряд поднялся, чтобы тронуться в путь, Нкайна сделал отчаянную попытку встать на ноги и не смог. Он снова лег, и глаза его умоляюще смотрели на брата: неужели его оставят в лесу одного? Набетуну, сложив у груди руки, тоже молча смотрела на Касанду: ведь он не бросит брата на съедение зверям?

Касанда принялся за дело. Он вырезал из шкуры буйвола длинный широкий ремень и связал его концы. Затем, повесив ремень через плечо, он посадил в него брата так, что Нкайна оказался у него за спиной. Касанде пришлось нести, кроме того, еще оружие и шкуры.

Голод теперь неотступно следовал за отрядом. Небольшие запасы, взятые из дому, кончились. Батако питались побегами бамбука, листьями и дикими плодами, если их удавалось найти. Но люди шли и шли целыми днями, почти не останавливаясь и

покачиваясь от слабости. Только на восьмой день пути решили отдохнуть: все выбились из сил.

С утра все разбрелись в поисках пищи. Взяв лук и копье и оставив Нкайну на попечении матери, Касанда отправился на охоту.

Мпутум бежал впереди него, понуро опустив хвост.

Они долго двигались по тропе, проложенной племенем, затем свернули в сторону. Здесь было так глухо и мрачно, что даже Касанде, привыкшему к джунглям, стало не по себе. Птицы и то не пели в этом лесу. От влажной земли поднимались тяжелые, душливые испарения. На пути часто встречались болотца, на берегах которых диковинные деревья, казалось, воевали друг с другом за свет и пространство. Смоковницы-«душители» сплетали свои ветки с ветвями соседей и медленно умерщвляли их. Огромные, толстые лианы обвивались вокруг больших деревьев, сжимая их в смертельных объятиях. В этом мрачном зеленом царстве шел бой не на жизнь, а на смерть.

Касанда шел тихо, не производя ни звука. Он осматривал каждый клочок земли, прежде чем ступить на него. Бежавшая впереди собака неожиданно остановилась. Она глухо зарычала, шерсть у нее встала дыбом. В нескольких шагах от себя Касанда увидел огромного черного нжину¹ — «лесного человека». Он стоял на коротких кривых ногах, держась одной рукой за ветвь, другой упираясь в землю, и смотрел на Касанду тяжелым, ненавидящим взглядом.

Касанда вздрогнул и попятился. Эти огромные волосатые руки могли разорвать человека на части, сломать его, как тростинку. Благоразумнее было бы отступить. Но там, в лагере, ждало его голодное племя. Нельзя было упускать такого зверя. Касанда, не задумываясь, сделал шаг вперед и, выхватив стрелу, пустил ее с такой силой, что она почти до половины вонзилась в грудь зверя. Нжина яростно заревел, сломал торчавший из груди конец стрелы и, вытянув длинные руки, бросился на Касанду. Касанда взмахнул копьем, но зверь молниеносным движением схватил древко оружия. В то же мгновение рыжий рычащий комок вцепился в кривую ногу нжины. Нжина резко повернулся и, выпустив копье, отшвырнул собаку. Воспользовав-

¹ Н ж и н а — горилла.

шись этим, Касанда быстрым движением ударил обезьяну копьём в грудь, и она грохнулась на землю с оглушительным ревом. Рассвирепевший Мпутум стал рвать ее зубами. Но горилла лежала неподвижно: она была мертва.

Отдохнув немного, Касанда поднял свою добычу, весившую не менее двух рослых мужчин, и пошел к стоянке племени.

Касанда шел, пригнувшись к земле под тяжестью, которую еще совсем недавно он поднял бы шутя. Голод унес его силы. Охотник с трудом перешагивал через толстые стволы упавших деревьев, спотыкался. Но он не останавливался, чтобы отдохнуть. Он нес пищу своему голодному, измученному племени. И эта мысль заставляла его идти быстрее.

Когда Касанда появился в лагере, все лица повернулись к нему. Люди встали и молча смотрели на него. В их глазах Касанда прочел один вопрос: как поступит он со своей добычей? Касанда положил зверя на землю, неторопливо вытер большим листом потное лицо и, повернувшись к племени, громко сказал:

— Пусть мужчины разрубят мясо. Каждый получит свою долю.

Все одобрили распоряжение Касанды.

К вечеру, когда собрались все уходившие на поиски пищи, обнаружилось, что один охотник не вернулся. Утром его пытались разыскать, но безрезультатно — человек исчез бесследно. Только джунгли знали о его судьбе.

IV

В отряде, день за днем двигавшемся на юго-запад, все больше и больше появлялось больных сонной болезнью. Больные через силу пытались идти с отрядом, но для них уже не было спасения. Страшная болезнь, попавшая в кровь, разрушала организм. И постепенно один за другим они отставали от племени. Чаще всего это были старики и дети. Они садились отдохнуть и больше уже не догоняли отряд. Обычно с ними оставались и родственники, и всех их поглощал опромный, мрачный лес. У здоровых не было сил нести больных. Лишь один Касанда упорно нес Нкайну.

За отрядом двигалась огромная стая голодных гиен,

ожидая жертв. Ночью они поднимали ужасный вой и хохот во-круг лагеря, и не один участник похода думал о том дне, когда силы оставят его и, покинутый племенем, он будет съеден зверя-ми. Почти каждую ночь шел дождь, молнии прорезали небо, и батако сидели, накрывшись буйволиными шкурами, тесно при-жавшись друг к другу. Когда не было дождя, лагерь осаждали москиты, не давая усталым людям спать.

Но каждое утро, едва забрезжит слабый свет, все вновь поднимались и, съев по несколько побегов молодого бамбука, продолжали свой путь. Молчаливые и голодные, они шли, не-престанно думая о пище. Теперь они двигались по старой, полу-заросшей тропе. В течение столетий, с тех пор как мзунгу появились в Стране Живой Воды, по этой тропе двига-лись к морю караваны работорговцев, которые вели своих чер-нокожих пленников на рынок рабов. То там, то здесь белели человеческие скелеты, скованные попарно ржавыми кандалами. Усталые люди бросали косые взгляды на останки своих пред-ков и прибавляли шаг.

Несколько раз путники проходили через краали, но им редко удавалось обменять кое-что из вещей или оружия на ба-паны, сорго или маис: обитатели краалей сами голодали. Как-то раз они вышли к большому дому мзунгу. Белый разводил здесь шелковичных червей, и несколько человек из отряда бата-ко остались у него работать.

Голод постоянно мучил людей, и во время стоянок все иска-ли пищу.

Однажды Касанде удалось найти дупло с медом. В тот день, оставив Нкайну в лагере, он ходил по лесу, отыскивая плоды, и вдруг заметил птицу турубву. Турубва беспокойно прыгала с ветки на ветку, издавая тревожные крики. Касанда знал эту хитрую птицу-сластену. Она часто приводит человека к дуплу с медом, зная, что и ей удастся полакомиться. Касанда пошел за турубвой и вскоре действительно нашел дупло.

Мед доставил много радости детям. Набетуну пыталась угостить им и больного Нкайну, но он уже ничего не мог есть. Зубы его были плотно сжаты, глаза безжизненно смотрели перед собой, скулы выдавались, живот втянулся, ребра резко выступали из-под ссохшейся кожи. Нкайна не чувствовал уже,

когда к нему прикасались. Он все время дрожал и, казалось, чего-то напряженно ждал. Говорить он не мог, и было ясно, что жить ему осталось недолго.

V

На четырнадцатый день пути отряд добрался до небольшой реки, текущей на запад. Люди пошли вдоль песчаного берега, отыскивая брод. По течению медленно двигались зеленые острова пловучих растений. Сросшиеся корнями папирусы и амбач образовали плотную массу, способную выдержать тяжесть человека. Большие фламинго важно разгуливали по пловучим полянкам. Батако никогда не видели лужаек, плавающих по воде, и с удивлением рассматривали их. Высокие, как деревья, гладкие трехгранные стебли папирусов слегка изгибались под тяжестью густой копны длинных, узких листьев, собранных на самой верхушке растений. Зеленый амбач рос сплошным плотным ковром.

В узком месте реки зеленые острова скопились, образовав мостик. Он был настолько прочен, что батако свободно перешли по нему на другую сторону.

Пройдя несколько сот шагов, люди увидели песчаную отмель, на которой лежало множество зеленоватых крокодилов. Они грелись под палящими лучами солнца, а в их огромных раскрытых пастьях безбоязненно хозяйничали маленькие белые птицы с серыми крыльями. Своими тоненькими черными клювиками птицы вытаскивали у крокодилов из зубов остатки пищи, и это, видимо, нисколько не беспокоило речных чудовищ. Заметив людей, птицы тревожно закричали. Крокодилы поползли к реке, волоча по песку длинные, сжатые с боков хвосты, и вскоре исчезли в мутной, коричневой воде.

Касанда, шедший впереди, заметил звериную тропу.

— Хумба-хумба прошел недавно, — сказал он, указывая на большие круглые следы слона. — Надо догнать его: отряд не дойдет до Луалабы, если мы упустим этого хумба-хумба.

Касанда сделал движение плечами, усаживая на место сползавшего с ремня Нкайну, и оглядел осунувшиеся лица окружающих его людей: он хотел убедиться, готовы ли они вступить

в бой с таким огромным зверем. Воины молча смотрели на Касанду. На лицах их была решимость. Открытая битва с хумба-хумба таила в себе много опасностей, но Касанда знал — ни один из воинов никогда не скажет, что он боится.

Некоторые племена, не умеющие строить ловушки, вступали иногда в открытые схватки со слонами. При этом всегда гибло несколько человек. Раньше Касанда с презрением относился к таким неумелым охотникам, но сейчас он и его люди сами вынуждены были прибегнуть к этому опасному способу охоты. Они не выйдут из этого леса, если не достанут пищи.

— Пусть сорок охотников оставят здесь все свои вещи, кроме оружия, — сказал Касанда. — Мы догоним хумба-хумба. Ветер дует в нашу сторону, и мы подойдем к нему близко. Остальные должны идти вслед за нами.

Спустя несколько минут худые, истощенные люди с лихорадочно блестящими глазами уже бежали по следам слона с копьями в руках. Когда солнце склонялось к вершинам деревьев, бежавший впереди Касанда подал знак остановиться. Охотники тихо подошли к нему. Впереди на небольшой поляне стоял огромный, как гора, хумба-хумба с кривыми розовыми бивнями и, обрывая хоботом плоды лианы инобоунга, отправлял их в рот. Пережевывая плоды, он пыхтел от удовольствия, щурил маленькие глазки и медленно раскачивал большими ушами.

— Хумба-хумба, отбившийся от стада, очень злой, — прошептал один из охотников, по имени Нгава. В глазах его был страх.

— Надо выбрать место для боя, — тихо отозвался Касанда, не обращая внимания на слова Нгавы. — Меж больших деревьев нам будет легче уклоняться от его ударов. Половина охотников должна обойти хумба-хумба и гнать его сюда.

Пока одни охотники обходили слона, другие выбрали неподалеку группу больших деревьев и стали занимать безопасные позиции. Большая часть охотников влезла на высокие ветви толстых деревьев, приготовив луки и стрелы. Касанда рассердился и знаками потребовал, чтобы многие из них спустились на землю. Нельзя было выпускать зверя из живого кольца.

Вскоре раздались крики загонщиков и показался слон. Он двигался медленно, осторожно осматривая лес своими маленькими умными глазками. Ни один сучок не хрустнул под его огромными, как стволы деревьев, ногами. Он шел прямо на людей.

Когда слон оказался под высоким деревом, на ветвях которого притаились несколько охотников, в его большую, похожую на серый холм спину вонзилось несколько стрел. Слон испустил грозный трубный звук и, подняв тяжелый хобот, бросился на охотника, высунувшего из-за дерева черную курчавую голову. Человек исчез за деревом, выпустив из лука стрелу, которая вонзилась у самого глаза зверя. Слон кинулся за охотником, а тот побежал зигзагами, скрываясь за деревьями. Хумба-хумба бежал за ним, то и дело застревая между близко стоявшими стволами. Стрелы сыпались на слона и сверху и снизу, но он упорно преследовал намеченную жертву, не обращая внимания на других охотников. Касанда стоял за стволом смоковницы, сжимая в руке длинное копьё из твердого сандалового дерева, и готовился нанести решающий удар. Для этого нужно было подойти к зверю вплотную и вонзить в него копьё как можно глубже.

Из-за ствола дерева выскочил охотник Нгава и ударил пробежавшего мимо него слона копьём. Но, видно, ослабела от голода рука Нгавы: копьё лишь скользнуло по ребру животного, не причинив ему вреда. Хумба-хумба обернулся так быстро, что Нгава не успел даже отпрыгнуть. Тяжелый хобот свалил его с ног, и серая гора пронеслась над ним. Почти в то же мгновение сбоку хумба-хумба вырос Касанда. Быстрый, как молния, взмах черной мускулистой руки — и копьё глубоко ушло в тугое тело зверя. Издав глухой стон, слон упал на колени. В ответ раздался радостный вопль охотников. Они выскочили из-за деревьев и бросились на слона с копьями. Но он вновь поднялся на ноги, схватил неосторожно приблизившегося к нему высокого охотника и, бросив его на землю, побежал в лес. Люди с криками кинулись за слоном, осыпая его стрелами. На небольшой поляне слон вновь упал. Охотники окружили животное. Рана, нанесенная Касандой, была смертельна.

Голодные люди принялись резать тугое, как резина, мясо хумба-хумба. Касанда, опираясь на обломок копья, молча смотрел на возвышавшуюся перед ним гору пищи. Теперь им хватит ее до конца пути. Жаль только, что Нкайна уже не может есть.

Люди бегали вокруг поверженного слона, выбирая лучшие куски, носили сухие ветви, готовя костры. Некоторые охотники, усевшись на траву, рвали зубами сырое мясо, не в силах больше переносить муки голода.

Касанда тоже стал готовить обед. Он вырезал кусок толстого зеленого бамбука так, что один из узлов коленчатого ствола образовал вместительный сосуд, налил туда воды и положил кусок мяса. Пока в бамбуковом сосуде есть вода, он не загорится даже на костре.

Касанда развел огонь и долго смотрел на кипящую в бамбуковом сосуде воду, вдыхая вкусный запах вареного мяса...

Приближался вечер.

Вдруг один из охотников предостерегающе вскрикнул. Касанда поднял голову и увидел нескольких маленьких людей, вышедших из лесу на поляну. В руках у них были луки и стрелы. Они что-то ожесточенно кричали. Касанда встречал пигмеев и раньше. Он знал, что они опасные противники, так как стрелы их всегда отравлены. Касанда встал и, отложив в сторону оружие, пошел с несколькими охотниками навстречу маленьким людям. В кустах он заметил много прячущихся воинов.

Их лица были возбуждены. Несколько человек, натянув луки, прицеливались в приближающихся батако. Касанда насторожился. Все мышцы его напряглись. В любой момент отравленная стрела, пущенная из чаши, могла вонзиться в его грудь. Он шел медленно, стараясь не показывать страха, сжимавшего сердце. Проявить трусость в такой момент — значит умереть.

Воины Касанды шли за ним, сбившись в плотную группу.

Касанда остановился перед пришельцами, внимательно рассматривая их. Эти люди были почти вдвое меньше его ростом. У них была светлокрасная кожа и на груди росли мелкие пучки рыжеватых коротких вьющихся волос. На курчавых головах — выбрито по три узкие полосы, шедшие ото лба к затылку. На кисти левой руки у маленьких людей был укреплен кожаный

мешочек для защиты от случайного ранения отравленной стрелой. Их умные глаза смотрели настороженно, но без страха.

— Вы убили хумба-хумба на нашей земле, — сказал маленький человек, который, повидимому, был их вождем. — Поэтому он принадлежит нам.

— Хумба-хумба убил двух наших воинов, — ответил Касанда. — Он пришел сюда с реки. Там не ваша земля.

— Все, что находится в нашем лесу, принадлежит нам, — с достоинством заявил маленький человек.

Касанда подумал, что столкновение не сулит батако ничего хорошего, и сказал:

— Если зверь принадлежит вам, то вы должны заплатить нам за работу, так как мы охотились за ним целый день. Возьмите себе бивни и отдайте нам тушу.

Уступчивость Ксанды смягчила маленького человека. Он подумал немного и ответил:

— Нам тоже нужно мясо. Мы даем вам половину туши.

Таким образом согласие было достигнуто.

Около ста маленьких краснокожих людей заполнили поляну и засуетились вокруг слона. Они ушли, когда было уже темно, унося свою долю мяса, разрезанную на части.

Касанда вздохнул, провожая их взглядом. Ему было жаль половины туши.

Ночь охотники провели у костров одни. Остальная часть отряда пришла лишь утром. Набетуну едва двигалась от усталости и голода. За эти дни она состарилась на несколько лет. Нкайну, который теперь стал совсем легким, несли четыре старика.

Собака Ксанды не пришла с ними: кто-то съел ее ночью, воспользовавшись отсутствием хозяина.

VII

На двадцать шестой день пути, в полдень, племя вышло к Луалабе. С высоких холмов была видна великая река. Люди молча смотрели вниз, на широкий поток, пробивавший себе путь в белом скалистом ложе. С наслаждением ощущали они на лицах дуновение прохладного ветерка. Эти мутные, коричне-

вые воды означали для людей конец несчастьям, конец тяжелому пути и голоду. Впереди их ждала другая, неизведанная еще жизнь.

Касанда стоял, прислонившись к дереву. Он был теперь совсем один. Два дня назад Набетуну упала во время перехода и больше не встала. Касанда долго сидел около нее, ожидая, что она очнется. Потом, поняв, что это конец, он закопал тело матери и, не желая, чтобы она стала добычей гиен, уже выглядывавших из-за кустов, заложил могилу камнями. А за три дня до этого скончался Нкайна, так и не сказав родным ни слова на прощанье.

Касанде тяжело было вспоминать, что в последние дни он, занятый отрядом, не мог позаботиться о матери, добыть ей пищу. Но мать в свои последние минуты думала лишь о нем и Нкайне. Когда Набетуну упала там, в лесу, и поняла, что это — конец, слабеющей рукой достала она из кожаного мешочка и молча отдала Касанде маленький кусок сушеного мяса — все, что осталось у нее от долгой трудовой жизни. Голодная, Набетуну берегла последний кусок для Касанды, хранила, чтобы в самую тяжелую минуту накормить им своего сына. Касанда вспоминал, как в детстве он не слушался матери, грубил, таскал у нее кокосовые орехи, и чувствовал себя сейчас глубоко виноватым перед нею. И вину эту уже нельзя было загладить.

Касанда не мог простить себе также, что он, усталый и сердитый, кричал на больного Нкайну за то, что тот ворочался у него за спиной, мешая ему идти.

Безрадостные мысли бродили в голове Касанды. Но горевать было некогда. Путь еще не окончен. Касанда осмотрел отряд. Из двухсот человек, выступивших в поход, осталось меньше половины. Ни детей, ни стариков почти не было: все они лежали там, в лесу.

Касанда стал первым спускаться к реке. За ним двинулись остальные.

К вечеру отряд вошел в Кинду. Большой крааль мзунгу поразил Касанду. По пыльным узким улицам мчались сверкающие лаком машины, о которых он раньше только слышал. Одна из них едва не наехала на него — Касанда еле успел отпрыгнуть в сторону. Машина остановилась, и черный шофер, высунув-

шись из окна, принялся ругать Касанду, но тот только добродушно улыбался.

Большие каменные хижины белых стояли рядом с маленькими, крытыми камышом бамбуковыми хижинами негров.

Измученные, худые батако несли свои жалкие пожитки, задевая прохожих свернутыми жесткими буйволиными шкурами, шарахаясь в сторону при каждом гудке автомобиля.

Появился чернокожий полицейский. Он приказал батако остановиться и долго кричал, проклиная нищих и бродяг, от которых не стало покоя.

Достав бумагу, которую дал ему Сантегью, Касанда кое-как объяснил полицейскому, что они завербованы на рудник, и спросил, как им найти агента компании. Им показали дорогу, и вскоре они предстали перед агентом, пожилым мзунгу с маленькими рыжими усами, а через два часа батако были уже в поезде, шедшем в Конголо.

Всю ночь простоял Касанда в вагоне, набитом неграми. Вагон был без стенок — крытая сверху платформа с невысокими перилами по бокам. Касанда стоял у самых перил, и ему не хотелось спать. Ярко светила луна, и слева, рядом с поездом, навстречу ему текла бурлившая на порогах река. Поезд шел быстро, и ветер приятно обдувал лицо.

Вскоре лес кончился. Теперь за рекой громоздились бесконечные холмы. Некоторые из них были покрыты густым кустарником. Между зелеными холмами поблескивали болотца.

Луалаба, ширина которой достигала в этом месте километра, то соединяла свои бурные воды в один рокочущий поток, то расходилась на несколько рукавов, разделенных друг от друга покрытыми темным лесом островами и песчаными отмелями.

У небольшого скалистого острова, расположенного вблизи берега, Касанда увидел в лунном свете группу негров. Дрожа от холода, они стояли по пояс в бурлящей воде, привязанные длинными веревками к перекладине, укрепленной на вбитых в дно столбах. Люди погружали в воду длинные плетеные корзины, заменявшие им сети. Под напором стремительного потока корзины прыгали в руках негров. Через определенный промежуток времени рыболовы вытаскивали свои снасти и, вынув оттуда улов, бросали его в висевшие у них на боку мешки.

Крааль рыболовов расположился недалеко от воды. Легкие хижины, сделанные из прутьев и камыша, стояли на высоких деревянных сваях. К хижинам были приставлены лестницы. Очевидно, вода поднималась иногда и затопляла берега.

Поезд шел, постукивая колесами, и оглушительно гудел перед станциями. На противоположном берегу у белой скалы показалась новая светлая полоса воды: в Луалабу вливалась река Луама, несущая свои быстрые воды с гор, окаймляющих озеро Танганьика. Получив новые воды, Луалаба расширилась и ускорила свой бег.

...Наступал серый рассвет. Луна побледнела в глубине неба. Поезд двигался теперь по широкой равнине. По сторонам растлались поля хлопчатника и высокого сахарного тростника. Белые плантаторы засевали здесь огромные площади, пользуясь дешевым трудом. Мелькали жалкие краали негров с покрившимися, крытыми травой хижинами.

Поезд стал постепенно замедлять ход и вскоре остановился, хотя поблизости не было ни станции, ни вообще какой-либо железнодорожной постройки. Касанда наклонился над невысоким барьером, ограждающим площадку вагона, и всматривался в серую мглу. Перед паровозом не было видно рельсов. Какая-то темная масса толстым слоем закрывала насыпь и поле с обеих сторон от нее на большом расстоянии. Из-под колес вагона через рельсы ползли и прыгали миллионы крупных зеленоватых насекомых. Касанда видел саранчу и раньше, но в таком количестве никогда. Насекомые ползли, карабкались друг на друга. Их жесткие, твердые тела издавали легкое потрескивание. Касанда посмотрел в поле. Там, где прошли прожорливые насекомые, не оставалось ни одной травинки — все было съедено.

Лишь через час, буксуя колесами и то и дело останавливаясь, поезд прошел через территорию, покрытую саранчой.

Когда из-за высоких холмов поднялось солнце, дорога вновь шла по берегу Луалабы. Вдали показался город Конголо. Маленький старый паровоз отчаянно пыхтел, взбираясь все выше и выше по плоскогорью. Казалось, впереди поезда шумно дышало огромное животное, выбиваясь из сил.

Касанда смотрел, как зачарованный, на белую от пены реку,

мчавшую в глубоком ущелье свои воды через многочисленные пороги.

Шум от реки нарастал. Уже не было слышно тяжелого дыхания паровоза. Река бесилась, ревела и грохотала. По широкому руслу вместо воды неслись вихри белой пены и брызг. Поезд подъезжал к Адским воротам. Зажатая с боков мрачными серыми скалами, Луалаба, словно взбесившийся зверь, мчалась по пробитому в граните крутому ложу, прыгая через камни и взметая в воздух брызги, ослепительно сверкавшие в лучах утреннего солнца. От тяжелого грохота было больно в ушах. Касанда не слышал, что кричал ему сосед, указывавший вниз, в узкое ущелье.

В Конголо железная дорога кончалась. Дальше можно было ехать только по воде. От Конголо до Букамы Луалаба была судоходной, и негров пересадили на огромную баржу. Маленький пароход, тащивший баржу по течению, дымил всю дорогу, словно на нем жгло костры целое племя.

Чем дальше на юг продвигались батако, тем выше и выше поднимались они по плоскогорью. Ночи стали очень холодные, и люди на барже в эти часы сидели, тесно прижавшись друг к другу, накрывшись жесткими шкурами или одеялами. На барже собралось много народа. Здесь были и негры с реки Уэле, завербованные для работы в медных рудниках, и горняки со Среднего Конго, направлявшиеся на алмазные россыпи к границе португальской колонии Анголы, и жители севера — с берегов реки Убанги, ехавшие, как и батако, на урановые рудники в высокогорной саванне Катанги.

На барже было так тесно, что люди не могли даже лечь. Они должны были или стоять, или сидеть, поджав под себя ноги. Мусульмане, расположившиеся у самого борта справа от Касанды, несколько раз в день молились. Они расстилали свои молитвенные коврики, для чего их соседи должны были потесниться, так как не хватало места, и, встав на колени лицом к Мекке — священному городу мусульман, молились, прося у аллаха всяких милостей. Одни просили послать им несколько кукурузных лепешек, так как им не хватит до конца дороги, другие — хорошее одеяло: ночи стали холодными. Молодой негр с реки Уэле по несколько раз в день тщательно закрывался от посто-

ронних взоров шкурой буйвола. Имбонбо Длинный Язык, видевший на своем веку много племен и знавший их обычаи, заметив недоумевающий взгляд Касанды, объяснил:

— Этот парень прячется потому, что стыдится есть в присутствии посторонних. Он лучше умрет с голоду, чем нарушит этот обычай своего племени.

На следующее утро приплыли в Букаму. Здесь батако снова пересадили в поезд, так как на реке опять начинались пороги.

Через несколько часов поезд остановился в Тенке. Дальше надо было ехать в грузовиках.

Это был последний участок пути. Машины мчались по скучной, однообразной саванне, покрытой сухой, выжженной солнцем травой. Кое-где трава горела. Длинная полоса огня и дыма медленно ползла по широкой равнине. Изредка попадались одинокие небольшие деревья с кронами, расположенными в виде широких зонтов. Немногочисленные темные пятна разбросанных по саванне низкорослых кустарников с жидкой листвой подчеркивали неприветливость этих мест. Слово часовые, стояли в степи очень прочные с виду конусообразные постройки термитов¹. Высота жилищ этих насекомых достигала нескольких метров.

Много раз машины останавливали вооруженные люди, и агенты компании предъявляли им какие-то бумаги. Солдаты пересчитывали сидевших в грузовиках негров, и машины продолжали свой путь.

Было за полдень, когда они въехали в большой лагерь, обнесенный колючей проволокой. На огромной территории рядами стояли длинные, неприветливые глинобитные бараки. Между ними, вздымая пыль, проносились автомобили, нагруженные темнозеленой землей.

Машины с неграми въехали в небольшую, огороженную высоким бамбуковым забором территорию, находившуюся внутри лагеря. Здесь был карантин, и батако предстояло провести в нем две недели.

Грузовики уехали, оставив после себя сизые клубы дыма, и ворота за ними закрылись.

Вновь прибывших встретил высокий седой негр. Он повел их

¹ Термиты — особый вид муравьев.

к длинному темному бараку с единственным входом, служившим одновременно и окном.

Появился мзунгу в длинной белой одежде и сел за стол под навесом около барака. Два его черных помощника принесли белую блестящую трубку и другие странные предметы и поставили их на стол.

— Немезис, немезис! — зашептали негры, с опаской поглядывая на белого.

Пришел другой мзунгу и, усевшись за стол, открыл толстую книгу.

«Немезис» поманил пальцем одного из батако, приглашая его подойти к столу. Негр попятился, стараясь смешаться с толпой, но стоявшие сзади толкали его вперед, боясь, что выбор мзунгу упадет на кого-нибудь из них. Негр упирался, не желая первым подходить к «немезису»: от белых всегда нужно ждать чего-нибудь нехорошего.

— Памба, памба! (Трус!) — раздавались позади него неодобрительные голоса.

Белый спокойно наблюдал эту сцену.

Наконец негр подошел к столу, косясь на блестящий аппарат, стоявший перед белым. «Немезис» ободряюще улыбнулся и взял негра за руку. Толпа с трепетом наблюдала за действиями мзунгу.

Белый спокойно потер ваткой, смоченной в жидкости, палец негра, затем поднес к нему маленькую блестящую палочку и щелкнул ею. Негр вздрогнул, но не отступил, зная, что на него смотрят соплеменники. На пальце появилась капля крови. Мзунгу снял эту каплю прямоугольным кусочком стекла и стал одним глазом смотреть в стоявший перед ним на столе микроскоп. Анализ крови удовлетворил белого. Он одобритительно кивнул головой, и другой мзунгу спросил имя негра и что-то записал в свою книгу. Затем негр приложил свой палец к книге, где записали, что он принят на работу в рудники компании «Катанга юнион миньер» сроком на семь лет и что он обязывается не убегать и хорошо выполнять порученную ему работу. Если же негр вздумает убежать, то в случае поимки он в первый раз получит пятнадцать ударов кнута, а во второй раз его посадят на два года в тюрьму, где он будет работать бесплатно.

Получив трусы, рубаху и кусок войлока, который должен был служить ему постелью, негр отошел в сторону.

Мзунгу в белом халате, рассматривая под микроскопом капельки крови, взятые у некоторых вновь прибывших, неодобрительно качал головой и что-то говорил другому мзунгу, причем в словах его можно было ясно разобрать слово «це-це». Мзунгу ставил этих людей отдельной группой. Они не прикладывали свой палец к толстой книге. Им не давали ни одежды, ни войлока. Они робко стояли в стороне, с беспокойством ожидая решения своей судьбы.

Когда подошла очередь Касанды и с ним была проделана та же процедура, что и с другими, мзунгу-«немезис» остался им очень доволен. Он похлопал его по плечу и что-то спросил у переводчика.

— Доктор Ленуар спрашивает, как тебя зовут, — обратился тот к Касанде.

Касанда сообщил ему свое имя и ответил еще на много вопросов, которые задал ему доктор.

— Молодец! — Доктор снова похлопал его по плечу.

Касанда совсем осмелел и, почувствовав к доктору симпатию, спросил:

— А когда мне дадут хижину, такую, как у белых? Бвана вербовщик обещал, что как только мы приедем сюда, нам каждому дадут по такой хижине.

Услышав эти слова, соплеменники Касанды насторожились, но доктор вздохнул, покосился на другого мзунгу, махнул рукой и ничего не ответил.

Следующим к столу подошел Имбонбо Длинный Язык. Доктор Ленуар внимательно осмотрел Имбонбо, и взгляд его остановился на опухшей ноге негра. Лицо доктора стало очень серьезным, слишком серьезным, и Имбонбо испуганно посмотрел на белого.

По распоряжению доктора, около стола поставили два бамбуковых стула. Имбонбо сел на один из них, на другой положил свою опухшую ногу. Доктор приказал Имбонбо отвернуться, и все увидели, как белый ушипнул его ногу щипцами. Даже другой мзунгу поморщился, но Имбонбо не пошевелился; он не почувствовал боли.

— Лепра¹, — тихо сказал доктор.

Он поморщился, покачал головой и что-то записал в свою тетрадь.

— Давно у тебя болит нога? — спросил доктор, с сочувствием глядя на Имбонбо. — Это очень заразная болезнь.

— Давно, — печально ответил Имбонбо, — много лет.

Имбонбо велели стать в сторону. Он не прикладывал пальца к книге, и ему не дали одежды. Это последнее обстоятельство особенно огорчило его, и он беспокойно смотрел на своих более счастливых товарищей, стараясь найти на их лицах объяснение такой несправедливости.

Наконец осмотр окончился. Группе негров, не получивших ни одежды, ни войлока, мзунгу, державший толстую книгу, объяснил, что они больны сонной болезнью и компания не нуждается в их услугах. Они могут идти куда им угодно.

Негры ушли с рабочим лагеря и больше не возвращались. Имбонбо пошел куда-то с черным помощником доктора. Остальных накормили вареным сорго, разделили на две группы — семейных и несемейных — и повели в бараки карантина.

Часть третья

I

Много месяцев прошло с тех пор, как Касанда прибыл на урановый рудник в Тинковелью, но он не мог привыкнуть к новой жизни. С утра до ночи бросал он лопатой куски черно-зеленой земли, которую белые называли «уранинит», на бесконечную ленту транспортера, и тело его вечно ныло от непосильного труда. Работа на поле, в краале, казалась ему теперь развлечением по сравнению с тяжелым, безрадостным трудом на руднике. Черно-зеленая земля, безобидная с виду, причиняла страдания тому, кто с нею долго соприкасался. Люди глохли и начинали кашлять кровью. Многие из батако, работавшие рядом с Касандой, уже ходили словно тени. Долго выдержать тяжелый режим, установленный на руднике, они не могли.

¹ Лепра — болезнь проказа.

В последнее время даже праздники отменили. Чья-то невидимая рука заставляла работать всю эту массу согнанных сюда людей с каждым днем все быстрее и быстрее, и черные надсмотрщики с плетками за поясом зорко следили за тем, чтобы никто из негров не уклонялся от работы.

Негры, работавшие с Касандой, боялись своего надсмотрщика Ксири, свирепого черного парня с берегов притока Конго — Ломами, и старались задобрить его подарками, которые Ксири брал с величайшим пренебрежением. Только Касанда никогда не получал пинков и зуботычин, хотя Ксири и ненавидел его за то, что он держался чересчур независимо и не проявлял должного уважения к надсмотрщику. Касанда не только не дарил ему подарков, но даже осмеливался задавать ему, Ксири, разные вопросы, словно равный равному.

Как только Касанда появился на руднике, он прежде всего спросил Ксири, не знает ли бвана надсмотрщик, когда им, каждому негру, дадут по хижине, сделанной из камня, как это обещал бвана вербовщик.

Ксири даже подумал сначала, что Касанда издевается над ним. Но негр смотрел на него так доверчиво, что надсмотрщик решил: парень не в своем уме. Когда их взгляды встречались, Касанда никогда не опускал глаз, как это делали другие, а простодушно смотрел Ксири в лицо. Он держался независимо и был твердо уверен, что Ксири очень любит его за усердную работу: ведь он никогда не сидел без дела. У Ксири чесались руки «проучить» Касанду, так как он подозревал, и не без основания, что все остальные рабочие, которые были хорошо знакомы с плетью и кулаками надсмотрщика, думают, что он боится Ксанды. Он действительно не решался ударить Касанду. Широкие плечи негра и могучие руки с огромными узловатыми мышцами красноречивее всего говорили, что этого делать не следует.

II

На урановом руднике, где работал Касанда, добыча руды шла открытым способом. С утра до ночи вгрызались люди в землю с помощью кирок, лопат и землечерпалок, расширяя и

углубляя огромный котлован. Бесконечные ленты транспортеров и ржавые вагонетки поднимали вверх куски черно-зеленого уранинита.

Много негров, согнанных с родной земли или проданных в рабство своими вождями, трудились здесь с утра до ночи, проклиная судьбу и мзунгу, пришедших в их страну. Белых рабочих на рудниках было немного. Они работали на больших, сложных машинах, жили отдельно, в своем поселке, и получали в десять раз больше, чем негры. И даже те немногие негры, которым выпадала редкая удача — стать механиком или машинистом, получали гораздо меньше белых, выполнявших ту же работу. Касанда не раз видел, что администрация рудника относится к белым рабочим совсем иначе, чем к неграм. Дирекция опасалась организованных белых рабочих, которые, чувствуя, что вся жизнь рудника находится в их руках, могли постоять за себя, и Касанда не слышал, чтобы кого-нибудь из них отстегали кнутом, тогда как неграм доставалось почти каждый день.

Касанда помнил, как однажды, когда администрация не захотела уплатить белым рабочим за лишние часы работы, они не пришли на рудник, и сам бвана директор не мог ничего с ними поделать. Рудник бездействовал целый день, и у Ксанды, который должен был бросать руду на ленту транспортера, было нечто вроде праздника, так как все механизмы стояли. А на следующий день администрация рудника уступила: белые рабочие добились своего. Касанда с завистью смотрел на них. Он часто спрашивал себя: почему белые могут бороться за свои права, а они, негры, сидят за колючей проволокой и не могут открыть рот без того, чтобы их не отстегали?

Такие мысли приходили в голову Ксанде все чаще, в особенности последнее время, когда надсмотрщик Ксири стал придирается к нему за каждый пустяк и, стараясь причинить неприятность, ставил его на самые тяжелые работы: то заставлял разбивать кувалдой огромные камни, встречающиеся в породе, то посылал во время обеда, когда все отдыхали, с каким-нибудь поручением. И Касанда постепенно возненавидел своего мучителя. Он начал резко отвечать на приказания Ксири, и взаимная неприязнь их увеличивалась с каждым днем.

В бригаде Ксири появился новый рабочий, тихий и робкий, с грустными глазами. Это был молодой негр, присланный сюда англичанами вместе с большой партией рабочих из северной Родезии. Гвара — так звали негра — сразу понравился Касанде, и они часто беседовали, объясняясь главным образом знаками: новичок не знал языка кингвана. Этот негр не мог сразу начать работать так, как работали на руднике. Каждые полчаса он отдыхал, опираясь на кирку и делая вид, что рассматривает породу.

Ксири, невзлюбивший новичка за дружбу с Касандой, заметил его тактику и однажды, как только Гвара вновь повторил свой прием, тихо подошел сзади и дал ему такого пинка, что тот растянулся на земле.

— За что ты его? — угрюмо сказал Касанда. — Помахал бы сам весь день киркой!

Рабочие смотрели на них, и Ксири чувствовал, что авторитет его сейчас рухнет, если он немедленно не предпримет каких-либо решительных действий. В нем клокотала ярость. Он свирепо оскалил зубы, шагнул в сторону Ксанды и, резко взмахнув плетью, ударил его по лицу. Касанда сделал шаг назад и, зацепившись за камень, упал. Ксири прыгнул к нему, и плеть его засвистела над Ксандой. Вся злость, скопившаяся в Ксири против этого негра, излилась сейчас в этих ударах.

Касанда, вначале оглушенный неожиданным нападением, пришел в бешенство. Он вскочил на ноги, и его острая лопата сверкнула в воздухе. Не успей Ксири вовремя присесть, голова его свалилась бы на землю.

Ксири завизжал на весь рудник и бросился к зданию администрации. Через несколько минут пришли солдаты и увели Ксанду, который не оказал им ни малейшего сопротивления.

III

Почти каждую ночь из «черного городка» убегали несколько негров. Компания держала специальных людей, которые с помощью собак регулярно устраивали облавы на беглецов. Охота обычно заканчивалась поимкой «нарушителя порядка». Тогда

в лагере устраивался «суд», и для того чтобы отбить у негров охоту к «уклонению от обязательств перед компанией», наказание иногда производилось публично. По мнению директора рудника Лавинье, считавшего себя большим знатоком психологии негров, такие экзекуции, во-первых, прививали рабочим мысль о том, что белый человек всесилен и поэтому нельзя безнаказанно нарушать его законы, и, во-вторых, наглядно демонстрировали неграм преимущество мирного, спокойного труда перед бунтом.

Касанда часто присутствовал при порках, но сам еще ни разу не подвергался такому оскорбительному наказанию. И вот теперь он стоял на большой площади рядом со старым, морщинистым негром, сбежавшим два дня назад и пойманым сегодня ночью.

Дело Касанды разбирал сам директор, и, несмотря на то что Касанда объяснил ему, как все произошло, и доказывал, что он, Касанда, не виновен, что надсмотрщик ударил его без всякого повода, директор приговорил его к двадцати пяти ударам.

Кнут был сделан из целого длинного куска толстой гиппопотамовой кожи. Двадцать пять ударов считалось очень тяжелым наказанием. Часто это означало смерть.

На площадь привели всех рабочих. Им надлежало усвоить теорию господина Лавинье о всесии белого человека. Первым секи старого негра, привязав предварительно его руки к кольцам, ввернутым во врытый в землю столб. Он кричал на весь лагерь тонким, детским голосом. Пьяный широкоплечий палач из племени батшик исполнял свою обязанность с видимым удовольствием. Стоявший напротив Касанды молодой негр Гвара, из-за которого произошла ссора Касанды с надсмотрщиком, наблюдал такую сцену впервые. Он дрожал всем телом, судорожно глотал воздух и не мог скрыть охватившего его страха и отвращения.

Все это время Касанда стоял со связанными назад руками, охраняемый с двух сторон вооруженными солдатами. На высокой каменной веранде в бамбуковых креслах сидели белые, и среди них директор, любивший наблюдать, как проводится в жизнь его теория о пользе телесного наказания для негров. Он с удовольствием замечал на лицах некоторых рабочих страх и смятение...

Наконец старого негра сняли и положили на землю, так как он не мог уже стоять.

Касанду развязали и повели к столбу. До сих пор он вел себя спокойно, но у самого столба вдруг взбунтовался и оттолкнул державших его людей. Несмотря на все усилия, охранники долго не могли справиться с негром, пока один из них не ударил его по голове ручкой револьвера. Касанда потерял сознание.

Когда он открыл глаза, руки его были притянуты ремнями к кольцам и сбоку уже стоял усмехающийся палач. Касанда осмотрелся и увидел мзунгу. Они попрежнему сидели на веранде, и один из них, глядя на Касанду, улыбался. На сухом лице директора было высокомерное, презрительное выражение. Он уселся поудобнее и, видимо, приготовился смотреть, как будут наказывать непокорного негра.

Кнут взвился и со свистом опустился на спину Касанды. В напряженной тишине не прозвучало ожидаемого душераздирающего крика. Касанда молчал, впившись взглядом в директора.

В воздухе снова просвистел кнут. Касанда не шелохнулся. Лишь мышцы его напряглись до предела. Негры перестали дышать. Директор откинулся на спинку кресла и искоса глядел на Касанду, стараясь подавить волнение.

Третий, четвертый, пятый удары... При каждом из них лица у белых дергаются, но зубы Касанды попрежнему сжаты. Шестой, седьмой, восьмой удары... Тишина...

Негры взволнованно смотрят на Касанду и мзунгу. В их глазах удивление и какая-то восторженная гордость за Касанду, словно это они сами, а не он молчит под кнутом палача, не желая показать свою слабость перед высокомерными, ненавистными мзунгу.

Десятый, одиннадцатый, двенадцатый удары... Касанда молчит, закрыв глаза и оскалив белые зубы. Палач останавливается и неуверенно смотрит вокруг, но, поймав на себе яростный взгляд директора, снова обрушивается на свою жертву. Голова Касанды бессильно откидывается назад, черные круги плывут перед глазами... сознание покидает его.

Когда Касанда пришел в себя, он лежал в бараке на своем войлоке. Тусклая электрическая лампа освещала длинное, уз-

кое помещение и знакомые лица негров. Спина горела, словно на ней рассыпали горящие угли. Возле него стоял доктор Ленуар и мазал ему спину чем-то холодным и приятным. Доктор сокрушенно качал головой и непрерывно яростно ругал кого-то отсутствующего на языке, непонятном Касанде.

Врач удалился, и негры обступили Касанду.

— Очень больно? — робко спросил Гвара. — Это из-за меня все...

— Пить... — Касанда поморщился от боли. — Дай пить.

Гвара, схватив пустую консервную банку, бросился за водой.

— Касанда, ты держал себя, как настоящий мужчина. — Пожилой рабочий подошел к нарам. — Ты плюнул сегодня в лицо мзунгу. Так все говорят... Есть хочешь? Вот принесли воду.

— Я им этого дня не прощу! — прошептал Касанда.

Около него стояли знакомые и незнакомые рабочие. Одни сочувственно, другие с любопытством рассматривали этого сильного духом человека.

Касанда приподнялся, сделал несколько глотков и снова лег на живот. Спину стягивало горячими щипцами, кружилась голова, по всему телу разлилась болезненная, расслабляющая теплота.

Много времени пролежал Касанда в бараке. С утра все уходило на рудник, возвращаясь лишь вечером, и он целые дни проводил в одиночестве. Через несколько дней в бараке появился еще один больной. Это был слесарь по ремонту рудничных механизмов — коренастый негр лет тридцати. Тяжелый камень повредил ему ногу. У него был мрачный, тяжелый взгляд, и он произвел вначале на Касанду впечатление очень сердитого человека. Но это первое впечатление скоро рассеялось. Анака — так звали нового больного — оказался приветливым и разговорчивым парнем. С первого же дня Касанда увидел, что Анака не похож на большинство негров, работавших на руднике, не такой, как другие. Он бывал во многих далеких городах мзунгу, разговаривал с доктором Ленуаром на языке белых и даже мог читать и писать. Однажды доктор принес Анаке небольшую книгу. При этом он что-то сказал Анаке; тот понимающе кивнул головой, осмотрелся вокруг и спрятал книгу под войлок.

Доктор не хотел, чтобы администрация узнала, что он дает неграм литературу: это грозило ему неприятностями.

Весь день Анака лежал на боку, глядел не отрываясь в раскрытую книгу, перелистывал страницы. Взгляд его был серьезен и сосредоточен. Касанда смотрел на него с благоговением.

Когда Анака перестал читать, Касанда робко спросил у него:

— И вы всё понимаете, что написано в этой книге? — Касанда не мог заставить себя сказать такому ученому человеку «ты».

Анака улыбнулся, заметив перемену в отношении к себе со стороны Касанды.

— Да, понимаю, — серьезно сказал он. — Это очень хорошая книга. Я просил доктора Ленуара достать ее, и доктор подарил мне эту книгу. Ее написал один француз. Анри Барбюс зовут его. Ты тоже должен знать, что в ней написано. Тебе можно доверять. Такие, как ты, не бывают предателями. Я видел, как ты держался, когда тебя били кнутом. Все, кто видел тебя в тот день, говорят, что мзунгу хотели высесть тебя, а высекали себя. Они думали запугать нас, а испугались сами.

— За кнут я им отомщу! — Глаза Касанды засверкали. — Если этот директор попадетс я мне в руки, я... — Касанда сжал свой большой кулак.

— Где же он тебе попадетс я? — усмехнулся Анака. — Он с охраной ходит по руднику.

— Попадетс я, — сказал Касанда не очень уверенно.

— Так слушай, что написано в этой книге, — продолжал Анака. — В ней рассказано о человеке, который восстал против несправедливости и всю свою жизнь борется за то, чтобы простые люди, такие, как мы с тобой, не были рабами. Он отнял земли, рудники и заводы у тех, кто захватил их у народа, и отдал тем, кому они должны принадлежать, — тем, кто работает сам. И, кроме счастья простого народа, у него нет другой цели в жизни.

Касанда приподнялся на локте, сел и внимательно смотрел на собеседника.

Анака перевернул несколько листов и сказал:

— Вот он, этот человек.

Касанда наклонился над портретом, с волнением разглядывая его.

Со страницы книги на Касанду смотрел человек с умными, пронизательными, добрыми глазами. Глаза были немного прищурены и, казалось, улыбались. У него были черные усы и черные волосы, в которых начала уже пробиваться седина.

— Как его имя? — тихо спросил Касанда.

— Сталин.

— Где он сейчас?

— Далеко, на севере... В Советском Союзе, где живет Сталин, управляют те, кто сами трудятся. Там все люди равны, какого бы цвета они ни были.

Анака долго рассказывал Касанде о Сталине, о Коммунистической партии, о жизни советского народа, о жестоких битвах в Малайе и Кении, во Вьетнаме и Египте. И Касанда, слушая его, проникся такой жгучей ненавистью к поработителям, что готов был один сразиться против всех мзунгу.

— Рабом быть никто не хочет, — говорил Анака убежденно. — Все народы хотят быть свободными, и взоры их обращены поэтому к Советскому Союзу. Они видят в нем свое будущее. Сталин показал нам, как надо перестраивать жизнь. Мы все смотрим на этого человека, внимательно прислушиваемся к его словам, учимся у него, как бороться со своими врагами — угнетателями. И мы гордимся нашим Сталиным. Он великий борец революции. Вот слушай, что написано о нем в книге. — Анака откашлялся и, с трудом подбирая слова, стал медленно переводить с французского на язык кингвана: — «...он — величайший и значительнейший из наших современников. Он ведет за собой 170 миллионов человек... Во весь рост он возвышается над Европой и Азией, над прошедшим и будущим». Вот какой наш учитель! — Анака оторвал взгляд от страницы.

Касанда взял книгу, открыл ее в том месте, где был портрет, и долго глядел на него. Касанде казалось, что глаза великого человека улыбаются именно ему, что взор Сталина полон сочувствия к нему — рабу мзунгу, которые неизвестно почему распоряжаются его судьбой, держат его за колючей проволокой и секут кнутом, если он не подчиняется. Касанда смотрел на

портрет и испытывал глубокую радость. В сердце его появилась надежда на освобождение, крепла мечта о светлом будущем. Касанда знал теперь, что он не одинок, что у него, у его народа есть друг великий и добрый, могучий и справедливый, одно имя которого приводит в страх врагов Касанды, врагов всех обездоленных. Это имя, как знамя в бою, несут во всем мире бесстрашные борцы за свободу.

Касанда чувствовал, что отныне и его сердце принадлежит этому человеку, борющемуся за счастье трудового народа.

— Сталин первый среди тех, кто борется сейчас против новой войны, — сказал Анака. — Мзунгу хотят заставить нас воевать против Советского Союза.

— Пусть только мзунгу дадут мне в руки винтовку, — сказал Касанда, — я знаю, в кого стрелять!

В барак стали заходить рабочие, и беседа прекратилась: у администрации рудника было много шпионов.

На следующее утро Анака неожиданно предложил:

— Хочешь научиться читать?

— Хочу, — твердо сказал Касанда. Он даже приподнялся на своей полке. — Ты думаешь, я смогу научиться?

— Да. Только ты должен очень захотеть. И нужно иметь очень много терпения.

— Я очень хочу! Я хочу знать, что нам нужно делать, чтобы прогнать мзунгу из нашей страны. Ведь ты сказал, что в книгах об этом говорится. Я хочу сам прочитать об этом.

— Я знаю, ты выучишься — ты сильный и настойчивый. Ты должен выучиться.

И Анака принялся объяснять Касанде алфавит. Касанда оказался очень способным учеником.

Буквы Касанда выучил очень быстро. Его упорство поражало Анаку. Лишь только утренний свет проникал в прорезанное в стене прямоугольное отверстие, Касанда принимался за книгу, принесенную доктором. Он читал ее по складам почти до самой темноты. Книга была с картинками и предназначалась для детей. Касанда шептал буквы, и когда из их сочетания получалось знакомое слово, а из слов — фраза, лицо Касанды озарялось счастливой улыбкой. Он засыпал градом вопросов Анаку, и тот терпеливо объяснял ему, как произносится то или

иное сочетание букв, как произносить французские слова и что они означают.

Охваченный желанием научиться читать, Касанда целыми днями не отрывался от книг. Он читал и читал, забывая иногда даже о еде, которую приносили ему товарищи. Он сам чувствовал свои успехи. Перед ним медленно приподнималась завеса в новый, неизвестный ему мир.

От напряжения пот крупными каплями выступал на лбу. После нескольких часов непрерывного чтения голова начинала болеть, становилась тяжелой. Но он читал и читал.

Так незаметно пробежало несколько недель. Анака выздоровел. В последний день, который они были вместе, Касанда неожиданно попросил:

— Дай мне тот портрет, Анака, — ведь у тебя останется книга. Я покажу портрет непрам из нашей бригады. Пусть они знают, что у нас тоже есть друзья.

И Анака отдал портрет.

На следующий день Касанда остался один. Он уже второй раз читал маленькую книжечку, стараясь понять и запомнить каждое слово. Никогда в жизни Касанде не было так трудно, как теперь. Но он хотел знать, что ему и его народу нужно сделать, чтобы изгнать мзунгу. Для такой великой цели стоило трудиться. Он был готов на любые трудности и жертвы.

Когда Касанда вновь стал работать, он не бросил ученья. Урывая минуты от обеда, вечером, при слабом электрическом свете, Касанда читал упорно и настойчиво. Жизнь его приобрела новый смысл.

IV

Много дней прошло. Раны у Касанды зажили. Он стал задумчивым и молчаливым, и Ксири, видя в его глазах недобрые огоньки, не решался говорить ему что-либо.

Бросая лопатой куски черно-зеленого уранинита, Касанда теперь целыми днями думал о мзунгу. Зачем они пришли в Конго? И почему негры подчиняются им? Ведь мзунгу во много раз меньше, чем негров. Иногда ему хотелось убежать отсюда, чтобы не видеть рудника, Ксири, мзунгу. Но бежать было не-

куда. Из их нового крааля на болоте, наверно, уже все ушли, да и все равно там жить было невозможно. Скрываться в саванне было очень трудно — беглецов почти всегда ловили и наказывали.

Один за другим проходили безрадостные дни. Касанда по-прежнему упорно учился. Он учился, когда это было возможно, учился для того, чтобы изгнать мзунгу. Лишь только у него появлялась свободная минута, он вынимал книгу и, спрятавшись в тени, читал, не обращая внимания на надсмотрщика. Даже размахивая киркой, он думал о прочитанном.

Ксири теперь боялся Касанды и, замечая на себе его пристальный, полный ненависти взгляд, начинал нервничать. Тревогу надсмотрщика усиливало еще и то, что другие рабочие часто шептались между собой и бросали на него загадочные взгляды.

Однажды вечером Ксири зашел, как обычно, в контору, сообщил, что ни один из его рабочих не заболел и не сбежал, и отправился в «черный городок» через небольшое поле, отделявшее рудник от рабочего поселка.

Было уже совсем темно. Сквозь рваные, низко нависшие тучи светили яркие звезды. Ксири быстро шагал по безлюдному полю, думая об ужине, ожидавшем его дома.

От неожиданного окрика Ксири остановился. В темноте в двух шагах от него стоял человек. Ксири вздрогнул и попятился: он узнал фигуру Касанды. С земли поднялось еще несколько человек.

Ксири хотел бежать и не мог: страх сковал его ноги. Сзади раздались мягкие, крадущиеся шаги. Ксири хотел обернуться, но в этот момент кто-то сжал ему руки и грубая, мозолистая ладонь зажала рот. Люди подняли его и понесли. Ксири старался вырваться, но напрасно: сильные руки крепко держали его. Минут через десять люди остановились и бросили Ксири на землю.

— Ты узнал нас, Ксири? — спросил Касанда, подходя к нему. — Мы хотим поговорить с тобой. Ты продался мзунгу и каждый день бьешь своих братьев. Завтра ты уже не будешь никого бить.

Ксири поднялся на ноги. Он стоял в кругу молчаливых, мрачных людей. Двое рабочих копали яму. В тишине было

слышно, как их лопаты лязгали о землю. Безразличные ко всему звезды смотрели с высоты.

— У меня трое детей, — сказал тихо Ксири, — они умрут без меня. — И он вдруг заплакал. Он сам не знал жалости к другим и не очень рассчитывал на нее.

Рабочие продолжали копать. Наконец один из них сказал: — Готово!

И два человека, схватив Ксири за руки, подвели его к яме.

— Ложись, — сказал один из рабочих. — Мы не хотим, чтобы на траве осталась твоя кровь. Тебя будут искать.

Ксири в ужасе попятился от могилы. Он упал на колени, громко зарыдал и несвязно заговорил, глотая слезы:

— Касанда, Гвара, не убивайте... дети умрут... Касанда!..

— Испугался! — сказал один из рабочих.

А Касанда вдруг почувствовал в глубине души отвращение к тому, что они собирались сделать. Его ярость против надсмотрщика прошла. Унижение Ксири вызывало в нем лишь презрение, а не ненависть. Не он был виной тому, что происходило на руднике и во всем Конго, а мзунгу. Кроме того, завтра, а может быть, даже сегодня охрана станет искать Ксири, и начнутся аресты. Самое же главное — им немедленно дадут нового надсмотрщика. Но все же Касанда не хотел проявлять своих колебаний в присутствии товарищей.

А Ксири все плакал и молил о пощаде. Касанда видел, что сомнения овладели и другими товарищами.

— Может быть, он больше не будет драться? — сказал нерешительно Гвара.

Рабочие отошли от надсмотрщика и стали тихо шептаться. Увидев это, Ксири начал выть еще громче и жалобнее. Рабочие кончили совещаться и опять окружили надсмотрщика.

— Мы решили тебя убить, — сказал спокойно Касанда.

И Ксири завыл во весь голос. Он вырвался из рук державших его рабочих и упал, обхватив ноги Ксанды. Касанда не шевельнулся и продолжал:

— Но если ты обещаешь...

Ксири вскочил на ноги, задыхаясь от охвативших его чувств.

— ...но если ты поклянешься слезами своей матери, что никому не скажешь о сегодняшнем случае, и если ты больше не

будешь прислуживаться перед мзунгу и бить рабочих, то мы отпустим тебя.

— Клянусь... — тихо проговорил Ксири.

Он сел на землю и заплакал тихими, счастливыми слезами, так, как плакал давно-давно, в детстве.

— Помни: если ты донесешь на нас, пощады не жди. А теперь закопай свою могилу и иди.

И рабочие ушли, растворившись в ночной темноте.

А Ксири еще долго сидел у ямы, обессиленный и потрясенный происшедшим.

У

Как-то вечером, окончив работу, Касанда забыл около транспортера свою лопату. Администрация имела обыкновение удерживать с негров стоимость пропавшего инструмента. Поэтому Касанда, несмотря на то что он дошел уже до конторы и было почти совсем темно, решил вернуться на рудник. Проходя мимо землечерпалок, Касанда неожиданно наткнулся на трех негров, которые, заметив его, бросились в сторону.

Касанда узнал их: это были негры из соседней бригады. Среди них был Анака.

Утром, придя на рудник, Касанда узнал, что в эту ночь поломаны землечерпалки. Он догадался, кто это сделал, и даже пожалел, что сам не придумал этого, чтобы досадить мзунгу.

Но радость его была недолговременна. В тот же день директор рудника издал приказ: в наказание за поломку землечерпалок все негры будут работать теперь ежедневно до двенадцати часов ночи, пока машины не будут исправлены.

Работать на руднике было тяжело и раньше, но с этого дня началась настоящая каторга. В шесть часов утра, едва рассветало, большой там-там¹ уже будил «черный городок». Рабочие поднимались и, ежась от жестокого утреннего холода, спешили к длинным столам с алюминиевыми блюдами, каждое из которых было рассчитано на двенадцать человек. Надсмотрщики следили, чтобы члены семей рабочих не подходили к столу и не вводили компанию в лишние расходы. Они должны были

¹ Там - там — барабан.

покупать себе провизию в специальных лавках. Обычно кормили вареным маисом, иногда сорго или маниоком. Расчетливая дирекция позаботилась, чтобы рабочие сами стремились попасть к столу во-время и их не приходилось поднимать силой: опоздавшие обычно оставались голодными, так как им ничего не оставалось.

Наскоро проглотив пищу, негры отправлялись на рудник. Когда в семь утра вставало солнце, работа уже кипела, а в семь часов вечера, когда солнце пряталось за холмами, зажигались мощные прожекторы, и работа продолжалась до двенадцати часов ночи. Проходили дни, но тяжелый режим не отменялся. Утомленные, озлобленные рабочие открыто ругали дирекцию. И надсмотрщики, чувствуя напряженность обстановки, старались не замечать этих разговоров.

Как-то ночью в бараке, где жил Касанда, арестовали негра Мониа. Это был один из тех рабочих, которых он встретил тогда, поздно вечером, у землечерпалок. Неизвестно, как узнали мзунгу об участии Мониа в поломке машин, но товарищи его остались на свободе: Мониа хорошо хранил тайну и не выдал своих друзей.

Обстановка становилась с каждым днем все тревожнее.

Однажды после обеда Касанда услышал громкие крики на другом конце рудника и, бросив работу, вместе со всеми побежал посмотреть, что там происходит. Пробившись сквозь толпу, Касанда увидел вооруженных охранников лагеря, старавшихся увести Анаку, который, как Касанда узнал потом, отказался работать, несмотря на приказание мзунгу, и призывал других негров сделать то же самое. Несколько рабочих пытались воспрепятствовать его аресту.

Анака отчаянно отбивался. Не раздумывая, Касанда бросился на охранников и ударом кулака сбил одного из них с ног. Все стоявшие вокруг накинулись на прислужников мзунгу, и те побежали сквозь толпу, осыпаемые градом ударов. Толпа росла. Все кричали и ругали мзунгу, заставлявших их работать сверх всяких сил. Касанда вместе с несколькими рабочими подняли на свои плечи Анаку. Анака оперся руками на плечи поднявших его негров и крикнул:

— Товарищи! Мы должны все вместе потребовать отмены

несправедливого решения директора. Мы не хотим больше работать по семнадцати часов в сутки. Мы не скот, а люди, такие же, как и белые!

Никогда еще не слышал Касанда, чтобы негры называли друг друга таким словом: «товарищи», но он сразу понял, что в нем таится великий смысл. Товарищи! Конечно, они все товарищи. И они все вместе должны выступать против мзунгу.

Анака продолжал:

— А вы знаете, зачем нужна мзунгу эта зеленая земля, которую мы добываем с утра до ночи? Мзунгу делают из нее там, за океаном, большие бомбы — они называют их атомными. Они хотят воевать против страны, которой управляют сами рабочие, против страны, где никто не может обидеть негра только за то, что у него черный цвет кожи. Эта страна — Советский Союз. Мзунгу воображают, что они будут сильнее всех на свете, если сделают много этих атомных бомб. Если начнется война, многих из вас сделают солдатами. Хотите ли вы помогать мзунгу, которые обращаются с нами хуже, чем с собаками, воевать против страны, которая желает, чтобы мы, негры, были свободными, самостоятельными?

Касанда жадно слушал. Слова Анаки взволновали его. Он смотрел на возбужденные лица стоявших вокруг рабочих и видел, что речь его учителя находит отклик и в их сердцах.

VI

Директор уранового рудника компании «Катанга юнион миньер» Лавинье сидел за своим столом и сердито просматривал бумаги. Случай с поломкой землечерпалок выводил его из себя. Дело в том, что американцы, которые владели большей частью акций и распоряжались в компании, требовали, чтобы уранинит поступал регулярно, и Лавинье грозила большая неприятность, если ему не удастся быстро пустить в ход машины и наладить подачу руды. Компания не станет считаться с ним, тем более что на его место претендует сын одного из членов правления компании. Больше всего Лавинье боялся американского представителя мистера Раймонда, который обязатель-

но поднимет шум, если узнает, что рудник задерживает подачу уранинита.

Директор взглянул в окно и увидел толпу негров, приближающихся к конторе рудника. Он раздраженно позвонил. Вошел секретарь.

— Это еще что такое? Немедленно вызовите солдат!

Секретарь почтительно поклонился и бесшумно удалился, мягко ступая по ковру.

Лавинье вышел на высокое крыльцо, где уже собралось несколько служащих. Шумная толпа негров остановилась невдалеке. Охрана лагеря стояла у здания в боевой готовности.

Из толпы вышел Анака.

Он подошел совсем близко к директору и сказал громко, так, чтобы все слышали:

— Рабочие рудника требуют, чтобы ты отменил свой последний приказ. Это несправедливый приказ.

Секретарь-негр начал быстро шептать на ухо директору, переводя слова Анаки, но Лавинье, не дослушав, подал знак охранникам. Словно стая коршунов, набросились они на негра, сбили его с ног и потащили в здание конторы. Несколько рабочих кинулись ему на помощь. Прогремели предупредительные выстрелы. Толпа дрогнула и попятилась. Охранники скрылись за дверью вместе с Анакой.

— По местам! — закричал начальник охраны. — Идите работать!

Никто не выполнил этого распоряжения.

— Отпусти Анаку! — яростно кричали рабочие. — Иди сам работай, шакал!

Из рядов вышел Касанда и сделал несколько шагов по направлению к директору. Толпа стихла. Лавинье стоял неподвижно, сухой и прямой, как палка. Его острое лицо выражало презрение.

Касанда смотрел прямо в лицо директору, и взгляд его был полон злобной решимости.

— Мы не будем больше работать по семнадцати часов! — закричал он, дрожа от волнения. — И вы должны заплатить нам за все эти дни не по три франка, а по пять. Мы...

— Взять его! — кратко сказал Лавинье, презрительно

скривив губы. — Опять этот черный малый! Ну, это тебе так не пройдет!

Стража бросилась к Касанде, но он шагнул в толпу и, крикнув, чтобы передние не пускали «собак», продолжал говорить:

— Мы не будем работать, пока ты не отменишь свой приказ и не отпустишь Анаку. Твои надсмотрщики хуже бандитов...

В воротах рудника показались грузовики с солдатами. Заметив их, директор сказал что-то своему секретарю и ушел.

Солдаты соскочили с грузовиков и, выставив штыки, стали теснить рабочих. Рабочие отступили, но, спустившись в котлован, они уселись на землю и, видимо, не собирались работать. Около них не было ни одного надсмотрщика. Люди весело смеялись и возбужденно обсуждали столкновение с директором.

Несколько друзей Анаки подошли к Касанде. Посоветовавшись, они вместе с Касандой отправились к белым рабочим. Подойдя к бельгийцам, чинившим машины, негры остановились в нерешительности. Один из черных рабочих, по имени Гариа, знавший хорошо французский язык, поздоровался с белым, возившимся у землечерпалки. Белый вытер рукавом выпачканное лицо и улыбнулся негру, как старому знакомому.

— Мы устраиваем забастовку, — сказал Гариа пожилому рабочему, — и просим поддержать нас.

Белые бросили работу и стали расспрашивать Гариа о том, что произошло. Выслушав его, они долго спорили между собой. Гариа стоял рядом и внимательно слушал.

— Некоторые белые говорят, — объяснил Гариа, — что не стоит возиться с неграми и что мы им не товарищи.

Наконец спор окончился, и пожилой рабочий сказал:

— Мы должны поговорить с остальными нашими. Если они согласятся, мы вас поддержим. — И он пожал руку Гариа.

VII

Лавинье поднял глаза и увидел секретаря, появившегося с телеграммой в руке.

— Из Елизаветвиля, мсьё Лавинье.

Лавинье пробежал глазами телеграмму, и лицо его помрач-

нело. Один из членов правления компании спрашивал, почему задерживается подача уранинита, и сообщал, что на днях американский представитель мистер Раймонд выезжает на рудник, чтобы узнать на месте, в чем дело. Член правления предупредил Лавинье о необходимости привести все в порядок.

Привести в порядок! Хорошо ему писать это в Елизаветвиле. Попробовал бы он сам поработать с этими неграми!

Несколько минут Лавинье сидел размышляя. Негров нужно проучить, в особенности тех двух парней. О, они еще узнают, как бунтовать против белых! Они не будут больше сбивать с толку других! Он, Лавинье, придумает, что с ними сделать, чтобы другим неповадно было. Но не сейчас. Это потом. Лавинье слишком дорожил своим директорским местом, чтобы сводить счеты с рабочими перед самым приездом мистера Раймонда. Едва ли американцу понравятся поломанные землечерпалки и бунтующие черные. Сейчас во что бы то ни стало негры должны начать работать.

Вошел секретарь и сообщил:

— Белые рабочие прислали своих делегатов, мсьё Лавинье.

— Этим что нужно?

— Они угрожают бросить работу, если мы не выполним требований негров.

— Скажите, что я занят. — Лицо Лавинье сделалось красным. — Позовите ко мне старшего надсмотрщика.

Через несколько минут старший надсмотрщик появился в дверях. Он сделал два шага и остановился, не решаясь подойти к столу директора.

— Я прошу тебя, — начал Лавинье мягким, ласковым голосом, — сказать твоим славным парням, что я видел по их добрым лицам, что они очень устали. Они сами виноваты, но я прощаю их. Впредь они будут работать попрежнему до захода солнца. Скажи им, что я их жалею.

Надсмотрщик, огромный черный детина, со страхом смотрел на своего повелителя. Таким странным он еще никогда не видел директора.

— Я скажу, чтобы солдаты сейчас же схватили этого Касанду, — проговорил он, тараща на Лавинье глаза, — и мы вышлем ему и Анаке по пятьдесят ударов.

— Потом, потом! — резко проговорил директор и, видимо спохватившись, добавил ласковым голосом: — Ты иди, иди и скажи, что я их всех прощаю. И Анаку отпусти. Но скажи, чтобы они немедленно начали работать.

У двери надсмотрщик остановился и исподлбья посмотрел на директора, чтобы еще раз убедиться, не смеется ли он над ним.

VIII

Через три дня в доме Лавинье в Тинковелью был большой прием по случаю приезда мистера Раймонда. Директор ходил от гостя к гостю, приветливо улыбался и с тревогой думал, что скажет ему американец: самого героя торжества еще не было.

Многочисленные гости толпились в большом зале, курили и оживленно разговаривали. Мужчины стояли небольшими группами и рассказывали анекдоты. Слышались взрывы смеха. Дамы расположились по углам в креслах.

Доктор Лемуар, беседуя с гостями, бросал саркастические замечания: он был не в духе.

В стороне ото всех одиноко стоял астроном Маглаур, недавно приехавший из экспедиции в горы Киву, где он, по поручению ученого бельгийского общества, обследовал место для постройки обсерватории. Маглаур едва не погиб в лесу, отстав от экспедиции, и местные газеты шумели несколько дней, называя его героем.

— Что у вас здесь происходит? — раздраженно спросил Маглаур, увидев доктора. — Меня сегодня все сторонятся. Все куда-то спешат, лишь только я подхожу. Что я им сделал, доктор? Может быть, вы знаете?

Лемуар засмеялся:

— Если бы вы внимательно прочитали сегодняшние газеты, вам было бы все ясно. Газеты надо читать, дорогой Маглаур! Видите ли, янки в Вашингтоне возражают против того, что наши бельгийские астрономы собираются строить обсерваторию в горах Киву. Это ведь очень близко от «их» урана. Всего какая-нибудь тысяча километров!

— Какое они имеют право! — зашипел Маглаур, опасливо

посматривая по сторонам. — И как вам нравятся эти мерзавцы, которые боятся даже разговаривать со мной!

— Думаете, вы один в таком положении? — Лемуар усмехнулся. — Видите, там, у окна, стоят четыре человека?

— Я их не знаю.

— Это наши сенаторы. Они только что приехали из Бельгии. Достопочтенные деятели хотели осмотреть свои урановые рудники, а американцы даже не пустили их туда. Не пустили!.. Здорово поставлено дело.

— Что творится вокруг, глазам своим не веришь! Все изменилось. Раньше это была бельгийская колония, а теперь здесь командуют американцы. И негры стали уже не те, что были, скажем, двадцать лет назад. Конечно, они бунтовали и раньше. Но теперь все это выглядит совсем иначе. На Золотом Берегу, слышали, негры объявили всеобщую забастовку? Говорят, губернатор ввел осадное положение и устроил в некоторых селениях резню. Эти англичане — просто палачи!

— Да и наши не отстают от них. Если бы вы побывали у нас на руднике, вы бы убедились в этом. Удивляюсь, как негры до сих пор еще терпят нас в своей стране.

В это время в дверях показался Раймонд. Это был мужчина лет сорока, низенький, широкоплечий. Лавинье шел рядом с ним, согнувшись, приглаживая свою лысеющую голову и вытирая вспотевший лоб. Как только они вошли в ярко освещенный зал, заиграл оркестр, и все гости приветливо заулыбались, увидев столь желанного гостя. Один лишь доктор Лемуар фыркнул и что-то презрительно проговорил Маглауру, указывая на группу гостей, заискивающе кланявшихся Раймонду, который не обращал на них внимания.

Открылась дверь в буфетную, и гости вслед за хозяином и Раймондом устремились туда веселой толпой.

Пока гости развлекались, Раймонд с директором уединились в одной из комнат и долго о чем-то беседовали. Когда директор вновь появился в зале, он весь сиял, словно ему только что подарили миллион долларов.

Увидев слегка охмелевшего доктора, Лавинье подошел к нему и весело сказал:

— Послушайте, доктор, вы помните этих двух негров, кото-

рые выступали с наглыми требованиями и подбивали других к неповиновению?

— Один из них Касанда?

— Да, да, Касанда. Вы знаете, ведь у них у обоих проказа. Их необходимо немедленно отправить в лепрозорий¹.

В глазах директора вспыхнули хитрые огоньки.

У доктора хмель сразу вышел из головы. Он внимательно посмотрел на директора: тот явно был доволен своей выдумкой. Он взял у проходившего слуги с подноса рюмку с вином и сделал несколько глотков.

— Предлагаете принять участие в убийстве этих парней? — мрачно спросил доктор. — Но я не занимаюсь такими черными делами, хотя и работаю на вашем руднике. Они совершенно здоровы.

Лицо директора приняло холодное, надменное выражение.

— Вы пьяны, мсьё Лемуар, — сказал он оскорбленным тоном. — Вы забываете, с кем вы говорите! — И, повернувшись, директор пошел через зал, гордо подняв голову.

— Вот негодяй! — Доктор сердито направился к двери и, рывком надвинув шляпу, вышел на улицу.

А в зале не переставая гремел оркестр, и в пьяном угаре кружились пары, пристукивая каблуками в такт бешеной румбе.

IX

Попрежнему работал рудник, и попережнему Касанда вместе с другими неграми добывал черно-зеленую землю — уранинит. Казалось, дирекция забыла о небывалом требовании негров и простила им этот бунт. Но Касанда чувствовал глубокую тревогу. Он даже стал редко брать в руки книгу. Тревогу усиливали два негра, недавно переведенные в бригаду, где работал Касанда. Оба они работали на руднике уже четыре года и в один голос утверждали, что мзунгу-директор не простит своего поражения и что Касанде лучше немедленно бежать, пока его не «прихлопнули». Они только удивлялись, почему директор не сделал этого до сих пор. Касанда чувствовал, что они правы, но

¹ Лепрозорий — изолированное место, где живут прокаженные.

хотел дожидаться получки: куда он побежит без денег! Но когда до получки оставался всего один день, случилось то, о чем предупреждали негры. В этот день новый надсмотрщик (Ксири перестал бить рабочих, и мзунгу сделали его землекопом), тайно улыбаясь, послал Касанду за инструментом. Ничего не подозревая, Касанда вошел в длинное темное здание склада и неожиданно увидел перед собой четырех вооруженных охранников. Сопrotивление было бессмысленно. Касанду отвели в тюрьму.

У администрации рудника был свой способ отделяться от неугодных ей негров: этих негров сажали в тюрьму и не давали им есть или давали очень редко. Рано или поздно негр умирал «от болезни», как это отмечалось в официальных отчетах. Такая участь была уготована и Касанде, и он догадывался об этом, так как слыхал о тюрьме не раз.

В маленькой камере было совсем темно. Когда дверь за Касандой закрылась, в темноте кто-то зашевелился и тихо спросил:

— Ты кто?

— Касанда... А ты?

— Я Мониа.

Мониа! Касанда вспомнил, что это был один из трех рабочих, которых он встретил тогда, вечером, у землечерпалок, на руднике.

Касанда опустился рядом с ним на каменный пол.

— Возьми там, в углу, рогожу, — сказал Мониа, — на ней спал один негр. Вчера он умер... У тебя поесть нечего?

— Нет... Не знаешь, как убежать отсюда?

— Не знаю.

— Вы хорошо тогда сделали, что сломали землечерпалки, — тихо сказал Касанда. — Мзунгу-директор очень злился. Жалко, что я сам не придумал этого.

И Касанда подробно рассказал о всех последних событиях и о том, что сказал о зеленой руде Анака.

— Эти машины нужно сломать! — возбужденно проговорил Мониа. — Весь этот рудник нужно засыпать землей. И мы засыпали бы его, если бы выступали дружно. Зеленая руда, которую мы выкапываем, нужна мзунгу — американцам — для

войны. Они делают из нее большие бомбы. Они называют их атомными бомбами. Они собираются убивать всех, кто не хочет им подчиняться. Анака говорил вам правду: нас, негров, и рабочих других стран американцы хотят сделать солдатами, заставить завоевывать для них весь мир. Но никто не хочет за них воевать. Во всех странах есть сейчас большие союзы, которые борются за то, чтобы войны не было. В Африке тоже есть такие союзы. И негры ездят в Европу на большой совет противников войны. Противники войны требуют запретить атомные бомбы. А мы помогаем мзунгу делать эти бомбы. Мы даем им руду. Мы идем против самих себя.

Мониа замолчал и прислушался: не ходит ли кто-нибудь по коридору.

— Мзунгу — нехорошие люди, — сказал Касанда убежденно. — Мы должны изгнать их из своей страны. Они отняли у моего племени землю. Почти все племя погибло.

— Они отняли землю не только у твоего народа. — В темноте было слышно, как Мониа зашевелился на своей рогоже. — Я был и в других колониях, и везде мзунгу управляют, а негры на них работают. Но это скоро кончится. Негры должны объединиться. — Мониа встал и взволнованно заходил по камере. — Только это очень трудно. Мзунгу убивают тех, кто хочет это сделать. Несколько лет назад я работал грузчиком в Димбокро, в колонии Берег Слоновой Кости. Там очень дружные негры. Они решили бороться за свободу. Каждый третий человек был членом Демократического объединения Африки. Слышал о таком?

— Слышал, — сказал Касанда.

— Я был членом этого объединения. Это организация негров, которые борются за свободу и независимость своей родины. В нее входят негры нескольких колоний. Нас было много, и мы не боялись мзунгу. Когда они арестовали наших руководителей, мы потребовали, чтобы белые освободили их. Негры перестали покупать товары мзунгу и отказывались работать на плантациях. Потом собралось много рабочих, очень много, и мы все пошли по улицам Димбокро и стали требовать, чтобы мзунгу отпустили арестованных. Я шел впереди всех и нес красное знамя. У самой тюрьмы полиция напала на нас. Многие были

убиты. Но красное знамя мы спасли. Как только полицейские схватили меня, все бросились ко мне на помощь: никто не хотел отдавать знамя мзунгу. Я оторвал полотно, скатал его и побежал. Целый день гонялись за мной полицейские, а ночью я ушел из города — мзунгу убили бы меня, если бы поймали.

— Ну, а потом? — спросил Касанда.

— Потом я работал в Конго на плантации сахарного тростника. Но вербовщик сманил меня сюда, на рудник. Я знаю, там, на Берегу Слоновой Кости, негры борются с мзунгу и сейчас.

Касанда слушал своего собеседника, и перед ним все шире открывался новый мир, мир справедливой борьбы с чужестранцами. И для этой борьбы нужно было жить. Нельзя молча погибать в этой душной камере, когда его братья борются за свободу и счастье своего народа.

Там, за стенами тюрьмы, был огромный мир, где жили люди, сочувствовавшие ему, Касанде. Касанда вспомнил о портрете, хранившемся у него на груди между двумя тонкими дощечками, и ему захотелось поговорить с Мониа о человеке, который является другом всех угнетенных.

* * *

Узенькая полоска света под дверью, выходившей в коридор, потухла. Наступила ночь, и Касанда принялся обследовать камеру, пытаясь найти слабое место в стене или в полу и раскачать камень. Но все его поиски были напрасны.

Обшарив пол и стены, он поднялся на пальцы и дотянулся руками до низкого потолка. Вытягиваясь изо всех сил, Касанда начал ощупывать доски, лежавшие на обтесанных прямоугольных бревнах. Он разбудил Мониа и попросил помочь ему.

— Напрасно тратишь силы, — грустно сказал Мониа. — Тот негр, который умер вчера, тоже пытался, да ничего не смог сделать.

— Давай еще попробуем. Ты хочешь убежать?

Мониа молча встал на четвереньки. Он делал так уже несколько раз, помогая тому, умершему, негру дотянуться до потолка.

— Встань мне на спину. Только тише, я совсем ослаб. Может быть, у тебя все-таки найдется что-нибудь поесть?

— Ничего нет, — сказал Касанда с сожалением.

Мониа закричал и едва не упал под тяжестью Касанды.

Касанда долго возился, ощупывая потолок. Мониа давал ему советы.

Наконец Касанда нашел зазор между бревном и досками. Он отдохнул немного и, снова встав на Мониа, засунул пальцы в найденную им щель.

Повиснув на руках, Касанда поднял вверх ноги, уперся ими в доску потолка и начал ударять в нее пяткой до тех пор, пока доска не подалась. Увлеченный, он принялся колотить в нее ногой изо всех сил и сорвался. Ударившись спиной, Касанда долго лежал на полу, не в силах шевельнуться от боли. Но через час он вновь поднялся и снова повторил свои попытки. Теперь щель была шире, и, крепко ухватившись за прямоугольную балку, Касанда с яростью бил пяткой в доску. Доска тихо скрипела, понемногу подаваясь вверх, и наконец поднялась настолько, что в образовавшуюся щель уже можно было пролезть.

Касанда напрягся, протиснул свое тело в отверстие и оказался на чердаке. В течение нескольких минут он молча сидел, напряженно прислушиваясь. В нос лезла пыль. Вокруг было тихо. Ни звука не долетало снаружи.

Касанда опустил вниз руки и помог Мониа взобраться на чердак. Затем он осторожно высунулся из окошка. Завернувшись в одеяло, часовой сидел, привалившись к дереву, и спал.

Когда Касанда и Мониа вылезли на крышу, им показалось, что железо под ними громыкает на весь рудник. Но часовой даже не пошевелился.

Спрыгнув на землю, они побежали к колючей изгороди. Касанда пролез благополучно, но Мониа зацепился рубахой за проволоку и никак не мог освободиться. Раздался окрик часового, затем лай собаки и выстрел. Касанда дернул Мониа за руку, и они бросились в высокую траву.

Трава в саванне поднималась выше человеческого роста. Касанда и Мониа бежали, пробираясь в холодной, покрытой росой траве. Изредка они останавливались и прислушивались. Мониа скоро ослабел и не мог бежать, и Касанда тащил его за руку. Далеко позади послышался лай собак.

— Погоня! — сказал Мониа задыхаясь. — Надо добраться

до реки, чтобы сбить собак со следа. Иначе нам не уйти. Река близко...

Они пробежали еще немного. Мониа стал спотыкаться и наконец упал. Он лежал, тяжело дыша, и не мог подняться.

В холодном ночном воздухе ясно послышался лошадиный топот.

— Слышишь? — возбужденно сказал Касанда. — Вставай, слышишь, они уже близко.

— Не бросай меня, — проговорил Мониа. — Там собаки. Я сейчас отдохну и опять побегу.

Над далеким горизонтом поднялась луна и залила саванну мертвым, голубоватым светом. Увидев измученное лицо Мониа, Касанда понял, что ждать нечего. Он поднял своего спутника и взвалил его себе на плечи.

Бежать с таким грузом было тяжело. Касанда скоро устал и пошел быстрым шагом. Вдруг в нескольких шагах от них раздался лай, и едва Касанда успел положить Мониа на землю, как из травы выскочили три собаки. Не замедляя бега, одна из них, оскалив пасть, бросилась на грудь Касанды. Это был специально обученный для поимки негров зверь, свирепый и бесстрашный. Касанда отбросил его ударом кулака с такой силой, что пес перевернулся в воздухе. Но почти одновременно на беглеца прыгнули две другие собаки. Касанда упал на спину, схватив одну из собак за ошейник, а другую за шерсть. Обе они с рычаньем вцепились ему в руки. Третья собака, оправившись от удара, снова бросилась на него, и если бы Касанда не успел загордиться плечом, она вцепилась бы ему прямо в горло.

— Мониа! — яростно закричал Касанда, пытаясь подняться с земли. — Мониа!

Бешеный рев собак слился с криком человека.

Неожиданно Касанда почувствовал, что одна из собак, которых он держал, вздрогнула и обмякла. Он отбросил ее и увидел над собой фигуру Мониа с камнем в руке. Второй удар — и вторая собака упала в траву. Третья отбежала на несколько шагов и принялась лаять, не решаясь подойти ближе.

Пустив в нее несколько камней, Касанда и Мониа побежали дальше. Топот копыт слышался уже совсем близко. Кровь струилась по рукам и лицу Касанды, но он не обращал на это вни-

мания. Показалась черная поблескивающая полоса реки. Но всадники были уже близко. Они мчались по прямой тропинке, проложенной беглецами в траве. Впереди на длинной привязи бежали собаки. Заметив негров, преследователи стали стрелять, и Мониа, вскрикнув, упал. Касанда быстро нагнулся над ним. Мониа был ранен. Касанда поднял его и побежал, пригибаясь к земле. Из рта Мониа текла кровь.

— Брось меня, умираю я... — с усилием прохрипел Мониа, судорожно вцепившись в руку Ксанды. — Ты сильный. Беги, отомсти мзунгу...

Он сказал еще что-то, но так тихо, что Касанда не слышал. Касанда приложил ухо к самым губам раненого, и Мониа прошептал:

— Прощай, Касанда...

Мониа захрипел и затих. Касанда положил его тело на траву и бросился вниз, к реке. Когда до цели оставалось не более десяти шагов, всадники догнали его. Среди них был один мзунгу. Лошадь мзунгу ударила Ксанду грудью, и он покотился по земле. Наездники соскочили с лошадей, чтобы схватить его, но Касанда снова вскочил на ноги и прыгнул в реку. Преследователи открыли по камышу огонь.

Прибрежные камыши были высокие и хорошо скрывали Ксанду. На четыре метра поднимались они над водой, и та часть, которая оставалась под водой, была не меньше. Касанда нырнул и, напрягая все силы, стал продвигаться через камыши к открытой воде.

Преследователи продолжали стрелять в направлении шума, производимого Ксандой в камышах. Берег реки был довольно высокий, и Касанда подумал, что при ярком свете луны его хорошо будет видно, если он попытается переплыть реку.

Неожиданно крики на берегу стихли. Касанда насторожился. Враги явно что-то затевали. До открытой воды оставалось не более метра, когда он увидел пламя, охватившее камыши. Огонь взвился в небо и стал быстро приближаться к Ксанде. Поверхность реки была спокойной. Прямо к нему по воде шла яркая полоса лунного света. А на высоком берегу стояли люди с ружьями в руках и ожидали, когда из реки появится голова беглеца, чтобы всадить в нее пулю.

Касанда выломал кусок тростника, продул его и нырнул. Он плыл под водой до тех пор, пока не стало горячо в груди. Тогда, не поднимаясь на поверхность, он перевернулся на спину и, как часто делал в детстве, пропихнул в рот сквозь сжатые губы конец своей тростниковой трубки. Выставив другой конец тростника над водой, он с силой выдул из него воду и жадно вздохнул несколько раз. Расплывчатое зеленоватое пятно луны дрожало перед его глазами.

Струя воды, вылетевшая из тростника, сразу привлекла внимание преследователей, наблюдавших за рекой. Касанда слышал, как где-то рядом с ним звонко шлепались в воду пули. Стараясь, чтобы вода не подняла его на поверхность, он перевернулся на грудь и вновь поплыл. Так делал он несколько раз. Только дважды голова его появлялась в воздухе, но пули не задели его.

Наконец Касанда достиг противоположного берега. Здесь, в тени камышей, он осмотрелся. Далеко вверх и вниз по течению, там, куда не дошло еще пламя, переправлялись через реку всадники с собаками, и Касанда понял, что скрыться ему не удастся. За камышами на берегу простиралась бескрайняя саванна. Собаки найдут его след, если он выйдет на землю, а камыши преследователи подожгут. Каждая минута была дорога, и каждый неверный шаг мог стоить ему жизни. Если бы рядом был лес! Касанда сумел бы уйти от мзунгу.

Преследователи уже достигли середины реки. Что делать? Может быть, выскочить и попытаться убежать от лошадей? А собаки? Их ведь много. И вдруг Касанду осенила смелая мысль. Врагам и в голову не придет, что он может вернуться обратно на тот, горящий берег. Они сейчас далеко и едва ли наблюдают за рекой. Касанда внимательно осмотрел противоположный, охваченный пламенем берег реки. Никого не видно! Не раздумывая, он нырнул и поплыл обратно.

Скоро Касанда достиг берега. Он осторожно осмотрелся. Пожар затихал. Высокие горящие стебли с шипеньем падали в воду. Касанда услышал нежные звуки, напоминающие звуки флейты. Это пела пунго — рыба-певунья. Невидимая рыба-флейта замолкала на несколько мгновений и вновь разливалась тихой, нежной песней.

На противоположной стороне реки в двух местах взметнулось яркое желтое пламя. Значит, мзунгу не знают, где он. Касанда едва не захохотал от радости. Чтобы не оставлять на земле следов — ведь у белых были собаки! — он стал пробираться вверх по течению, укрываясь в дыму, к месту, где впервые вошел в камыши. Он узнал это место по высокому, росшему на берегу тамаринду с густой листвой. Огонь здесь уже потух. Касанда ползком выбрался на тропу, по которой пришел сюда, и двинулся в обратный путь.

Пройдя некоторое расстояние, он аккуратно раздвинул высокую мокрую траву и, стараясь не помять ее, сделал большой шаг в сторону от тропинки. Так, осторожно ступая, он стал удаляться от тропы все дальше и дальше. Одежда его прилипла к телу. Было холодно. Но он ничего не замечал. Он был жив, и радость свободы окрыляла его.

Пусть белый со своими прислужниками ищет его у реки. Может быть, они даже думают, что он сгорел в камышах или утонул. Нет, они ошибаются, Касанду не так-то просто убить! Касанда будет жить, чтобы бороться с поработителями своей родины. Мзунгу хотели засечь его, они уничтожили половину его племени, из-за них умерли его мать и брат. О, мзунгу еще узнают о нем! Он пойдет в большие города и найдет там тех негров, которые борются за свою свободу. И вместе с ними он станет сражаться до тех пор, пока бьется его сердце и пока угнетатели не уйдут из его страны.

МВАНА ВАМУКЕ

I

Многo дней работал Мвана Вамуке у мистера Гадсби и все больше убеждался, что мзунгу — несправедливые люди.

Мвана Вамуке был негр из племени маджичумви, живущего на юге английской колонии Кении, близ горы Килиманджаро. Матери его некогда было размышлять над именем сына, и она назвала своего первенца просто Мвана Вамуке, что означает «сын женщины». Он был черен, как крыло ворона. Белки его огромных глаз и два ряда ровных белых зубов подчеркивали черноту лица. Ему было только семнадцать лет, но он был широк в плечах и мышцы его были тверды, как черное дерево — самое твердое из всех деревьев. Все одеяние Вамуке состояло из старых трусов. В его уши были вставлены четыре раскрашенные палочки — по две в каждом. На щеках у него было по три параллельных шрама — знак принадлежности к племени маджичумви. «Маджичумви» означает «соленая вода». Название это сохранилось еще с того времени, когда крааль их стоял около соленого озера. Но затем пришли мзунгу и заняли земли племени, а народ маджичумви прогнали к самой пустыне Тару.

Несчастья Вамуке начались в тот день, когда агент по вербовке рабочей силы мистер Лоу, маленький лысый человек с

головой, похожей на яйцо страуса, приехал к ним в крааль и, прикинувшись другом старого вождя Мту-Ниаа, напоил его джином. Вамуке стал первой жертвой этой дружбы. Его позвали в дом старого Мту-Ниаа, где мистер Лоу бесцеремонно ощупал его, осмотрел со всех сторон, взглянул на его зубы и даже засунул свой толстый палец с длинным ногтем в рот Вамуке. Хитрый белый сказал Мване, что на плантациях он заработает много денег, купит себе ружье, много патронов, коз, браслеты для своей будущей жены и станет самым богатым человеком в краале. И простодушный Вамуке поверил. Мту-Ниаа получил от мистера Лоу несколько коричневых бумажек, и Мвана Вамуке очутился на плантации мистера Гадсби.

Раньше Вамуке никогда не уклонялся от работы, помогая матери или трудясь на полях старого вождя. Но плантацию он возненавидел. Это была настоящая каторга. Хитрые мзунгу умели заставлять работать на себя. Каждое утро, лишь только занималась заря, хриплый голос надсмотрщика прерывал крепкий сон Вамуке. Мвана с трудом поднимался вместе с другими, получал свою порцию милли-милла¹ и отправлялся на работу. С утра до ночи работал он на плантации агавы — сизалья, срезая под палящим солнцем зеленовато-желтые листья с черными острыми колючками. На огромном поле, раскинувшемся от леса до самого озера, были посажены длинные ровные ряды сизалья. Двухметровые, причудливо изогнутые мясистые листья агав, поднимавшиеся прямо из земли, походили на простертые к небу шупальцы гигантского спрута.

Сотни негров трудились на плантациях мистера Гадсби, обливаясь потом под беспощадными лучами экваториального солнца. Из разных концов Кении были привезены они сюда для того, чтобы увеличить богатства мистера Гадсби.

Острыми кривыми ножами срезали они колючие листья агавы, сушили их на солнце, затем мяли, извлекали из них длинные крепкие волокна сизалья. Опытные рабочие превращали волокна в нитки, веревки, канаты.

Надсмотрщик Бойль, огромный мулат², в бригаду которого попал Мвана Вамуке, был необыкновенно жестоким человеком.

¹ М и л л и - м и л л — кукуруза.

² М у л а т — человек, родившийся от белого и негритянки.

Мечтой Бойля было сделаться старшим надсмотрщиком. И он старался. Он показывал хозяину свое усердие на службе, не жалея кулаков. У него не было любимчиков — всем доставалось одинаково. С утра до вечера неторопливо ходил он между ровными рядами колючих агав, ревниво наблюдая за всем, что происходит. Ничто не ускользало от его зоркого глаза. Как только он замечал, что кто-либо из негров начинал медленнее двигаться, его длинная хворостина со свистом опускалась на потную черную спину. Любимым его приемом было подкрасться к зазевавшемуся или спрятавшемуся от работы негру и с размаху ударить его по голой спине длинным прутом. И когда негр испуганно оглядывался, Бойль грозно подносил к его носу огромный кулак и говорил, свирепо вытаращив белки:

— Еще раз замечу — отправишься у меня таскать камни! Останешься сегодня без обеда.

Два месяца трудился Вамуке на плантации, на третий — его перевели в дом. Три боя¹, не выдержав ежедневных пинков и ударов хозяина, сбежали, оставив Гадсби свои заработанные деньги, и Вамуке должен был заменить одного из них.

Надсмотрщик провел Мвану через каменные ворота в огромный тенистый парк. Они прошли по посыпанным песком дорожкам, обсаженным кокосовыми и банановыми пальмами, мимо огромных клумб с яркими цветами и вышли к белому каменному одноэтажному дому с широкой каменной лестницей. Здесь они обождали немного. Огромная дверь с большими медными кольцами открылась, и из нее вышел старый негр необычайно важного вида, одетый в белый костюм.

— Вот тот парень, о котором я вам говорил, — сказал надсмотрщик.

Старик внимательно осмотрел Вамуке и недовольно поморщился. Он провел Вамуке в дом и дал ему белый костюм. В костюме было жарко и неудобно, но приходилось мириться. Хозяин не позволял ходить в доме без рубахи.

Так началась жизнь Вамуке в доме мистера Гадсби.

В обязанности Вамуке входило подметать и убирать комнаты, а остальное время стоять у парадной двери. Он должен был докладывать хозяину о приезде гостей или же сообщать гостям,

¹ Бой (англ.) — мальчик. В данном случае — слуга.

что хозяина нет дома, если Гадсби не желал видеть посетителей.

Все здесь было ново. Даже собаки были другие, не такие, каких он встречал раньше. Они никогда не бросались и не лаяли на белых. Собака, нарушившая это правило, получала трепку. Зато кусать негров никогда не запрещалось. В особенности свирепствовали собаки в присутствии Гадсби, так как знали, что негр не посмеет их ударить, если хозяин рядом.

Однажды шедший по парку Вамуке заметил подкрадывающуюся к нему собаку. Он не успел быстро вскарабкаться на пальму, и пес пребольно укусил его. Вамуке видел, как пес подбежал к Гадсби, стоявшему неподалеку, и стал тереться о его ногу, словно ища одобрения своего хозяина. И Гадсби ласково погладил его по рыжей шерсти, а Мване Вамуке, сидевшему на дереве, сердито погрозил пальцем.

Гадсби занимал весь дом со своей дочерью Анабеллой, высокой белокурой девушкой. Жена Гадсби умерла давно, и, как утверждали злые языки, не без помощи супруга, с кулаками которого она была очень хорошо знакома. Вскоре после этого ему пришлось бежать из Южной Африки, где он жил тогда: братья жены во всеуслышание поклялись отомстить ему за сестру. Гадсби срочно распродал имущество и уехал с трехлетней Анабеллой в колонию Кению, где было много «свободных» земель и дешевых рабочих рук. Здесь он получил у английского правительства несколько тысяч акров земли, которая, по указу королевской комиссии, закреплялась за ним на девятьсот девяносто девять лет, и жил с тех пор в своем поместье, как маленький царек.

Единственным существом во всем свете, которое он любил, кроме себя конечно, была его дочь Анабелла. Все в доме предназначалось для удовлетворения ее многочисленных прихотей. Желание ее было законом. Нежный отец отвергал всех женихов, считая их недостойными своей дочери, думающими больше о приданом, чем о счастье Анабеллы. И если жених случайно интересовался возрастом Гадсби, тот приходил в ярость: ему казалось, что молодой повеса подсчитывает, сколько лет осталось ждать наследства.

У Анабеллы был звучный голос. Она часто пела, аккомпани-

руя себе на пианино, и Мвана Вамуке, усевшись под раскрытым окном, слушал музыку, затаив дыхание и испытывая непонятное, сладостное волнение в груди. Он старался запоминать мотивы и придумывал на них свои собственные слова, так как не понимал того, что пела Анабелла.

Мрачным и необузданным человеком был Гадсби. Он почти всегда был сердит, и Вамуке боялся хозяина. Одевался Гадсби всегда одинаково: рубаша с короткими рукавами и расстегнутым воротом, короткие штаны — шорты, туфли на толстой подошве и серые гетры. Шляпы он не носил, даже отправляясь на плантацию, хотя волосы его были жидки, как трава саванны в период засухи. За двадцать лет он привык к палящему солнцу Африки.

Гадсби регулярно занимался спортом. Больше всего он любил бокс, и слуги поочередно были его партнерами. Гадсби умело действовал кулаками, и слуга проклинал тот день и час, когда хозяин намечал его своей очередной жертвой. Гадсби не любил слабых противников, и негры, зная об этом, обычно старались после первых же ударов упасть на пол и притвориться нокаутированными. Гадсби знал об этой маленькой хитрости и применял против нее свой особый, им самим придуманный прием. Как только «противник», получив удар, распластывался на полу и закрывал глаза, старый слуга, исполнявший роль судьи, по знаку хозяина несколько раз быстро проводил размочаленным концом сухой бамбуковой палочки по пяткам притворившегося негра. Негр инстинктивно отдергивал ноги, чем и выдавал себя.

Вамуке ничего не знал об этом.

Как-то утром он подметал зал, где вечером принимали гостей. Неожиданно за стеной послышались сердитые крики, и в дверях показалась опромная фигура Гадсби. По его красному лицу Вамуке понял, что хозяин не в духе. Гадсби нахмурил белые, выгоревшие брови и уставился на слугу тяжелым взглядом невыспавшегося человека. На нем были мягкие спортивные туфли, короткие трусы и большие кожаные перчатки. Несмотря на ранний час, Гадсби был уже пьян.

— Где Умаба? — угрюмо буркнул он, входя в зал.

— Моя не знай. — Негр попятился от хозяина в дальний угол.

— Из-за какого-то черномазого срывается тренировка! — проговорил Гадсби раздраженно. — Негр удрал. Все вы трусы!

Он критически осмотрел стоявшего перед ним со щеткой в руках Вамуке:

— Тебя как зовут?

— Мвана... — Негр робко посмотрел на огромного хозяина и переступил с ноги на ногу.

— Подойди сюда, — приказал Гадсби, продолжая рассматривать слугу.

Вамуке подошел к белому, не подозревая о его намерении. Вдруг удар кожаной перчатки обрушился на его подбородок, и он отлетел на несколько шагов, едва не упав. Гадсби криво усмехнулся.

— Ну, как удар? Хорош? — ухмыляясь, спросил он. — А двадцать лет назад этим ударом я мог бы вышибить дух из такого парня, как ты... А ну-ка, пойдем со мной.

И Вамуке последовал за ним.

Они пришли в комнату, служившую Гадсби для спортивных занятий.

Старый слуга снял с Вамуке рубаху и надел ему на руки огромные кожаные перчатки. Гадсби подпрыгивал на ковре, разминая мышцы, и встряхивал руками, как это делают профессиональные боксеры перед боем. Когда перчатки были надеты, хозяин объяснил Вамуке, что он должен с ним драться. Вамуке растерянно посмотрел на Гадсби: противник был вдвое больше его. Однако выбора не было, и Вамуке, выслушав подробное объяснение хозяина, приготовился к бою.

Первый же удар бросил его на ковер. У Вамуке закружилась голова. Хозяин стоял над ним и считал. Досчитав до десяти, Гадсби потребовал, чтобы негр поднялся и снова принял бой. И опять Вамуке был опрокинут. Когда Вамуке в четвертый раз поднялся с ковра, ярость клокотала в нем, удваивая его силы. Он ненавидел сейчас красное лицо Гадсби, его волосатую грудь и все его огромное тело, дышащее здоровьем и силой. И когда Гадсби вновь хотел ударить его, Вамуке вдруг присел и, бросившись на Гадсби, изо всех сил ударил его головой в живот. Гадсби зарычал от боли и тяжело упал на ковер. Посидев немного, он с проклятием поднялся и бросился на негра. Вамуке

героически защищался. Глаза его бешено сверкали. Он отбивался руками и ногами, когда Гадсби зажал его в угол. Вырвавшись, Вамуке стал бегать по комнате, стараясь уклоняться от сыпавшихся на него жестоких ударов. Гадсби был опытным бойцом. Лицо Вамуке покрылось ссадинами и кровоподтеками. Наконец Гадсби устал. Он уселся на стул, подставленный ему старым слугой, и, махнув рукой, отпустил Вамуке. Вамуке ушел с подбитым глазом, распухшим носом и ободраным лбом.

Чем дольше жил Вамуке в доме Гадсби, тем сильнее ненавидел хозяина. Гадсби придирался ко всему. Если Вамуке дежурил у парадной двери, Гадсби кричал, что негр бездельничает. Если Вамуке подметал в комнатах пол, хозяин ругал его за то, что некому будет открыть дверь в случае приезда гостя. Как-то раз Гадсби, войдя в комнату, увидел Вамуке, рассматривавшего книгу, забытую на столе Анабеллой. Негр так увлекся, что не заметил, как вошел хозяин.

Гадсби был не в духе.

— Ты что здесь делаешь? Кто тебе разрешил брать книгу? — Он схватил тяжелый том и с силой запустил им в негра.

Вамуке пригнулся, чтобы избежать удара, и книга ударилась в стекло библиотечного шкафа. Осколки со звоном посыпались на пол. Рассвирепевший Гадсби бросился с кулаками на Вамуке, но негр метнулся в сторону, обежал вокруг стола и выскользнул в дверь.

II

Утром к мистеру Гадсби приехали важные гости из Найроби. Слуги суетились и бегали по всему дому. Один из гостей, Гаррис, был женихом Анабеллы.

Старший слуга послал Вамуке сообщить Гадсби, что ленч¹ готов. Вамуке вошел в гостиную и остановился у дверей. Анабелла сидела у блестящего черного пианино. Ее тонкие пальцы быстро бегали по клавишам, и музыка напомнила Вамуке своим темпом танцы, которые исполнялись у них в краале на там-тамах. Только те были веселее и красивее.

¹ Ленч — второй завтрак у англичан, обычно в час дня.

Двое мужчин, одетых в белые костюмы, разговаривали с мистером Гадсби, не замечая присутствия Вамуке. Иногда их головы близко придвигались друг к другу и они о чем-то таинственно шептались.

— В Центральной и Прибрежной провинциях тоже мятежи, — тихо говорил седой угловатый англичанин, покусывая сигару. — Вокруг Найроби дороги захвачены неграми. Мы едва не попали к ним в руки, когда ехали к вам. — Англичанин то и дело пускал клубы сизого дыма в встревоженные лица собеседников, не замечая этого.

Мвана Вамуке не шевелился, боясь пропустить хоть слово. Он даже перестал дышать.

— Распустили мы их. Чорт знает что такое! Даже в Найроби нападают на полицейские посты! — Уотсон с негодованием отряхнул пепел с сигары.

— Что же смотрит правительство, мистер Уотсон? Оно, что же, ждет, пока нас действительно выгонят отсюда? — Лицо Гадсби стало краснее, чем обычно.

— Все меры приняты, мистер Гадсби. Фермы охраняются бронемашинами. Мы стягиваем в Кению войска из других колоний. Через несколько дней порядок будет восстановлен. Но пока положение серьезное. Как здесь у вас, мистер Гадсби, тихо?

— Здесь-то тихо. Я своих негров держу крепко. Негр всегда чувствует твердую руку... Ты что здесь стоишь? — заорал вдруг Гадсби на Вамуке.

— Завтрак готов, бвана, — сказал Вамуке нахмурившись.

— Хорошо! — Гадсби едва сдерживал себя в присутствии гостей. — Иди. Нет, обожди. Подойди сюда... Вот что. — Гадсби пристально взглянул на Вамуке и осмотрел его с головы до ног. — Эти два джентльмена будут жить у меня несколько дней. Ты будешь охранять мистера Гарриса. — Он указал на молодого рыжего англичанина, сидевшего в плетеном кресле. — Куда бы он ни пошел, ты должен предостеречь его от опасности. Ты отвечаешь за него головой. Понял? Если с ним что-нибудь случится или кто-нибудь нападет на него, знаешь, что с тобой будет? — И Гадсби сделал резкое движение рукой, как бы сдавливая горло невидимой жертвы.

Вамуке молча посмотрел на него.

— Завтра утром мистер Гаррис и мистер Уотсон пойдут на охоту, — продолжал Гадсби. — Ты и Кикиви будете сопровождать их. Если что-нибудь с ними случится, это будет ваша вина. Теперь иди.

Давая это поручение Вамуке, Гадсби не придумал ничего нового. Он действовал так же, как действовали многие другие белые поселенцы, опасаящиеся за свою жизнь. Негру объясняется, что при насильственной смерти белого, будь то падение со скалы, убийство из-за угла, отравление или что-либо в этом роде, негр несет за это ответственность. Эти телохранители являются одновременно и заложниками: смерть белого означает и смерть негра.

III

Утром Вамуке и Кикиви долго дожидались, пока Гаррис и Уотсон завтракали. Наконец охотники вышли и отправились в лес через гору. Кикиви и Вамуке следовали за ними на некотором расстоянии, тихо советуясь о том, что им делать, если белые окажутся в опасности: Гадсби не дал им оружия.

Вскоре они вошли в лес. Под плотным покрывалом буйной зелени стоял полумрак. Здесь было прохладно, сыро и пахло болотом и гниющими растениями. Ноги утопали в толстом, мягком слое прелых листьев. Заросли гигантских папоротников скрывали охотников с головой. Мангровые деревья на берегу соленого озера распустили свои воздушные корни, преграждая дорогу; колючие кусты царапали тело. Украшенные цветами лианы образовали зеленые мостики между сандаловыми, камедными, камфаровыми и тиковыми деревьями.

Охотники долго бродили по лесу. Изредка раздавался треск ломаемых ветвей: это убегали испуганные животные, услышав шаги охотников. Так дошли они до опушки леса. И здесь случилось то, чего опасались Вамуке и Кикиви. Впереди неожиданно послышались тревожные восклицания белых, вслед за этим прогремел выстрел и совсем рядом раздался яростный рев льва. В кустах мелькнуло огромное светлое тело с темной гривой. Вамуке услышал отчаянный крик Уотсона. С ловкостью макаки белый взлетел на акацию — герару — и уселся высоко

над землей на колючих ветвях. Кикиви, увидев, что Уотсон в безопасности, бросился бежать и вскоре исчез из виду. Вамуке не мог последовать за ним: с Гаррисом что-то случилось, а он отвечал за его жизнь головой.

За густыми кустами совсем рядом с ним раздался приглушенный рев. Вамуке вздрогнул и в ужасе попятился, но, совладав с собой, сделал несколько осторожных шагов и остановился, потрясенный. Гаррис неподвижно распростерся на земле. На нем, подняв огромную голову, окаймленную густой грязной гривой, лежал лев. Глаза зверя злобно сверкали; пасть была открыта, обнажая огромные клыки и красный язык; тонкий хвост с черной кистью на конце нервно бил по земле. Вдруг Вамуке услышал истерический крик.

— Пошел, пошел вон!.. Кш-ш, кш-ш!.. — кричал Уотсон с ветвей, пытаясь отпугнуть зверя.

Лев поднялся и с ревом бросился к дереву. Он сделал огромный прыжок и едва не схватил Уотсона, который от страха залез на самую тонкую ветвь и чуть не обломил ее.

Вамуке быстро оценил обстановку. Около Гарриса должна быть винтовка. И он стал осторожно подбираться к ней. Затаив дыхание, он пополз через колючие кусты к неподвижно лежавшему белому. Когда до Гарриса осталось несколько шагов, Вамуке поднялся и бросился к оружию. В одно мгновение он схватил винтовку и зарядил ее. Увидев негра, зверь с ревом бросился на него. Но винтовка уже была в руках Вамуке. Он выстрелил, когда лев был всего в нескольких шагах. Огромный хищник упал, уткнувшись мордой в траву. Дрожащими руками Вамуке быстро перезарядил винтовку и осторожно подошел к нему. Зверь был недвижим. Из головы его по светлой желтой шерсти текла темная струйка крови. Вамуке подбежал к лежавшему, вниз лицом Гаррису и осмотрел его. Серая рубашка была изорвана. По спине шли три длинные параллельные раны от страшных когтей. Голова была окровавлена. Вамуке осторожно перевернул Гарриса и приложил ухо к его груди. Белый был жив. Вздых облегчения вырвался у Вамуке. Он осмотрелся. Уотсон неуклюже спускался с дерева, то и дело натываясь на острые, твердые, как железо, шипы герары и вскрикивая от боли. Вамуке громко позвал Кикиви. Голос негра донесся издалека. Уот-

сон спустился наконец с дерева и приблизился к Вамуке, опасно косясь на мертвого зверя. Пришел Кикиви. Негры соорудили носилки и, положив на них Гарриса, отправились домой.

Часа через два они вошли в ворота большого парка. Гадсби и несколько гостей сидели на веранде, пили виски с содой и играли в вист, когда из-за деревьев показалась процессия. Около дома негры остановились и положили носилки на траву. Гости и хозяева мчались уже вниз по лестнице. Впереди всех бежала бледная Анабелла. Все обступили лежавшего без сознания Гарриса. Уотсон, хмурый, стоял в стороне. Испуганно кричали женщины. Кто-то из гостей требовал доктора.

— Боже мой, что с ним? Мистер Уотсон, как же это случилось? — закричала Анабелла, едва сдерживая слезы.

— Лев... — мрачно ответил Уотсон, которому не хотелось распространяться на эту тему.

— Ах, он умер, умер! — повторяла Анабелла, в отчаянии закрыв лицо руками.

Вамуке робко приблизился к девушке и тихо сказал:

— Твоя не плачь. Бвана Гаррис не умирай.

Он поправил палочку в ухе и, слегка отставив ногу, принялся рассказывать о том, что произошло.

— Моя ружье нет, — начал он, поглядывая по сторонам и ища сочувственного взгляда. — Бвана Гаррис ходит лес, потом стрелял. Лев прыгал на бвана Гаррис. Бвана Гаррис падай...

Вдруг сильный толчок оборвал его объяснения. Гадсби свирепо схватил негра за волосы и, отшвырнув его в сторону, коротко приказал слугам:

— Взять!

Несколько слуг набросились на ошеломленного Вамуке и заломили ему руки за спину.

— Посадите его в сарай! — Гадсби в бешенстве затопал ногами.

— Моя стреляй! — возмущенно закричал Вамуке, вырываясь из цепких рук державших его людей.

Он взглянул на Уотсона, желая найти у него поддержку, но англичанин смотрел в другую сторону, словно и не замечал, что происходит вокруг него.

— Я тебе дам «стреляй»! — орал Гадсби так, что вздулись

жины на шее. — Отведите его, да смотрите, чтобы не убежал... Я тебя проучу, чтобы другим неповадно было! Вы, наверно, нарочно завели их в такие места, где много львов. Я давно уже замечаю, что ты змеей смотришь.

— Оставьте его! Негр сейчас все равно ничего не понимает от страха, — сказал повеселевший вдруг Уотсон. — Вы, мистер Гадсби, видимо, строгий хозяин.

Вамуке очутился в душном, темном сарае. В узкие щели пробивались тонкие яркие пучки солнечного света, в которых плавали мириады пылинок. Вамуке стал смотреть в щель на белых. Он увидел, как Уотсон что-то оживленно рассказывал Гадсби, размахивая руками, и как затем Анабелла долго трясла руку Уотсону, который при этом радостно улыбался.

Два дня просидел Вамуке в темном сарае без воды и пищи. На третий день пришли слуги и объявили Вамуке приговор Гадсби: пятнадцать палочных ударов.

Вамуке был наказан в тот же день в присутствии Гадсби. Затем Вамуке вместе с Кикуви отправили таскать камни, которые рабочие Гадсби рвали в скалах аммоналом и отвозили куда-то на двукольных телегах, запряженных мулами.

Много дней Вамуке носил и дробил тяжелой кувалдой камни. Он потерял счет времени. Руки и ноги его покрылись ранами и болели от непосильной работы.

Однажды Кикуви, работавший вместе с Вамуке, не выдержав тяжелого режима, убежал. Долго о нем не было слышно. Потом его привезли избитого и худого. Надсмотрщик несколько раз «угостил» его своими огромными кулаками в присутствии всех рабочих и снова отправил таскать камни.

Ночью Вамуке слушал историю странствия Кикуви. Лежа в шалаше на подстилке из травы, Кикуви усталым голосом поведал о своих приключениях. Он рассказал о Великой Соленной Воде — Индийском океане — и об огромном краале Момбасе, который мзунгу выстроили на берегу, о пароходах — высоких, как пять негритянских домов, поставленных друг на друга. Там Кикуви нашел работу: он вместе с другими неграми нагружал пароходы мзунгу. Но пришли два парня из племени свахили, живущего на побережье, и объяснили всем, что мзунгу хотят послать грузы в Малайю, где народ борется против своих

белых хозяев. Мзунгу из Кении хотят помочь мзунгу в Малайе убивать жителей страны. И два парня просили всех рабочих не помогать белым убивать народ Малайи, борющийся за свою свободу. Кикуви вспомнил о Гадсби и других мзунгу и бросил работу, хотя был голоден и у него не было ни денег, ни крова.

Не успели они объявить забастовку, как появилась полиция. Несколько негров, только что носивших ящики вместе с Кикуви, были убиты. Многие были ранены. Кикуви сбил с ног метко брошенным камнем офицера и крепко стукнул одного прислужника мзунгу.

Долго дрались они в порту. Но полицейские были вооружены, и рабочим пришлось отступить. Кикуви ударили прикладом в грудь. Он упал и едва не был растоптан толпой.

Два дня проходил Кикуви после этого по улицам Момбасы, ночуя на тротуарах.

Вамуке слушал, затаив дыхание.

Потом Кикуви рассказал, как он случайно встретил белого миссионера, который привел его в большой дом, где жило много негров, было много еды и почти не заставляли работать. Здесь жилось неплохо, и если бы с утра до вечера не приходилось слушать проповеди старого миссионера, было бы совсем хорошо. Но потом Кикуви нашли мзунгу. Старый миссионер очень рассердился, узнав, что Кикуви — беглый рабочий. Мзунгу отвезли его в Найроби, где Кикуви предстал перед судьей.

Судья был добрый старичок. Он ласково спросил, хочет ли он, Кикуви, работать у мистера Гадсби. Конечно, Кикуви ответил «нет». Тогда судья сказал, что Кикуви свободный человек, закон на его стороне и он может идти, куда ему угодно. Но тут вмешался мистер Лоу, вербовщик рабочей силы. Он показал судье толстую книгу, в которой когда-то Кикуви поставил маленький кривой крестик. Мистер Лоу сказал судье, что Кикуви обязался работать три года, но нарушил соглашение и убежал, чем причинил мистеру Гадсби большие убытки. Если Кикуви не хочет возвращаться на работу, он должен заплатить мистеру Гадсби убытки, которые тот понес, ибо его поля не будут полностью убраны. Он сказал, что Кикуви должен или работать три года, как он обязался, или заплатить мистеру Гадсби сто восточноафриканских фунтов.

Кикиви не все понял, что говорилось на суде, так как плохо понимал по-английски. Но в конце судья объявил ему, что он может идти куда угодно, если заплатит мистеру Гадсби требуемую сумму. Кикиви не мог уплатить сто фунтов, так как все его имущество состояло из старых штанов, и поэтому он был возвращен мистером Лоу на каменоломни.

Вамуке снова и снова расспрашивал Кикиви о больших кражах мзунгу, о Великой Соленой Воде, об огромных лодках и о многом другом, что поразило его воображение. Заснули они лишь под утро.

На другой день вечером в шалаш Вамуке и Кикиви незаметно проскользнули два человека. Люди сидели в полной темноте. Кикиви полушопотом снова рассказывал о своих странствиях. Слушали внимательно, не перебивая. Когда Кикиви кончил, Фатаки, бывший солдат-фронтовик, спросил:

— Ты не знал тех двух парней-свахили, которые просили вас не грузить пароходы для Малайи?

— Нет.

— Жалко. Я думал, ты знаешь что-нибудь об их организации. Не сами же от себя просили они вас бросить работу!

Кикиви не знал об этом.

— Мзунгу надо выбросить из нашей страны. — Солдат засопел в темноте. — Вчера приходил ко мне один рабочий с соседней плантации, вместе воевали в Ливии, и говорил, что они там, у себя, готовятся занять землю, захваченную у них, а плантатора — в шею. Надо нам к ним присоединиться.

Все зашептались, обсуждая предложение Фатаки. Никто не возражал, что нужно выступать вместе, не знали лишь, с чего начать. Потом решили, что каждый из них осторожно поговорит с рабочими. Нужно подготовить всех к дружному выступлению. Аруми — негр лет тридцати, недавно присланный на каменоломню за драку с надсмотрщиком на плантации — обещал держать связь с неграми, работающими у мзунгу.

Каждый вечер эти четверо, иногда приглашая надежных людей, собирались, обсуждали план действий, делились своими впечатлениями от бесед с рабочими. Аруми рассказывал о том, что происходит на соседних плантациях.

Так шли дни. На каменоломне внешне все было попрежне-

му. Но людьми, согнанными сюда, постепенно овладевала решимость изменить свое положение, изменить жизнь.

Однажды, месяца три спустя после того, как возвратили Кикиви, Вамуке увидел спасенного им Гарриса. Белый был уже совсем здоров и задумчиво ехал верхом по дороге. Рядом не было надсмотрщика, и Вамуке подошел к всаднику, вытирая с лица пот и пыль.

— Бвана... — тихо сказал Вамуке.

Гаррис рассеянно взглянул на Вамуке и не узнал его. Он не отличал негров друг от друга, все они казались ему на одно лицо.

Вамуке, сбиваясь и путаясь, долго объяснял Гаррису обстоятельства его спасения. Наконец Гаррис понял.

— Бвана Гаррис проси бвана Гадсби отпусти моя домой, Вамуке много не хотел таскай больше камень, — сказал Вамуке, глядя в землю.

Гаррису стало жаль негра. Но он подумал, что Уотсон — его начальник — вряд ли будет доволен, если он, Гаррис, расскажет Гадсби эту историю. Он вздохнул, покопался в бумажнике и протянул Вамуке фунтовую бумажку. Негр отрицательно затряс головой и умоляюще повторил:

— Бвана Гаррис, проси бвана Гадсби отпусти моя домой.

В это время из-за поворота дороги, вздымая клубы пыли, вылетела группа всадников, и Гаррис, не желая, чтобы Уотсон видел его разговаривающим с Вамуке, хлестнул коня и поскакал в гору, не ответив негру.

Вамуке со злобой посмотрел вслед удаляющемуся всаднику, презирая себя в эту минуту. Разве не он, Вамуке, обещал товарищам выступить вместе с ними против белых? Почему же он заботится только о себе? Вамуке осторожно огляделся. Нет, никто ничего не видел.

Вамуке никому не сказал об этом случае. Лишь через два дня под большим секретом поведал он Кикиви о разговоре с мзунгу.

— Так хорошие товарищи не поступают, — сказал его приятель сердито. — Ты должен думать не только о себе одном. Все вместе так все вместе.

— Ты никому не скажешь? — робко спросил Вамуке.

— Конечно, нет. Если другие узнают об этом, они будут избегать тебя. Ты просто не подумал, что говорил.

Попрежнему целые дни проходили в изнурительном, безрадостном труде. Но вечером, когда товарищи Вамуке собирались у него в шалаше или в одной из пещер каменоломни, жизнь становилась другой: люди воодушевлялись, обсуждали действия плантаторов, расправляющихся с неграми, Аруми рассказывал о битвах и столкновениях в других колониях, о которых он узнавал от друзей на соседних плантациях.

Иногда пели. Вамуке даже сочинил слова на известный ему мотив старой боевой песни племени маджичумви:

Ходишь ты один на один
Против леопарда.
Почему же ты боишься мзунгу,
Который сосет из тебя кровь?
Нас много, их — одна горсть.
Вставай в наши ряды!
Не отставай!

Песня всем нравилась. Она звучала бодро, поднимая настроение. Голоса певцов будили ночную темноту, далеко разносились эхом в горах.

Как-то вечером в пещеру, где собралось около десяти человек, Аруми пришел с незнакомым негром.

На госте были ботинки, отглаженные брюки и рубаша, соломенная шляпа.

— Товарищ Аранай, с соседней плантации, — представил его Аруми. — Прибыл к нам по важному делу.

Зажгли светильник, и Аранай пожал всем собравшимся руки. Это был высокий энергичный человек с живыми, веселыми глазами.

Мвана Вамуке заметил, когда здоровался с ним, что левый рукав у него пустой.

Аранай сел на предложенный ему камень, сдунув с него пыль. Вокруг разместились рабочие.

— Я приехал к вам, товарищи, по поручению рабочих семи соседних плантаций. — Аранай обвел внимательным взглядом присутствующих. — Англичане превратили нас в рабов, согнали с земли. Нам нет места в своей собственной стране. Мы долж-

ны, товарищи, положить этому конец. — Аранай говорил четко, ясно.

При слабом, колеблющемся свете фитиля лица слушателей казались суровыми, мрачными. Длинная тень от руки Аранай скользила по выступам огромной стены пещеры.

— Мы требуем, чтобы англичане возвратили наши земли, — продолжал Аранай. — Мы не хотим больше жить под их каблуком. Английские власти арестовывают и расстреливают всех, кто выступает против них. Они жгут наши краали, угоняют скот. Нам всем надо готовиться к борьбе, товарищи. Я слышал о вашей организации. Мы должны выступить вместе!

Рабочие задвигались, зашумели, одобряя слова Аранай. Огромные тени заколыхались на стене.

— Мы давно готовы, — проговорил Мвана Вамуке.

— У нас все выступят, — сказал Фатаки, оглядывая присутствующих.

Рабочие возбужденно заговорили между собой, обсуждая предложение гостя. Пещера загудела от множества голосов.

— Теперь другой вопрос, товарищи. — Аранай поднял руку, призывая к тишине. — Нашим мзунгу мало того, что они поработили страну. Они хотят еще поставить нас под ружье. Мы должны бороться против подготовки к войне, как борется сейчас весь мир. Мы должны действовать вместе со всеми честными людьми!

Аранай стал рассказывать слушателям о Воззвании Всемирного Совета Мира, о заключении Пакта Мира между пятью великими державами, о том, что его подписали уже сотни миллионов людей.

— Мы тоже подпишем. — Мвана Вамуке подошел к Аранай. — Оставьте нам листы. Мы поговорим с рабочими, и они подпишут.

На другой день Вамуке и Фатаки обошли негров каменоломни, и каждый из них поставил отпечаток своего пальца на листе бумаги, где сверху было написано Воззвание.

Однажды утром Вамуке увидел незнакомого пожилого негра рядом с Фатаки. Они о чем-то тихо говорили, стоя за большим камнем. Минут через десять Фатаки подошел к Мване и, отозвав его в сторону, сказал:

— Сегодня вечером выступаем! На соседних плантациях тоже все готовы. Сообщи своим, только осторожно. Выступает весь наш район.

Вамуке понимающе кивнул головой.

В этот день надсмотрщик особенно зверствовал, и больше всех досталось Вамуке, который резко отвечал на приказания. Надсмотрщик был зол. Мистер Гадсби сегодня собственноручно сделал ему внушение за то, что рабочие каменоломни не завезли во-время камень на строительство дороги и ему, Гадсби, пришлось платить большую неустойку подрядчику строительства. Надсмотрщик заставлял рабочих бегать со всех ног и дробить камни не разгибая спины. Его длинная плеть непрерывно свистела в воздухе. Яростная ругань была слышна на всей территории каменоломни. Он видел устремленные на него ненавидящие взгляды, но это только возбуждало его ярость. А когда наступил вечер, никто из рабочих не пошел, как обычно, спать в свои шалаши и бараки. Рабочие собирались кучками и о чем-то таинственно шептались. Некоторые из них загадочно смотрели на надсмотрщика, когда он проходил мимо. Эти взгляды не обещали ему ничего хорошего, и, дождавшись темноты, он незаметно выскользнул из лагеря и побежал в соседний крааль прятаться.

Наступила ночь. Крупные южные звезды сияли на темно-синем приблизившемся небе всеми цветами радуги. С гор дул сухой прохладный ветерок. Поселок не спал. От палатки к палатке, от шалаша к шалашу ходили молчаливые фигуры.

— Пора, начинаем!

Вамуке заглянул в последний шалаш. Люди выходили на улицу, тихо переговариваясь, собираясь в группы.

— Пошли! — крикнул Фатаки. Голос его резко прозвучал в тишине.

Все двинулись в темноту ночи молча, без криков, как на работу.

Когда они подходили к парку Гадсби, Вамуке уже твердо знал, что в эту ночь его судьба изменится. Он видел это по решительным лицам своих товарищей, по смелому блеску в их глазах.

Никто не нарушал молчания, и было в этой тишине что-то грозное и торжественное. Когда Вамуке одним из первых вошел в ворота парка, в доме Гадсби вдруг вспыхнуло пламя пожара: несколько человек опередили толпу и подожгли дом, бросив в окно охапку горящего хвороста.

Огонь быстро охватил здание, и красные языки пламени вырывались из окон и поднимались в черное небо.

Гудящая толпа рабочих остановилась перед домом в зловещем свете пожара. Вамуке и Кикиви стояли рядом с Фатаки.

Огонь перекинулся в большой зал. Кто-то из негров бросил камень и разбил стекло. Тотчас из окна полетели снопы искр и вверх устремились клубы черного, густого дыма. Неожиданно парадная дверь открылась, и из нее выскочил Гадсби. У него был безумный вид — лицо перекосилось, глаза вылезли из орбит. Одной рукой он прижимал к груди шкатулку, в другой держал револьвер. Вслед за ним выбежала Анабелла и бросилась в парк. Никто не обратил на нее внимания.

При виде хозяина Мвана Вамуке почувствовал, как в груди его поднимается волна ненависти.

— Уходи отсюда! — угрожающе крикнул Вамуке, выступая вперед. — Это наша земля! Уходи!

— Разойдись! — Гадсби направил револьвер на толпу.

Стоявшие впереди попятились, но Вамуке даже не шевельнулся.

Гадсби выстрелил, не целясь, и Вамуке, вскрикнув, схватился за руку.

В воздухе просвистел камень и ударил в грудь белому. Гадсби снова выстрелил в толпу. Негры с яростными криками бросились на него. Гадсби побежал изо всех сил в сторону кустарника. Он бежал быстро, и расстояние между ним и рабочими сразу же стало увеличиваться. Но у самых кустов он споткнулся, уронил шкатулку. Гадсби резко повернулся и схватил ее. Драгоценные секунды были потеряны. Когда Гадсби поднялся, рядом с собой он увидел искаженное ненавистью лицо Вамуке. В следующее мгновение толпа налетела на него и сбила с ног. Гадсби почувствовал, как множество жестких от работы рук вцепились в него, оторвали его от земли и он по-

летел куда-то в бездонную, темную пропасть... Труп Гадсби бросили в горящий дом...

С Гадсби было покончено. Впереди было сражение с солдатами мзунгу.

— Теперь землю назад не отдадим, — сказал Аруми. — Будем драться!

— Как там, на соседних плантациях? — озабоченно проговорил Фатаки. — Выступили они?

И, как бы в ответ на его слова, над черным далеким горизонтом появились отблески большого пожара. Пламя росло, поднималось, становилось сильнее, ярче. Справа от него появилось другое зарево. Ночь пылала пожарами. Горизонт горел новой, невиданной зарей.

Мвана Вамуке стоял среди друзей и чувствовал, что старому, рабскому миру приходит конец. Наступает другая жизнь, жизнь, полная борьбы и тревог, но счастливая, радостная.

Как весенний пожар очищает саванну от ненужной, засохшей травы, удобряя землю для молодых побегов, так пламя, бушевавшее вокруг, очищало землю от старых порядков, чтобы дать путь новым, лучшим.

ДВЕСТИ ДОЛЛАРОВ

I

По тому, как Бижу нервно дергал поводья, я чувствовал, что он волнуется.

Рассветало. Было холодно, сыро, и мы невольно кутались в плащи. Наши кони бежали размашистой рысью, и звонкое цоканье их подкованных копыт по асфальту дороги громко раздавалось по пустынным переулкам еще спящей Аддис-Абебы.

Одноэтажные и двухэтажные дома из белого камня толпились по обеим сторонам улицы и казались дворцами по сравнению со стоявшими рядом с ними постройками, сделанными из листов ржавого железа. Наверху этих жалких сооружений вместо крыш было набросано несколько таких же ржавых листов, а внизу зияли прямоугольные прорезы дверей, иногда завешенные рогожами.

Высокие эвкалипты, светлосерые стволы которых, казалось, не имели коры, росли между постройками. У грязнорыжего глинобитного дома без окон, с белыми пятнами облезшей покраски стояла высокая молодая женщина в длинном, неопределенного цвета платье. Огромная шапка ее густых вьющихся волос напоминала большую меховую папаху. Лицо ее было темнокоричневого цвета. Она весело помахала Бижу рукой. Видимо, они были старые знакомые.

— Куда едете? — крикнула она.

— Домой. — Бижу спрыгнул с седла и подошел к ней. — Тассама ушел давно?

— Вчера до обеда. Что у тебя там случилось? Не хотел дожидаться попутчика... Ночью на дороге звери.

— Надо, надо. Это я просил его, — торопливо проговорил Бижу и, понизив голос, стал что-то говорить женщине.

Эфиопка всплеснула руками.

— Поезжайте, поезжайте скорее! — взволнованно проговорила она.

— Да-да, поедем. К полудню догоним его. Пешком он далеко не уйдет. — Бижу ловко вскочил в седло, и мы помчались размашистой рысью.

Я ничего не понял из разговора Бижу с женщиной, кроме того, что он хочет догнать своего друга Тассама. Я не был посвящен в его дела.

— А зачем вам потребовался Тассама? — спросил я. — Ведь завтра увидим его.

Бижу был рассеян. Видимо, слова мои не дошли до его сознания. Я не стал повторять вопрос. Мы молча продолжали путь.

Неширокая улица причудливо изгибалась. Навстречу нам по разбитому асфальту тротуара быстро двигалась небольшая группа. Впереди на крепком высоком муле, покрытом коричневой попоной, ехал старый эфиоп в черной накидке, очевидно помещик. Босые ноги его опирались о широкие стремяна. За ним, держась с двух сторон за сбрую мула и друг за друга, бежали шесть слуг в грязной белой одежде. Количество слуг свидетельствовало о важности господина. Свита, как и хозяин, была босая¹.

Старый эфиоп, как, впрочем, обычно и многие другие всадники, не желал ехать по дороге — это было бы ниже его достоинства, и люди, спотыкаясь, бежали по неудобному, разрушенному тротуару. Итальянцы, владевшие Эфиопией с 1936 по 1941 год, построили хорошие дороги для своих автомобилей, но тротуары для эфиопов приводить в порядок не стали.

У мостика через небольшую канаву наши лошади вдруг за-

¹ Большая часть населения Эфиопии ходит без обуви. Цена ботинок составляет трех-четырёхмесячный заработок эфиопа. К счастью эфиопов, зимы здесь не бывает, круглый год стоит теплая погода.

храпели и встали на дыбы. Я удивленно посмотрел на Бижу, и тот указал рукой на канаву. Там вокруг павшей лошади возились четыре гиены; каждая была ростом с большую собаку. Увидев нас, звери повернули к нам свои короткие грязносерые морды, несколько секунд выжидающе смотрели на нас и затем неохотно побежали вдоль канавы. Задние ноги трусливых хищников были вдвое короче передних. Гиены никогда не нападают на людей, и эфиопы считают их даже полезными зверями: они поедают павших животных, которых часто просто бросают в том месте, где они свалились.

Нас обогнал извозчик — гари. Двухколесная коляска на резиновых шинах была выкрашена в небесно-голубой цвет, и грязная, вся в дырах и лохмотьях одежда извозчика на ярком фоне экипажа казалась еще более нищенской. Рядом с гари сидел пожилой иностранец, который старался отодвинуться от оборванного возницы как можно дальше, но это ему не удалось — коляска была рассчитана лишь на двух седоков.

Около маленького кинотеатра маршировал отряд солдат с ружьями на плечах. Солдаты поживались от утреннего холода. Они были в коротких, выше колен, штанах и босиком. Лишь несколько счастливых были обуты в сандалии на толстой, тяжелой подошве.

Вскоре Аддис-Абеба осталась позади, и лошади, сойдя с шоссе, побежали по мягкой, пыльной тропинке.

Через час должно было показаться солнце. Здесь, под экватором, круглый год солнце восходит около семи часов утра и около семи часов вечера заходит.

Мой спутник, Роберт Бижу, полуэфиоп, полуфранцуз, пригласил меня к себе на озеро поохотиться. Километров за сто от Аддис-Абебы на озере у него был маленький домик и небольшой участок, который он обрабатывал.

Бижу старался не показывать своей тревоги, но я видел, что на сердце у него беспокойно. Всю дорогу он шутил и рассказывал об охоте. Это был бодрый старик. Он провел полную приключений жизнь в Африке, и слушать его было всегда интересно.

Но все же Бижу волновался. Иногда он с беспокойством поглядывал назад и сокрушенно качал головой.

Появилось солнце, огромное и красное. В высокой густой

траве саванны заискрились крупные прозрачные капли росы. Был конец сентября. Только что закончился четырехмесячный период дождей. Трава местами скрывала лошадей с головой. Невидимые птицы наполняли воздух веселым щебетаньем. Одинокие, разбросанные по степи зонтичные деревья зеленели свежей листвой.

На шоссе показалась группа эфиопов. Они бежали, подгоняя лошадей и ослов, нагруженных кожаными мешками с зерном. Не останавливаясь, эфиопы промчались мимо нас. Они спешили на рынок.

Эфиопы — прекрасные бегуны. Чтобы сократить время, они бегут иногда почти всю дорогу.

Бижу снял свой плащ и привязал его сзади к седлу.

— Хорошее утро, — сказал он, проводя рукой по копне густых вьющихся волос, уже тронутых проседью.

Бижу осмотрелся вокруг и улыбнулся.

Кони опять перешли в галоп.

Впереди два босых эфиопа вели по дороге неистово вырывавшегося быка. К рогам и к задней ноге строптивного животного были привязаны веревки. Один из эфиопов тянул быка вперед. Другой, идущий позади, сдерживал животное, когда оно начинало вырываться. При этом человек натягивал веревку, легко отрывая от земли заднюю ногу животного, и бык, несмотря на яростные усилия, не мог на трех ногах сдвинуться с места. На эфиопах были хлопчатобумажные брюки, обтягивавшие ноги от колен до щиколоток, и длинные, навывпуск, рубахи с разрезами по бокам. На каждом было по куску легкой материи шамо, хитроумно обернутой вокруг шеи и туловища. Одежда эта некогда была белой, но теперь имела весьма неопределенный цвет.

11

Около полудня мы подъехали к небольшому селению, состоявшему из нескольких домов. Возле деревни крестьяне резали высокую траву кривыми ножами — эфиопы не знают о существовании кос. Неподалеку мальчик лет пятнадцати пас стадо маленьких горбатых коров породы зебу. Пастух был совсем

голый, если не считать перекинутой через плечо овечьей шкуры. Около него бегала лохматая, свирепого вида собака.

— Не видел сегодня, не проходил здесь высокий человек с кольцом в ухе? — крикнул Бижу пастуху.

Мальчик засмеялся и ответил:

— Видел, видел! Сто человек видел!

Бижу недовольно покачал головой.

Мы поехали по деревне, расположившейся по одну сторону дороги. Круглые хижины — тукули — смотрели на нас черными прорезями дверей. Окон в тукулях не было. Хижины были покрыты крутыми крышами с глиняными наверхиями, предохраняющими от проникновения дождя.

— Принеси воды, — обратился Бижу к старой женщине, недружелюбно посматривавшей в мою сторону. Она принимала меня, наверно, за «инглиза» — ненавистного англичанина, пришедшего во время войны и хитростью оставшегося в Эфиопии.

Старуха принесла нам гомбу — глиняный сосуд с узким горлышком. Вода в нем была холодная и приятная, и мы с удовольствием напились. Старуха жестом пригласила нас войти в дом, все еще неприязненно поглядывая на меня.

Стены тукуля были сделаны из чикки — глины, смешанной с травой и намазанной на тонкий деревянный решетчатый каркас дома. Хижина была полна дыма от небольшого костра, разведенного на плоском камне слева от входа.

— Пригнитесь, — посоветовал мне Бижу, — внизу дыма нет.

И действительно, пригнувшись, я почувствовал, что дышать стало гораздо легче. Посередине дома в земляной пол был врыт столб, подпиравший крышу. Привыкнув к полумраку, я увидел нескольких маленьких детей, которые, усевшись на полу в кружок, что-то ели, не обращая внимания на смрад. На куче тряпок у стены, куда не доходил свет костра, лежал и охал больной. До ближайшей платной больницы было несколько десятков километров, и больной был предоставлен самому себе.

Я сделал в темноте шаг в сторону, чтобы пропустить хозяйку дома, и, наступив на что-то мягкое, в ужасе отпрянул: под ногами раздался дикий визг, и к выходу метнулся черный клубок, оказавшийся обыкновенной собакой, которая, выскочив на улицу, разразилась громким лаем.

— Ну, бабушка, мы спешим, — мягко сказал Бижу.

Старуха вышла вслед за нами. Я дал ей несколько монет.

Бедность прочно свила здесь себе гнездо. Все вокруг было убого. И эти люди должны были еще отдавать землевладельцу половину урожая.

Около тукуля молодая женщина в такой же рваной одежде, как и старуха, молола тефф¹. Она насыпала на плоский, наклонно поставленный камень зерна и растирала их сверху другим, меньшим камнем.

Мы сели уже на лошадей, когда к нам подошла странная пара — два старика, руки которых были скованы одной длинной цепью. Они с любопытством уставились на нас.

— Что это такое? — спросил я Бижу по-английски, чтобы подошедшие не поняли нас.

— Должник и кредитор, — ответил Бижу. — Чтобы должник не сбежал, кредитор приковал его к себе цепью. Должник будет ходить за ним повсюду, пока кто-нибудь из его родственников не заплатит долга. Этот обычай уже почти исчез. Сейчас должников просто сажают в тюрьму.

Старики, видимо, жили довольно мирно. Они что-то говорили друг другу шопотом и улыбались, с любопытством поглядывая на меня.

— Ну, поедем, — сказал Бижу, и мы поскакали по пыльной, мягкой дороге.

За деревней, у небольшого болотца, две эфиопки стирали белье, посыпая его порошком из сушеных плодов мыльного дерева — эндот: обычное мыло слишком дорого для жителей деревни. Рядом на ветвях баобаба сушились тряпки.

Женщины сердито закричали на нас. Пыль, поднимаемая нашими лошадьми, садилась на развешанное по ветвям белье.

Невдалеке от деревни эфиоп пахал землю. Два его маленьких горбатых быка тащили длинную слегу, к которой был прикреплен острый деревянный кол. Этим колом он и пахал.

Вскоре селение скрылось из виду. Опять мы скакали по открытой высокой травой саванне.

Перед нами лежала широкая африканская степь. Лишь изредка в саванне возвышались отдельные, далеко отстоящие

¹ Тефф — вид мелкого проса, растущего в Эфиопии.

друг от друга деревья — мимозы и акации. Деревья стояли иногда небольшими группами. Они были низкорослы, суковаты, с неправильными, искривленными стволами. Их плоские кроны, собранные на самом верху в виде зонтов, своей тенью защищали корни от палящего тропического солнца: засуха длится здесь около восьми месяцев в году. Изредка на горизонте появлялись одинокие гиганты-баобабы с могучими, широко раскинувшимися ветвями.

Неожиданно сзади, из-за поворота дороги, выскочил легкой автомобиль. За рулем сидел человек лет сорока с маленькими рыжими усами. Машина проехала мимо, обдав нас едким дымом бензина.

— Мультион, будь он проклят! — Бижу с досадой осадил лошадь. — Он будет там раньше меня часа на три. Поедем через саванну. Сократим путь!

Я согласился: мне было безразлично, где ехать. Но я все еще не понимал, что так тревожит Бижу.

Лошади летели через широкую степь. Высокая густая трава хлестала их, заставляя задираТЬ вверх головы. Вскоре животные покрылись мылом, и мы перевели их на рысь. Бижу не скрывал уже своей озабоченности.

— Куда это вы так спешите? — спросил я после некоторого молчания.

— Тут, видите ли, неприятное для меня дело, — ответил Бижу. — Этот Мультион — мой сосед, там, на озере, все хочет купить мой участок. Тогда озеро целиком будет в его распоряжении. Он, кажется, хочет разводить рыбу.

И Бижу рассказал мне историю о том, что два года назад он заложил свой дом вместе с землей соседу-помещику. Сегодня кончились все сроки платежа, и помещик собирался передать дело в суд. Кредитор его думает хорошо заработать, продав эту землю Мультиону. Вчера утром Бижу послал своего друга, эфиопа Тассама, с запиской, в которой он просил помещика немного обождать с долгом. Но к концу дня Бижу посчастливилось: он продал шесть шкур убитых им леопардов. Теперь он мог заплатить долг. Вечером он встретил Мультиона. Мультион, знавший о тяжелом положении Бижу и о сроке платежа, вновь предлагал ему продать свой

участок, и Бижу встревожился. Он боялся, что Мультон и помещик сговорятся и что его кредитор, получив записку от Тасамы, сразу же передаст дело в суд.

Сегодня было еще не поздно возвратить долг, но Бижу боялся, что жадный помещик не станет ждать до вечера и оформит у судьи сделку с Мультином. Получив же его, Бижу, записку, он не задумается сделать это немедленно. Тогда даже по закону он будет прав.

— Ну зачем, зачем я, старый дурак, послал ему это письмо! Надеялся разжалобить!

— Да, вы не всё продумали, — сказал я, выслушав его. — От помещика-ростовщика ожидать снисхождения не следовало бы. Поедем быстрее.

Бижу хлестнул коня, и мы вновь поскакали по саванне. Вскоре, срезав большую дугу, мы опять были на дороге.

III

Пора было пообедать, и Бижу свернул к небольшой группе деревьев, между которыми протекал узенький ручеек с прозрачной, холодной водой. Я слез с лошади и с удовольствием прошелся по земле.

Мы находились почти под самым экватором, и хотя был полдень, жары не чувствовалось. Солнце припекало спину, но холодный ветерок приятно обдувал лицо.

Здесь, на высоте двух с половиной тысяч метров над уровнем моря, палящие лучи тропического солнца почти не нагревают воздух. Мы сели в тень дерева, и сразу стало холодно. На такой высоте даже под экватором воздух всегда холодный, хотя термометр, положенный под солнцем на землю, показывает пятьдесят градусов Цельсия. В тени же в самый жаркий день температура всего градусов тринадцать-пятнадцать. Солнечные лучи отдают свое тепло земле. Воздух же нагревается только от земли, и поэтому верхние слои атмосферы всегда холоднее нижних.

Бижу, по эфиопскому обычаю, притянул ремнем голову своего коня к передней ноге, чтобы он не смог убежать, и пустил его в густую траву. Я последовал примеру Бижу.

Не успели мы окончить обед, как услышали сильный шум, напоминавший звук приближающегося поезда. Я был удивлен. Никакого поезда здесь быть не могло, так как в Эфиопии существует только одна железная дорога, проходящая в нескольких десятках километров от этого места. Странный шум продолжался. Однако я ничего не видел, как ни рассматривал саванну. Бижу, заметив мое беспокойство, засмеялся и сказал, показывая вверх, на деревья:

— Сейчас увидите. Он сюда сядет. Ничего страшного.

— Кто сядет?

— Носорог, птица носорог.

Шум усилился и вдруг сразу стих. На одном из деревьев я увидел птицу с длинным, толстым, слегка изогнутым клювом. Сверху, у основания клюва, был большой серый нарост. По виду птица напоминала большого ворона. Заметив нас, носорог вновь поднялся в воздух, зашумел крыльями. Шум, издаваемый птицей носорогом, объясняется тем, что оперение у него очень жесткое и при полете вибрирует, словно натянутая струна.

Бижу опять заторопился. Вскоре мы вновь были в седлах.

Впереди на шоссе показался открытый автомобиль. В машине сидели английские офицеры. Когда они проезжали мимо нас, один из военных весело улыбнулся и помахал Бижу рукой.

— Кто это? — спросил я своего спутника.

— Английский офицер. Приезжал к нам на озеро купаться. — Бижу посмотрел вслед быстро удаляющейся машине и с раздражением сказал: — И когда только эти англичане уйдут из Эфиопии! Итальянцы изгнаны, война давно окончилась, все сроки вышли, а они, кажется, и не собираются уходить.

17

Дорога пошла вниз. Чем ниже мы спускались, тем становилось жарче. Горячий воздух обдувал лицо. Растительность постепенно стала меняться.

В скучной, однообразной саванне, покрытой травой и редкими, одиночными деревьями, появились небольшие рощицы. На берегу пересохшего ручья, или изменившего свое течение или почему-либо иссякшего, стоял длинный ряд высоких почернев-

ших столбов. Казалось, что столбы эти — дело рук человека, которому пришла вдруг странная фантазия закопать их здесь, в безлюдной местности. Подъехав ближе, мы поняли, в чем дело. То, что издали казалось столбами, в действительности было своеобразным кладбищем пальм. Деревья, лишенные влаги ручья, погибли, красивые кроны их засохли и осыпались, и они превратились в мертвые столбы, которым суждено еще многие годы стоять среди бескрайней саванны. Около воды встречались непроходимые бамбуковые заросли, в которые могли проникать лишь маленькие серые птицы мыши, летавшие около бамбука. Оперение этих птиц очень тонкое и сильно напоминает волосы. Птицы эти юрки и своими повадками действительно похожи на мышей.

По берегам ручьев появились пальмы — драцены — с длинными, узкими, кинжаловидными листьями, расположенными веером на самой макушке дерева; высокие финиковые пальмы, узкие листья которых, росшие вдоль длинных стеблей, напоминали перья гигантской птицы.

Солнце склонялось к западу. Мы сильно устали. Лошади бежали, то и дело спотыкаясь. Бiju напрасно вглядывался в дорогу — на ней никого не было. Вдруг он дотронулся до моей руки и возбужденно проговорил:

— Смотрите: гепард охотится!

По саванне, стелясь над густой травой, мчались две маленькие коричневые антилопы (их называют иногда левретками). Они были немного более зайца. Передние ноги антилоп при прыжке плотно прижимались к телу. Острые уши стояли вертикально. Откинув слегка назад головы с маленькими прямыми рогами, животные, казалось, летели над землей. За ними по пятам огромными прыжками мчался гепард — большая оранжево-желтая пятнистая кошка на высоких ногах. На бегу хищник был удивительно похож на собаку. Антилопы уже почти добежали до дороги, когда гепард сделал большой прыжок и сбил с ног одну из них. Она громко и жалобно закричала. Другая антилопа в ужасе бросилась в сторону и вскоре исчезла вдали, за редкими кустами.

Наши лошади, почуяв хищника, стали рваться и вставать на дыбы. Заметив нас, гепард схватил свою добычу и большими

скачками умчался в саванну. Лошади долго испуганно косились в ту сторону, куда убежал хищник.

Впереди на дороге появилась фигура бегущего человека.

— Тассама! — закричал Бижу. — Смотрите — Тассама!

Мы перевели наших усталых лошадей в галоп и вскоре поравнялись с Тассамой. Он бежал, прижав руки к груди, опустив голову, не оглядываясь. Заметив нас, он остановился, с трудом переводя дыхание. Пот лился по его измученному лицу. Прядь жестких черных волос прилипла к мокрому лбу.

— Ну и бежал же ты! — закричал Бижу своему другу. — Я думал, что уже и не догоним тебя. Записка цела? Дай ее мне. — Бижу разорвал листок. — Тут недалеко, Тассама, ты к ночи добежишь, а мне нужно скорее ехать.

Мы оставили эфиопа позади.

Через полчаса показались невысокие скалы. Они поднимались прямо над дорогой. На них разместилась целая стая павианов. Животные внимательно рассматривали что-то находившееся внизу, скрытое от нас кустами. При нашем приближении обезьяны разбежались.

— Автомобиль... Смотрите, ваш Мультон свалился в кювет! — закричал я.

Мы подъехали к машине. Она накренилась и в нескольких местах была продырявлена пулями. Мультон исчез. Бижу осмотрел сиденье, землю вокруг. Следов крови не было.

— Произошел маленький разговор с эфиопами. — Бижу весело засмеялся и потрогал отверстие в стекле. — Интересно, не пригласили ли они его к себе в гости? Англичанам и американцам здесь частенько достается: незваных гостей мы не любим.

Отъехав от машины с полкилометра, мы поднялись на холм и вдруг увидели владельца автомобиля. Он осторожно выглядывал из кустов, не решаясь выйти на поляну.

Было уже почти темно, когда мы добрались до дома Бижу. Дом стоял над озером, смутно поблескивавшим внизу, в огромном котловане. Жена Бижу, старая эфиопка, поднялась было, чтобы приготовить нам ужин, но Бижу не стал ждать и поспешил к помещику. Через полчаса он вернулся оживленный и радостный.

— Мой кредитор был явно расстроен, что я принес долг. —

Бижу расхохотался. — Он уже собрался, видимо, продать мою землю американцу. Но день еще не кончился, и пришлось ему, бедняге, все-таки взять деньги.

На дороге послышался шум мотора. Два светлых луча прорезали темноту.

— Мультион явился. — Бижу криво усмехнулся. — Счастли-во отделался!

V

Утром охота была неудачной. Не встретив дичи, мы возвращались домой. Неожиданно рядом с собой, за кустом агавы, мы увидели странную птицу. Она походила на орла, но ноги у нее были длинные, как у цапли. Взгляд ее круглых коричневых глаз был быстр и пронзителен. Птица возбужденно бегала по земле огромными шагами, не замечая нас.

— Тихо! — прошептал мне Бижу. — Птица секретарь со змеей сражается.

Мы спрятались за длинные, мясистые, причудливо изогнутые листья огромной агавы и стали осторожно наблюдать за боем. Секретарь обежал вокруг черной двухметровой змеи, высоко поднявшей голову, и вдруг, издав хриплый, воинственный крик, бросился на нее, широко открыв короткий кривой клюв и растопырив крылья. Змея резко метнулась навстречу врагу. Секретарь, обороняясь, выставил крыло, и укус змеи пришлось в длинные конечные перья, не причинив птице вреда. В то же мгновение секретарь ударил ее ногой, схватил когтями за шею у самой головы и, прижав к земле, нанес несколько ударов в голову острым клювом. Змея бешено извивалась, стараясь вырваться из цепких когтей. Еще несколько ударов, и она перестала двигаться. Секретарь поднял голову, осмотрелся и с криком взвился в воздух, унося свою добычу.

VI

После обеда мы отправились на озеро вместе с Тассамой. Тассам жил в соседней деревне и был здесь желанным гостем. Он и Бижу часто вместе охотились, пронадая в лесу по целым неделям. Их связывала старая дружба, с тех пор как Бижу спас во время охоты Тассаму из когтей леопарда. До ближайшей

эфиопской деревни было несколько километров, и Бижу со своей женой были почти всегда одни. Единственный дом, стоявший рядом на озере, недавно построенный Мультином, почти всегда пустовал.

Солнце было в зените и жгло немилосердно. Ослепительный свет резал глаза. У воды около шлюпки стоял Мультион.

Увидев нас, он оживился.

— Половим рыбку сегодня вечером! — крикнул он, вытирая платком лоб. — Я хорошие крючки привез.

Бижу познакомил нас. Это был худой, необычайно подвижной человек, куривший сигарету за сигаретой.

— Я в прошлое воскресенье шуку килограмма в три на спиннинг выхватил, — сказал Мультион, обращаясь ко мне. — На спиннинг здесь утром идет.

О вчерашнем дне не было сказано ни слова. Бижу был бы неприятен этот разговор. Мультион же, наверно, думал, что мы не знали о его намерениях.

Усевшись на берегу, мы стали ловить рыбу с помощью мелких шариков, приготовленных из смеси ядовитых бобов акации-барберы и муки. Несмотря на полуденный час, ловля шла хорошо. Рыбы, полакомившись нашей приманкой, всплывали на поверхность вверх животом, и мы подхватывали их сачками.

Озеро находилось в кратере потухшего вулкана. Вода в нем, поступающая из глубины недр, была холодна и прозрачна. Обрывистые берега со всех сторон окружали озеро, отделяя его от остального мира. Лишь в одном месте среди скал был небольшой проход: словно гигантский меч ударил по краю огромной каменной чаши и рассек ее до самой воды. По этому проходу часто приходили на водопой животные, и охотники устраивали здесь засаду.

Буйные зеленые заросли спускались к самой воде. Огромные смоковницы с широкими пятипалыми листьями и мягкими, как вата, сладкими грушевидными смоквами росли рядом с папаями — невысокими деревьями с большими, яркожелтыми, похожими на дыню плодами. Пальмы-хамеропсы с утолщавшимися кверху стволами, словно завернутыми в черный лохматый войлок, стояли среди яркозеленых кустов, среди лимонных и апельсиновых деревьев. Это был отдельный мирок со своими

климатическими законами. Лес, покрывавший берега озера, был всегда по-весеннему зелен. Особенно чувствовалась изолированность этого зеленого островка в сухой период, длящийся здесь более полугода. В это время саванна, лежащая вокруг кратера, почти мертва, выжженная палящим тропическим солнцем трава полегла и высохла. Ветер гонит по равнине тучи пыли. Редкие, одинокие деревья понуро стоят с пожелтевшими листьями. Но около озера, по склонам кратера, лес попрежнему зелен. Климатические законы саванны на него не распространяются. Здесь всегда весна.

VII

Мы сидели в тени огромных бананов. Справа чуть слышно шуршал гигантский камыш, походивший на бамбуковые заросли. Слева от нас была поросшая низкой густой травой маленькая площадка, упиравшаяся в покрытый кустарником склон. На ней, на высоких деревянных подставках, стояла опрокинутая изящная шляпка. Час назад лодку покрасили в белый цвет, и Мультион ходил вокруг нее, критически осматривая работу.

— Ну, как рыбка? Идет? — крикнул он.

— Хорошо берет! — ответил Бижу, подхватывая сачком большого линя.

Мультион подошел посмотреть.

— Я думаю с лодки попробовать, когда краска подсохнет, — сказал он, разглядывая наш улов. — Эти итальянские мастера — просто разорение. — Он указал на лодку. — За три часа работы взяли с меня двести эфиопских долларов. Правда, из Аддис-Абебы приезжали, но все же дорого. Посмотрите, хорошо покрасили?

Лодка была вся беленькая, без единого пятнышка.

— Неплохо сделано, — сказал я. — Сразу видно, что настоящие мастера красили.

От этих слов Мультион пришел в хорошее расположение духа.

— Вы знаете, я пригласил мистера Шоффилда с женой приехать покататься на лодке и решил привести шляпку в порядок. Дороговато получилось, ну ничего.

Я знал Шоффилда. Это был представитель нефтяного американского концерна «Синклер», человек очень богатый.

Ветерок прекратился, и стало невыносимо жарко. Где-то рядом тихо звенела одинокая пчела. Два эфиопа из соседней деревни Месну, помогавшие итальянцам красить лодку, купались на самой середине озера. Они перекликались и гонялись друг за другом. Это были отец и сын.

Вдруг Тассама, обладавший замечательным зрением, указал коричневой рукой на скалистый проход в долину и испуганно вскрикнул:

— Сандбо! ¹

Бижу быстро взглянул на противоположный берег и вскочил на ноги.

— Что такое? — спросил я встревоженно. Я ничего не мог рассмотреть: яркий свет, отражаемый водной поверхностью, слепил глаза.

— Крокодил спустился в воду вот из той расщелины! — сказал Бижу, указывая на противоположный берег.

— Назад, назад! — закричал Тассама пловцам. — Сандоо!

Бижу схватил винтовку, которую он всегда носил с собой, и, желая привлечь внимание эфиопов, выстрелил. Пловцы заметили тревожные сигналы, подаваемые им с берега, и направились в нашу сторону.

— Лодку в воду! — торопливо проговорил Бижу. — Перевертывайте! Беритесь все за один бок.

— Подождите, подождите! — Мультон растерянно забегал около шлюпки. — Откуда здесь крокодилы? Вы же всю краску сдерете!

— Это крокодил! — сказал Бижу взволнованно, стараясь перевернуть лодку.

— Что вы делаете, обождите немного! Эфиопы и сами доплывут. Они — как рыбы... Все дно обдерете! — Мультон вцепился в борт шлюпки, не давая нам перевернуть ее. — Почему вы хотите спасти их за мой счет? Ведь двести долларов стоит!

— Как вам не стыдно! — крикнул я вскипев. — Из-за вас люди погибнут.

— Перевертывайте, чего с ним говорить! Тассама, быстрее! — воскликнул Бижу.

¹ С а н д б о (амхарск.) — крокодил. Амхарский язык — язык господствующего в Эфиопии племени (в Эфиопии живет около ста тридцати племен).

Но Мультон продолжал держать шлюпку.

— Ух, ты... — Бижу вдруг с силой оттолкнул американца.

Мультон упал на землю и яростно закричал:

— Ах ты свинья черномазая! Я тебе всю башку разнесу, если ты дотронешься до моей шлюпки! — Он выхватил из кармана револьвер и направил его на Бижу.

Бижу бросился к винтовке и щелкнул затвором. Глаза его зажглись недобрым огнем. Я ухватился за винтовку, не давая Бижу направить ее на американца.

— Пустите меня! — кричал Бижу. — Я ему покажу!

— Да бросьте вы револьвер! — крикнул я Мультону. — Люди же погибают! Мы заплатим вам.

— Это другое дело, — проворчал он, пряча револьвер. — А моей собственностью распоряжаться я никому не позволю. У нас за такие дела эта черная рожа уже висела бы на суку.

— Есть вещи поважнее вашей собственности! — резко ответил я.

Мы быстро столкнули лодку в воду. Тассама и я взялись за весла. Бижу с винтовкой поместился на носу. Мультон, все еще ворча и ругая эфиопов, сел за руль. И лодка понеслась по голубой глади озера. Бижу то и дело вскакивал и кричал эфиопам, приставив ко рту сложенные трубкой ладони:

— Матафери, Гаури! Скорей, скорей! Что вы так ползете?

Но пловцы уже сильно устали и едва двигали руками. Впереди плыл четырнадцатилетний Гаури. Отец его часто оглядывался на быстро приближающегося хищника и подталкивал Гаури. Оба совершенно изнемогали. Уже ясно была видна темная блестящая спина крокодила, слегка выгнутая и покрытая костяными наростами. От его узкой плоской головы с неподвижными выпученными глазами расходились маленькие волны. Покрытый роговыми зубцами хвост непрерывно извивался.

— Не успеем, пожалуй! — взволнованно проговорил Бижу.

Он поднял винтовку, тщательно прицелился и выстрелил. Около головы рептилии поднялся фонтан воды от удара пули.

— Чорт возьми, промахнулся! — воскликнул Бижу и плюнул от злости. — Один патрон остался.

Мальчик был уже почти рядом с нами. Матафери выбился из сил, подталкивая сына, и отстал.

Крокодил нырнул. Сноп брызг взлетел в воздух.

— Быстрее! — закричал Бижу, приподнимаясь и пристально вглядываясь в воду.

Мы стали грести из последних сил. Лодка приблизилась, и мальчик вцепился в нее. Мы бросили весла и подхватили его под руки.

— Что вы делаете! — рявкнул Бижу. — Гребите, он и сам влезет в лодку. Матафери спасать надо!

Гаури, тяжело дыша, упал на дно шляпки.

Не успели мы сделать и нескольких взмахов, как в кристально прозрачной воде рядом с пловцом показалась длинная темная фигура рептилии. Открыв белую зубастую пасть, хищник устремился к человеку. Матафери ударил крокодила ногой в кончик морды и, оттолкнувшись от него, судорожно вцепился в борт руками. Глаза его были полны ужаса, и он громко закричал. В следующее мгновение крокодил схватил эфиопа за ногу и с такой силой рванул его, что едва не опрокинул лодку.

— Держите его! — закричал я, хватая пловца за руку.

Тассама вцепился в другую руку, и мы изо всех сил потянули Матафери в лодку. Несколько секунд мы боролись с хищником, не давая ему утянуть на дно свою жертву. Голова рептилии с неподвижными выпуклыми глазами показалась вдруг из воды, и в тот же момент раздался выстрел. Крокодил отпустил человека, нырнул, подняв высокий столб брызг, и больше не появилась: видимо, пуля поразила его насмерть.

Мы втащили Матафери в лодку. Он стонал от боли и дрожал всем телом от пережитого волнения и страха. Живот и руки его были выпачканы в белой краске.

Бижу осмотрел окровавленную ногу Матафери и сказал:

— Кости целы остались. Твое счастье, что крокодил был не очень большой, а то быть бы тебе на дне. — Он засопел и сердито покосился на Мультон.

Мы пристали к берегу и вынесли Матафери из лодки. Бижу сбегал домой, принес большую белую тряпку и, разорвав ее на куски, перевязал раны Матафери. Мультон, осматривавший лодку, вдруг повернулся ко мне и сказал раздраженным тоном:

— Я полагаю, что вы все-таки выполните свое обещание. Всю лодку ободрали из-за этих бездельников!

Я достал бумажник и подсчитал свои деньги.

— Пятидесяти долларов не хватает, — сказал я, подавая деньги. — Я отдам их вам в Аддис-Абебе.

Мультион взял деньги и сунул их в карман.

Тассамэ и Бижу отнесли Матафери в дом, и вскоре мы отправили его на автомобиле Мультиона в госпиталь в Аддис-Абебу. Бижу дал Матафери свои последние двадцать долларов, чтобы он мог заплатить врачу за перевязку.

За ужином, когда мы обсуждали дневное происшествие, я спросил Бижу, откуда же появился крокодил. Ведь их здесь раньше никогда не было.

— Случайно забрел, — ответил Бижу, немного подумав. — Во время засухи крокодилы часто переползают от одного высыхающего озера к другому. Иногда они проходят таким образом огромные расстояния. Однажды я даже наступил на крокодила, который, видимо не найдя воды, зарылся в ил в маленьком болотце и заснул там, ожидая кремпта¹. Сегодняшний крокодил, наверно, и был одним из таких путешественников.

Бижу встал из-за стола.

— Пожалуй, спать пора, — сказал он потягиваясь. — Завтра ведь нам рано подниматься.

Я согласился. Бижу потушил керосиновую лампу, и мы улеглись. В маленькое окно падал лунный свет. Где-то недалеко завыла гиена.

Через несколько минут мы уже спали.

¹ К р е м п т — период дождей.

КОЛЬЦЕВАЯ ОХОТА

— Нам нужно дойти до той деревни. — Ненов повернулся ко мне и показал рукой на несколько десятков небольших конусообразных хижин, видневшихся внизу. — Там мы найдем хороших проводников.

Наш маленький отряд спускался по крутому зеленому склону, и мулы скользили по мокрой траве, то и дело приседая на задние ноги. Чтобы не упасть, мы спешили и вели животных на поводу. Все вокруг дышало утренней свежестью. В воздухе звенели оживленные птичьи голоса. Сухо и деловито стучали неугомонные кузнечики. Склон весело пестрел желтыми, синими, красными цветами. В густой, буйной траве дрожали крупные капли росы, переливаясь и вспыхивая разноцветными огнями в лучах утреннего солнца. Внизу перед нами лежала безбрежная зеленеющая долина, и казалось, что вся она осыпана тонкой золотой пылью. На востоке раскинулась синяя спокойная поверхность горного озера, сверкавшая словно огромный полированный щит. Левее на горизонте извивалась узкая светлая полоска реки Аваш. На западе сплошным массивом темнел лес. И над всем этим простиралось голубое, безоблачное небо.

Впереди, выбирая дорогу, шел глава нашей маленькой охотничьей экспедиции Ненов. Он вел под уздцы крепкого длинноухого мула.

Утренний ветерок раздувал длинную седую бороду Ненова. Он шел твердой, уверенной походкой, и от его коренастой сутуловатой фигуры веяло силой и ловкостью. Ненов хорошо знал эти места, был прекрасным стрелком и следопытом, и я любил с ним охотиться, доверяя его знаниям и опыту, приобретенным за долгие годы жизни в этой стране.

Болгарин по национальности, Ненов сорок лет назад покинул свою родину после кровавого столкновения со сборщиками податей. Судьба забросила его в Эфиопию. Здесь он плотничал, работал десятником на строительстве дороги, пахал землю, которую арендовал у помещиков за половину урожая, служил чиновником у эфиопского правительства и снова брался за соху. Пытался он и торговать, но потерял все, что ему удалось скопить за несколько лет экономной жизни. Компаньон, которому он безгранично доверял, сбыл ему партию гнилого товара, и Ненов разорился. Он не умел обманывать.

Ненов был словоохотлив. Больше всего он любил поговорить о войне и политике, высказывая иногда совершенно невероятные предположения. И горе было слушателям, если они попадали к нему в минуту вдохновения: Ненов говорил на любимую тему без конца, не давая своим собеседникам вставить хотя бы слово. Эти приступы красноречия порождались у него уединенной жизнью. Хижина его находилась километрах в пятнадцати от ближайшей деревни, и Ненов неделями не видел людей, с которыми он мог бы поделиться своими теориями.

Женился он на эфиопке, и дети его внешне не отличались от эфиопов: были черны, курчавы и не знали ни слова по-болгарски, что сильно огорчало отца.

Другим моим спутником был эфиоп, по имени Нульсагет — высокий худой старик с коричневой кожей, черными густыми вьющимися волосами, короткими руками, коротким туловищем и длинными ногами — признаки, столь характерные для эфиопа. Эти два человека знали друг друга давно. Лет пятнадцать назад Ненов спас Нульсагета от расправы, которой грозил ему хозяин-рабовладелец¹. Хозяин этот, богатый старик, приказал избить Нульсагета палками за «грубость». И Ненов, случайно оказавшийся в деревне, вырвал Нульсагета из рук

¹ Официально рабство в Эфиопии отменено лишь в 1942 году.

палачей, угрожая им ружьем. Но закон был на стороне работодателя, и Ненову пришлось заплатить хозяину стоимость Нульсагета.

С тех пор Нульсагет повсюду следовал за своим спасителем, чтобы снова не попасть в рабство.

На Нульсагете был национальный костюм: белые брюки, напоминавшие галифе, охватывавшие икры до щиколоток, и белая рубаха навыпуск, с большими разрезами по бокам. Через плечо была перекинута легкая белая ткань. Густая шевелюра вполне заменяла ему шляпу. Нульсагет, несмотря на то что был босой, шел, не обращая внимания на дорогу, — кожа на его ступнях орубела за долгие годы.

Часа через два мы спустились к негритянской деревне, прижавшейся к лесу. Группа черных голых детей встретила нас свистом и криками: «Инглиз, инглиз!» («Англичанин, англичанин!») Ребята показывали нам язык и строили рожи. Злые, тощие собаки бросались на нас со злобным лаем. Мужчины и женщины с любопытством выглядывали из своих хижин.

На другом конце деревни мы встретили двух всадников. Один из них оказался представителем американской торговой фирмы «Истерн-эфрикен трейд компани». Билль Тейлор — так звали американца — сообщил нам, что приезжал со своим слугой на расположенную недалеко от этой деревни плантацию для покупки кофе. Узнав, что мы собираемся охотиться, он немедленно выразил желание присоединиться к нам.

Это был высокий толстый человек лет сорока пяти. Американец непрерывно шутил и хохотал. Энергия была из него, словно пар из кипящего чайника.

Через две минуты он уже считал нас своими старыми знакомыми и обращался с нами довольно бесцеремонно.

— Вы видели когда-нибудь кольцевую охоту? — спросил он и больно хлопнул меня по спине, чем выразил, очевидно, особое ко мне расположение.

— Нет, не видел, — ответил я, отстраняя его руку.

— Ну, тогда нужно сейчас же такую охоту устроить. Это сбойдется нам шиллингов по тридцать.

Получив наше согласие, он воодушевился и, не теряя времени, послал своего слугу Сомани, робкого негра лет двадцати

пяти, отыскивать вождя племени. Минут через десять Сомани вернулся в сопровождении высокого мускулистого негра в старых английских военных трусах. За ним на почтительном расстоянии шло четверо слуг, которые своим присутствием должны были подчеркивать важность персоны вождя. На слугах были тряпки, доставшиеся им, очевидно, от их дедов, до того они были грязные и рваные.

— Данасталлин! — приветствовал Ненов негра по-амхарски.

— Данасталлин! — ответил вождь, которого звали Такли, и разговор оборвался, так как познания вождя в официальном языке страны исчерпывались словом, означавшим «здравствуй».

— Говоришь по-английски? — спросил его Тейлор, не вынимая изо рта трубки.

Негр отрицательно затряс головой. На лице американца появилась презрительная гримаса. Он нахмурил густые выгоревшие брови и отошел, проворчав:

— Экая дубина!

Ненов обращался к вождю и на языке племени галла, и по-арабски, и по-французски, но Такли каждый раз только отрицательно качал головой. Наконец вождь, улыбаясь, спросил, говорит ли кто-нибудь из нас по-итальянски.

— Я говорю немного, — ответил Ненов.

Таким образом, общий язык был найден, и переговоры начались.

— Такли может дать сто загонщиков, — сообщил Ненов. — Каждому из них нужно заплатить по одному амолье¹. Можно и по шиллингу, но обязательно в талерах². Восточноафриканские шиллинги и бумажные деньги они не принимают: боятся, что их обманут. Кроме того, вождь лично себе требует десять талеров.

— Предложите им половину цены — и загонщикам и этому вождю, — сказал Тейлор. — Я знаю, что они действительно не берут ничего, кроме талеров. Чорт побери! — воскликнул он сердито. — Из-за этих черномазых мне пришлось тащить на себе целый мешок денег — килограммов пятьдесят.

¹ Амолье — соляной брусок около двадцати пяти сантиметров длиной, заменяющий деньги в некоторых частях Эфиопии.

² Талер Марии-Терезии — старая австрийская серебряная монета, равная трем шиллингам; имеет хождение в отдаленных от центра частях Эфиопии.

— Мне, право, совестно предлагать им меньше шиллинга. — Ненов смущенно взглянул на американца. — Ведь им придется пробежать километров по тридцать.

Я поддержал Ненова. Тейлор был недоволен нами.

— Хорошо, согласен, — проворчал он, — хотя я и не привык бросать деньги на ветер. Все равно черномазые купят себе на них какую-нибудь дрянь.

Пока шли приготовления, я отправился побродить по деревне. Низенькие хижинки, крытые камышом, спускавшимся почти до самой земли, походили на стоги прошлогоднего сена. На вытопанной, лишенной растительности улице в кругу оживленных мальчишек отчаянно дрались два маленьких белых петуха. Они рвали друг у друга перья с необыкновенной яростью и с шумом били друг друга крыльями. У одного из них по белым перьям шеи текла кровь. Облако пыли поднималось над пернатыми бойцами. Вдруг петухи прекратили драку и, пригнув к земле головы, уставились на подошедшего к ним вплотную голого негртенка. Затем они, словно по команде, к великой радости остальных мальчишек, бросились на мальчика, и тот с криком помчался меж хижин. Пробежав метров десять, один из петухов, взлетев, вцепился в курчавую голову мальчугана. Негритенок с воплем сбросил его на землю и вбежал в дом. Петух важно прошелся около хижины, как бы вызывая убежавшего противника вступить с ним в бой. Он похлопал крыльями и, звонко пропев: «Ку-ка-ре-ку!», побежал по пыльной дороге навстречу другому петуху.

Я зашел в одну из хижин, чтобы посмотреть, как живут крестьяне. На большом плоском камне горел огонь и что-то готовилось. Острый запах перца бил в нос. Было трудно дышать. Дым заполнял всю верхнюю часть помещения и темной, густой струей выходил в дверь. Окон не было, и после яркого дневного света здесь было почти темно. Все же сквозь чад и дым были видны хозяева, спокойно сидящие на земле. Задыхаясь от дыма, но стараясь выдержать приличие и не бежать, я ошупью добрался до выхода.

Приветливо улыбаясь, вышел хозяин хижины. За ним вползло существо, в котором с трудом можно было признать человека. Там, где когда-то был нос, у него зияло черное отвер-

стие. Век не было, и вокруг глаз краснело мясо. Лицо его имело сходство с львиной мордой — характерный признак прокаженного. Увидев иностранца, он оживился и протянул ко мне руки за подаванием. Человек этот был обречен на медленное гниение. Он сеял вокруг себя заразу, но никто не обращал на него внимания: ближайший врач находился километров за двести от деревни, а местное начальство ограничивалось тем, что запрещало прокаженному приближаться к своим домам.

Мы тронулись в путь вслед за загонщиками, когда солнце находилось еще невысоко. Такли взялся провести нас по кратчайшему пути. наших мулов повели в обход, так как лес в это время был непроходим для них — было начало октября, только что окончился четырехмесячный период дождей. Море молодой зелени бушевало и радостно тянулось к горячему солнцу. Сплошные заросли тонких лиан, покрытых нежной зеленой листвой и яркими цветами, поднимались до самых вершин могучих деревьев. Засохшие лианы, словно черные, просмоленные канаты, обвивали гигантские тамаринды с раскидистыми ветвями и густой листвой, смоковницы, увешанные сладкими, мягкими, как вата, плодами, стройные стволы высоких эвкалиптов. На большой высоте, где было много света и солнца, все переплеталось, и глаз напрасно пытался распознать, какому растению принадлежат эти ветви, цветы и плоды. В зеленоватом сумраке подлеска тесно росли древовидные папоротники, гигантские мхи, кудрявые акации, колючий шиповник и безлистые канделяберные молочаи, похожие на руки огромного чудовища с устремленными вверх зелеными мясистыми бородавчатыми пальцами. Многоцветные стаи птиц и мотыльков порхали в яркой, пронизанной солнечными лучами зелени.

Несколько часов продирались мы через лес. Колючие кустарники, точно сказочные стражи, хватали за одежду, царапали руки и ноги. Ползучие растения и бурые воздушные корни мангровых деревьев, похожие на остов перевернутой корзины, преграждали дорогу. Стаи длиннохвостых макак при нашем появлении с криками возмущения взлетали на вершины деревьев и, о чем-то судача на своем обезьяньем языке, с любопытством рассматривали двуногих существ, вторгшихся в их владения.

Часа через три мы достигли невысокой обрывистой камен-

пой гряды, в центре которой находился проход метров в сто шириной. В этих естественных воротах росли высокие эвкалипты, смоковницы и огромные развесистые баобабы. Густого подлеска, обычно мешающего охотникам стрелять, здесь не было. Мы выбрали место для засады с одной стороны каменного прохода, чтобы случайно не подстрелить друг друга.

Тейлору понравился выступ скалы у самого леса, откуда должны были появиться звери, преследуемые загонщиками. Американец вскарабкался на камень, сдвинул на затылок пробковый шлем и, заложив руки в карманы коротких брюк — шорт, — из-под которых виднелись красные колени, с довольным видом осматривался вокруг.

Ненов, Нульсагет, Такли и я наметили себе камень метрах в пятидесяти от американца и его слуги. Загонщики должны были пройти километров пятнадцать-двадцать через чащу; поэтому охота могла начаться лишь на следующее утро, и нам предстояло провести ночь в лесу. Мы принялись рубить колючий кустарник и сооружать из него изгородь вокруг нашего лагеря. Два негра привели мулов. Незаметно подкрались сумерки, и вскоре над лесом спустилась ночь.

Запылал костер. Красные огненные языки весело заплясали под небольшим котлом. Мы уселись вокруг потрескивавшего пламени, то и дело выкидывавшего снопы золотых искр.

Огромные деревья, отбрасывавшие чернильно-черные тени, плотной толпой обступили наш лагерь. Сквозь густую листву едва проникал голубоватый свет луны. Ночная сырость вызвала озноб, и мы невольно пододвигались к яркому огню. Ветер доносил пряный запах цветов. Африканские козодои затянули свою ночную песню, некоторые из них бесшумно летали над нами. Расположившиеся недалеко от нас павианы беспокойно возились и переругивались. Мулы мерно жевали траву.

Я разулся: страшно чесалась ступня. Около мизинца я обнаружил маленькую черную точку — маялиса. Так называют особый вид африканских клещей. Забираясь под кожу человека, клещ откладывает там в особом мешочке свои яички. Мешочек со временем растет, вызывая боль и сильный зуд. С помощью булавки я вытащил белый шарик и, бросив его в огонь, протер ранку спиртом. Из-за маялисов в Эфиопии не выживает почти

ни одна привезенная из Европы собака: насекомые проникают в нос и уши животного, и оно обычно погибает.

Вскоре ужин был готов.

Два негра, приведшие наших мулов, разместились у забора, в некотором отдалении от костра, и пили горячий кофе. Нульсагет и Сомани сидели у костра рядом, между Неновым и Тейлором, который сердито на них поглядывал. Сомани, чувствовавший себя скверно под недовольными взглядами своего хозяина, несколько раз пытался уйти от костра, но Нульсагет удерживал его, не обращая внимания на плохо скрываемое негодование Тейлора. Сердитое лицо американца в красном свете костра казалось зловещим, не обещавшим ничего хорошего. Вдруг он резко отставил кружку, так что расплескался кофе, и, обращаясь к Нульсагету, раздраженно сказал:

— Ты что же это — не знаешь, что ли, своего места? Сам расселся с белыми и того посадил!

Сомани поспешно встал и отошел к неграм, сидевшим у забора. Нульсагет же нахмурился и не двинулся с места. Он, видимо, уже отвык от такого обращения. Американец повернулся к Ненову, ища у него поддержки, но тот, сердито взглянув на американца, сказал:

— Я не одобряю вашего поступка.

— Вы здесь не хозяин, а гость, — проговорил я. Этот развязный человек вызывал у меня возмущение. — Было бы лучше, если бы вы вели себя прилично!

— Ну, в таком случае придется удалиться мне! — воскликнул американец таким тоном, словно после его ухода должно было последовать по меньшей мере землетрясение, и, вскочив, направился к своей постели, бормоча проклятия.

Он пнул ногой мула, мирно жевавшего траву, и повалился на свою постель.

Мы с Неновым переглянулись, и каждый из нас улыбнулся своим мыслям. Но этот инцидент испортил нам настроение, разговор прекратился, и мы тоже решили лечь спать.

Где-то далеко, в той стороне, где начиналась бескрайная саванна, раздался промоподобный рев льва. Словно волна ужаса прокатилась по лесу. Мулы забились и задрожали. Они бессмысленно толкали друг друга, громко, со свистом дышали

и рвались на привязи. Легкий забор трещал под их напором. Отвратительный хохот гиены, раздававшийся невдалеке, оборвался на полуноте. Львиный рев постепенно усиливался. От урагана яростных звуков, все быстрее и быстрее следовавших один за другим и становившихся все громче и громче, казалось, дрожали деревья. Затем рев стал постепенно стихать и походил уже на ворчанье.

— Далеко. Пожалуй, не придет сюда, — подумал вслух Ненов. — Лев не любит густого леса.

Мы подбросили дров в костер и, проверив винтовки, легли спать. Я долго смотрел в глубокое черное небо, усеянное звездами. Луна незаметно спускалась все ниже и ниже. Темный лес казался таинственным и угрожающим. Невольно промелькнула мысль, что, может быть, сейчас где-то рядом с нами в темноте притаился молчаливый хищник, и я инстинктивно пододвинулся к яркому огню, как сотни тысяч лет назад делали это в минуту опасности наши далекие предки. Наконец я заснул.

Часа через три я проснулся от ужасного шума в лагере. Духераздирающе вопили мулы. Громко кричали люди. И, покрывая все, оглушительно ревели львы. Костер потух, лагерь был погружен во тьму. Я смутно видел кучу светлых и темных борющихся тел и ничего не мог разобрать в этой суматохе. Прижавшись спиной к забору, я держал перед собой винтовку, готовый выстрелить в любой момент. Через несколько секунд я присмотрелся и увидел, как над темным силуэтом мула взвились две светлые фигуры. Мул поднялся на дыбы и вместе с львами рухнул почти рядом со мной. Огромный хищник схватил еще сопротивляющееся животное и прыгнул с ним через забор. Но мул был слишком тяжел для льва — он упал со своей добычей на колючую изгородь и проломил ее. Вслед за ним прыгнул и другой хищник. Судя по размерам, это была львица. Разбойники исчезли вместе со своей жертвой. Мы послали им вдогонку несколько пуль, но безрезультатно.

Вскоре обнаружилось, что похищенный львами мул принадлежал Тейлору, и не было конца стенаньям и проклятиям американца по поводу понесенного убытка. Он проклинал царственных разбойников, распекал Сомани за то, что он будто бы помещал ему выстрелить во львов, и готов был бежать за львами.

То, что львы не тронули людей, не было случайностью: они почти никогда не решаются броситься на людей первыми.

Мы развели костер и осмотрели лагерь. Земля была взрыта копытами мула и залита его кровью. Оставшиеся животные сорвались с привязи и сбились у забора. Наши вещи были разбросаны и затоптаны, часть забора повалена.

Наступил рассвет, серый и хмурый. Усталые и злые после бессонной ночи, мы отыскивали невдалеке от лагеря останки нашего мула — несколько обглоданных костей. Гиены и шакалы, видимо, уже успели побывать здесь.

Вскоре выглянуло солнце, и миг все вокруг ожило и засверкало. Исчезли ночные тревоги и страхи, и на смену им пришло радостное возбуждение от предстоящей охоты.

Позавтракав, мы отправились к месту засады. Загонщики расположились по кругу диаметром километров в двадцать. Мы находились на внешней границе этого круга. Все живое, находящееся в этом круге, должно было пробежать мимо нас, сквозь естественные каменные ворота.

Около десяти часов утра мы услышали первые крики загонщиков, глухой рокот барабанов, и мимо нас в панике пронеслось стадо собакообразных павианов. Из лесу один за другим выбегали мелкие хищники. Рыжие, в черных пятнах виверы мчались, пригибая к земле свои острые мордочки. Этих животных, размером с небольшую собаку, содержат иногда в неволе. От них получают цебет — вещество, употребляемое в парфюмерии. Распушив хвост, мимо нас проскользнул на своих коротеньких лапках серый с поперечными полосами мангуст. Никто не стал стрелять в этого неустрашимого истребителя змей. Пробежала стая трусливых шакалов. Мы пропускали их всех, ожидая более ценной дичи. Огромный носорог, о приближении которого мы узнали по треску ломаемых ветвей, стремительно выскочил из лесу и, громко и раздраженно сопя, словно паровоз на подъеме, промчался мимо нас. Носороги — почти исчезнувшие животные, и охота на них запрещена по всей Африке. Ненов ради шутки выстрелил в короткий толстый рог гиганта. Пуля звонко стукнулась о твердый, как камень, рог и отскочила. Носорог злобно тряхнул угловатой головой и, не останавливаясь, помчался дальше.

Полчаса спустя на опушке показалась группа больших антилоп — куду. Откинув головы, украшенные длинными, скрученными, винтообразными рогами, они кинулись, перегоняя друг друга, к спасительному выходу. Почти одновременно прозвучало три выстрела, и трое кротких животных с красновато-бурой шерстью свалились в зеленую густую траву.

Пронеслась стая шумливых зеленых мартышек со смешными белыми бородами и длинными, словно зачесанными назад бакенбардами, придававшими им достойный и благообразный вид банковских служащих.

На некоторое время все стихло. Затем из-за деревьев осторожно показалась голова старого слона-отшельника с маленькими, умными, злыми глазами и огромными, медленно покачивающимися, растопыренными ушами. У слона был только один бивень; другой, повидимому, он сломал при падении во время спуска с какой-нибудь крутой горы. Слон несколько секунд постоял в нерешительности, затем с удивительной быстротой ринулся к выходу, угрожающе подняв хобот, походивший на огромный гофрированный шланг. Он пробежал мимо нас размашистой рысью и бесшумно исчез в зарослях. Охота на вымирающих слонов, как и на носорогов, категорически запрещена, и человек, застреливший слона, подвергается большому штрафу.

С визгом и хрюканьем из кустов высыпало семейство кабанов. Огромные пожелтевшие кривые клыки украшали их длинные свирепые морды. Они бежали за старым поджарым самцом, сбившись в плотную кучу. Рядом с ними мчался большими прыжками их вечный враг — леопард. Кабаны и хищник держались в одной группе перед лицом более грозного врага, не обращая друг на друга никакого внимания. Тейлор выстрелил в леопарда и промахнулся.

— Что за винтовка! — рассердился он. — Выбросить ее надо!

Гнев Тейлора усилился, когда Ненов, почти не целясь, подстрелил пятнистого хищника. Сделав безнадежную попытку подняться, леопард вытянулся на земле и остался недвижим.

Время летело незаметно. Солнце уже склонялось к закату, но жара не спадала. Скала, на которой мы лежали, походила на горячую сковороду, и нам приходилось то и дело перевертываться с боку на бок, так как раскаленный камень даже сквозь

одежду жег тело. По мере того как приближались загонщики, из лесу появлялись всё новые и новые животные. Некоторые из них, обезумев от страха, метались вдоль каменистой гряды, пытаясь вскарабкаться на нее, но это удавалось лишь цепким обезьянам. Не найдя выхода, звери устремлялись мимо нас, и мы обычно пропускали их. Стреляли мы редко, лишь в животных, шкуры которых представляли ценность.

Крики загонщиков и трескотня барабанов раздавались уже совсем рядом, когда из лесу выбежал красивый хищник с черной блестящей шерстью и изящными, вкрадчивыми движениями. Это была черная пантера. Зверь злобно смотрел в нашу сторону круглыми зеленоватыми глазами. Он пригнулся к земле, стараясь укрыться в высокой траве, и было видно, как ходили его лопатки под мягкой, бархатистой шкурой. Американец выстрелил. Зверь подскочил и упал, словно подкошенный. Черная пантера — редкий и опасный зверь, и шкура ее очень высоко ценится среди охотников. Опасаясь, чтобы при дележе кто-либо не предъявил претензий на его добычу, Тейлор приказал Сомани принести подстреленную им пантеру. Увидев, что негр слез с камня, Ненов предостерегающе закричал:

— Сомани, вернись! Не подходи к пантере!

Сомани нерешительно остановился, но Тейлор прикрикнул:

— Иди, иди! Что уши развесил!

Но негр колебался.

— Ну и трус же ты! Пойдем! — Тейлор соскочил с камня, и они вместе направились к тому месту, где лежал хищник.

Подбежав к пантере первым, негр нагнулся, чтобы поднять ее. В то же мгновение в воздухе мелькнуло упругое черное тело зверя с красной, широко открытой пастью, и человек и хищник покатались по земле. Несколько секунд они боролись, затем из травы поднялась голова зверя с круглыми глазами, и победный рев огласил воздух.

Потрясенный этой сценой, Тейлор, бросив свое ружье, помчался по высокой траве в нашу сторону, перепрыгивая через камни и отчаянно крича.

Заметив беглеца, разъяренный зверь с ревом устремился за ним и настиг его в несколько прыжков. В то же мгновение Ненов вскинул винтовку и выстрелил. Хищник вздрогнул на лету

и упал, сбив американца с ног. Ни человек, ни зверь не проявляли никаких признаков жизни. Обождав несколько секунд, мы спустились на землю и, держа ружья наготове, осторожно подошли к пантере. Зверь был мертв. Услышав рядом с собой голоса, Тейлор осторожно приоткрыл один глаз и сел.

У него был растерянный и виноватый вид. Он попытался улыбнуться, но улыбка получилась неестественная.

Оставив его, мы побежали к Сомани. Негр лежал на спине неподвижно. На груди его зияли кровавые раны, щека была ободрана, на плече — следы могучих клыков. Ненов быстро осмотрел Сомани и облегченно сообщил:

— Жив...

Такли исчез в кустах и через несколько минут вернулся с пучком целебных трав. Мы перевязали пострадавшего, и вскоре он тяжело вздохнул и открыл глаза.

— Ты что же это так, с пантерой не мог справиться? — попытался пошутить Ненов.

Но негр грустно взглянул на него и отвернулся.

Мы осторожно перенесли его к скале.

— Посмотрите-ка на этого молодца. — Ненов тронул меня локтем и кивнул головой в сторону Тейлора.

Я посмотрел на американца. Забыв о своих страхах, красный от напряжения, он тащил тяжелую пантеру к своему камню.

Ненов покачал головой и что-то зло проворчал про себя.

Охота кончилась. Час спустя, заплатив загонщикам, мы расстались с американцем и его слугой, которого негры на носилках понесли в деревню.

Наша маленькая группа направилась в противоположную сторону. Мы спешили до темноты выйти из леса.

БИТВА НА ОЗЕРЕ

1

После долгих, утомительных поисков в первобытном, почти непроходимом лесу мы наткнулись наконец на звериную тропу, по которой животные ходили к озеру на водопой. Тропы, собственно, никакой не было. Были лишь едва заметные следы, видимые только опытному глазу. Несмотря на то что Ненов показывал мне их, я долго не видел перед собой ничего, кроме густой, буйной зелени. Присмотревшись, я заметил сбитые желтые плоды мыльного дерева — эндот, из надломленной ветки которого сочился прозрачный сок, помятую траву и колеблемый легким ветром клочок серой шерсти, оставленный каким-то животным на острой черной колючке мимозы.

Мы долго шли по невидимой дорожке. Следы то исчезали, то вновь появлялись. Тропа огибала островки растущего сплошной стеной бамбука, проникнуть в которые можно было только с помощью топора. Она извивалась между кустами и банановыми пальмами с опромными яркозелеными листьями, проходила сквозь заросли ядовитого колкуала, мягкие зеленые ветви которого соприкасались так плотно, что растения эти были похожи на огромные кочаны цветной капусты, насаженные на колючий зеленый ствол.

Кофейные деревья с цветами, похожими на жасмин, роняли на тропу свои белые лепестки. На других деревьях среди темно-зеленых листьев уже гнездились маленькими группками красные плоды кофе. Почти весь год непрерывно цветут и плодоносят эти деревья.

Я сорвал один плод, походивший на крупную продолговатую черешню, и разломил его. В середине, в мягкой оболочке, расположились рядышком два желтоватых кофейных боба.

Было уже позднее утро. Солнце поднялось высоко, но здесь, под густым покровом зелени, царил полумрак. Еще чувствовалась сырость после только что закончившегося периода дождей. Мы шли по траве, местами поднимавшейся выше человеческого роста и затруднявшей движение. По мере того как мы приближались к озеру, растительность становилась все гуще и зеленее.

Неожиданно рядом со мной упал небольшой плод, брошенный чьей-то рукой. Я быстро взглянул вверх и увидел большую группу обезьян, расположившихся на ветвях дикой смоквы. Обезьяны имели очень достойный, несколько чопорный вид. Они уже заметили нас и с любопытством смотрели в нашу сторону, не переставая жевать.

Это были гурезы — «обезьяны-монахи». Эфиопы клянутся, что гурезы постятся по средам и пятницам и что они — одичавшие люди. Гурезы никогда не трогают посевов, и местное население не охотится на них.

— Посмотрите скорее сюда! — воскликнул вдруг Ненов. Он указал на огромную сикомору с густым куполом листьев. — Смотрите правее.

Меж нижних ветвей медленно скользила вниз черная живая лента, испещренная светложелтыми иероглифами, что делало ее почти незаметной на фоне светлых солнечных пятен. Огромный питон был не менее четырех метров в длину и толщиной в руку.

Я взялся было за винтовку, но питон спустился по ветви вниз и исчез в высокой траве.

Наконец сквозь заросли впереди засверкала вода, и через несколько минут мы вышли на берег озера. Ослепительный солнечный свет ударил в глаза. После мягкого полумрака леса в первую минуту было больно смотреть на сверкающую водную

поверхность, и мы невольно щурились и закрывали глаза ладонью. На другом берегу темнел лес.

Блестящая гладь озера вытянулась влево и вправо на много километров. Около берега на мелких местах росли густые темнокоричневые водоросли. От легких волн они слегка шевелились; словно живые. Между ними сновали быстрые водяные жучки, оставляя за собой расходящиеся следы. Белые лилии величиной с человеческую голову качались около огромных круглых ярко-зеленых листьев. Внутри распустившихся белых лепестков лилий виднелись желтые пестики, по которым суетливо ползали разноцветные мухи.

Большая стая диких уток медленно плыла вдоль берега. Утки ныряли и резвились, ничуть не обеспокоенные нашим появлением. Они совсем не боялись человека. У эфиопов почти нет ружей, да и патрон стоит в два раза дороже утки. У нас в лагере было свежее мясо, и мы не стали стрелять птиц. Нас интересовали крупные звери.

Мы решили устроить здесь засаду и выбрали для этого большой камень, стоявший наполовину в воде под сенью огромного баобаба, недалеко от тропинки, по которой животные проходили на водопой. На одной трети своей высоты баобаб разделялся на несколько огромных ветвей, имевших форму круто изогнутых рогов. Среди лапчатых листьев висели веретенообразные плоды — «обезьяний хлеб». Баобаб — великан растительного мира — имел в окружности метров двадцать — двадцать пять. В стволе его было огромное дупло, в котором вполне могло бы поместиться человек десять-пятнадцать. Влево от баобаба начиналась плотная стена камыша высотой метра в четыре. Между высокими стеблями не смогло бы проникнуть ни одно животное, за исключением, может быть, мыши.

Неожиданно на берегу, слева от нас, там, где кончались заросли камыша и начинались кусты, раздался выстрел. Звук гулко прокатился над поверхностью озера, и многократное эхо отразилось от высоких холмов, стоящих за лесом. Вслед за первым прозвучал и второй выстрел, а затем сухо затрещала автоматная очередь. Кто-то из кустов стрелял по уткам. Заросли скрывали от нас стрелявших. Очередь следовала за очередью. Утки не улетали и продолжали плавать, лишь с беспокойством

посматривая вокруг, хотя огонь косил их нещадно. Подбитые выстрелами утки в агонии кружились по воде, поднимая мириады брызг. Огонь, уничтоживший одну стаю, перебросился на другую, плававшую неподалеку. Озеро быстро покрылось подстреленными птицами.

— Что за дурак там стреляет? — воскликнул сердито Ненов. — И зачем ему такая уйма уток? Как он унесет их отсюда?

Он поднял винтовку и выстрелил, чтобы обратить на себя внимание. Стрельба прекратилась. Из кустов высунулась голова в пробковом шлеме, и человек прокричал по-английски:

— Хэлло, кто стреляет?

Судя по произношению, это был американец.

— Что за дурацкая забава! — крикнул в ответ Ненов. — Зачем вы уничтожаете уток?

— А вы что здесь, хозяин, что ли?

Голова исчезла, и вслед за этим раздалась новая очередь из автомата, заставившая забиться на воде еще нескольких уток.

Мы обогнули заросли тростника, чтобы посмотреть на странных охотников. Подойдя ближе, мы услышали разговор и увидели двух человек в военной американской форме, но без погон. Один из них был вооружен винтовкой, другой — автоматическим пистолетом. Мы сухо приветствовали их.

— Как это вы вдвоем забрели в такую глушь? — спросил Ненов удивленно. — Судя по вашему снаряжению, — не в обиду будь сказано, — вы мало ходите на настоящих охотников. — Ненов с улыбкой показал на автомат, висевший на груди у американца, с которым у него только что была перебранка.

— Вы правы, — ответил другой американец, высокий брюнет. — Мы действительно не охотники. Милях в пяти отсюда находится лагерь нашей изыскательской партии. Мы ищем здесь нефть. — Он закурил трубку и с видимым удовольствием затянулся. — Клянусь потрохами моей тетки, — продолжал он, — что половина из нас не вернется домой! Лихорадка треплет почти всех людей нашей экспедиции. Лагерь превратился в больницу. Со скуки решили немного поохотиться.

— Но зачем же такое варварское уничтожение дичи? Ведь

вы можете захватить с собой не больше десяти уток, а подстрелили больше сотни, — сказал я.

— А что, разве есть закон, запрещающий стрелять уток? — запальчиво спросил человек с автоматом. — Я не люблю, когда посторонние суют свой нос в мои дела. Я никому не позволю этого делать!

Он покраснел от негодования. Этот низенький толстый человек с красным, обожженным солнцем лицом и светлыми короткими усами держался необычайно самоуверенно.

— Хорошо, такого закона нет, но у каждого человека должна быть совесть, — возразил Ненов.

— А вы кто такой? Почему вы думаете, что у вас на дичь больше прав, чем у меня? Впрочем, если это нужно, я готов оплатить причиненные мною убытки по первому требованию властей, если они, конечно, захотят вмешаться в это дело, в чем я, однако, очень сомневаюсь. — Толстый американец самодовольно усмехнулся и пренебрежительно взглянул на Ненова. — Если потребуется, я куплю всех зверей во всей этой преисподней. Кстати, я не советую вам заботиться о том, что вам не принадлежит! — И он весело засмеялся своей остроте.

— Я полагаю, мистер Бамбл, — робко начал высокий американец, с опасением поглядывая на расхрипевшего толстяка, — что мистер... э-э... э... не знаю вашего имени, — обратился он к Ненову и, получив ответ, продолжал: — ...что мистер Ненов не хотел запрещать вам охотиться, но только хотел сказать, что ему жалко птиц.

— Не суйте свой нос, Гамфилд! Это не ваше дело. Никто мне не запретит проверять свой пистолет и стрелять где угодно и куда угодно. Я не потерплю, чтобы каждый встречный читал мне мораль!

— Да, вам трудно что-либо объяснить, — проговорил я, едва сдерживаясь.

— Пойдемте, что с ним говорить! — сказал Ненов, обращаясь ко мне. — Все равно этому дикарю ничего не докажешь. — И он быстро зашагал от озера.

Я последовал за ним.

Минут через пять снова прогремела автоматная очередь. Ненов со злости плюнул, но промолчал.

Вечером мы вновь отправились к месту нашей засады, поручив Нульсагету охранять лагерь. Чтобы не оставлять на тропе свежих следов, которые могли бы отпугнуть чутких животных, мы прошли по другому пути и вышли к озеру как раз в том месте, где утром встретили американцев. Убитые утки неподвижными пушистыми комочками плавали по воде.

Солнце уже зашло, и над озером поднималась легкая, прозрачная дымка испарений. Для того чтобы добраться до нашего камня, не оставляя следов на тропинке, мы решили пройти мимо тростника по воде. Прежде чем войти в воду, Ненов сказал мне предостерегающе:

— Смотрите внимательно: здесь есть крокодилы. Держите винтовку наготове.

Мы разделись и вошли в теплую воду, держа в одной руке винтовку, а в другой — белье. Шли мы медленно, осторожно погружая ноги в теплый ил, и вода вокруг нас становилась мутной и грязной. Под ногами все время шевелились какие-то мелкие жучки, и я инстинктивно отдергивал ноги, как только ощущал под ступней что-либо живое. Наконец мы благополучно добрались до камня. Было уже почти темно. Одевшись и приняв изрядную порцию горького хинина — в этих местах свирепствует желтая лихорадка, — мы приготовили ружья, улеглись на еще теплый камень и стали ждать.

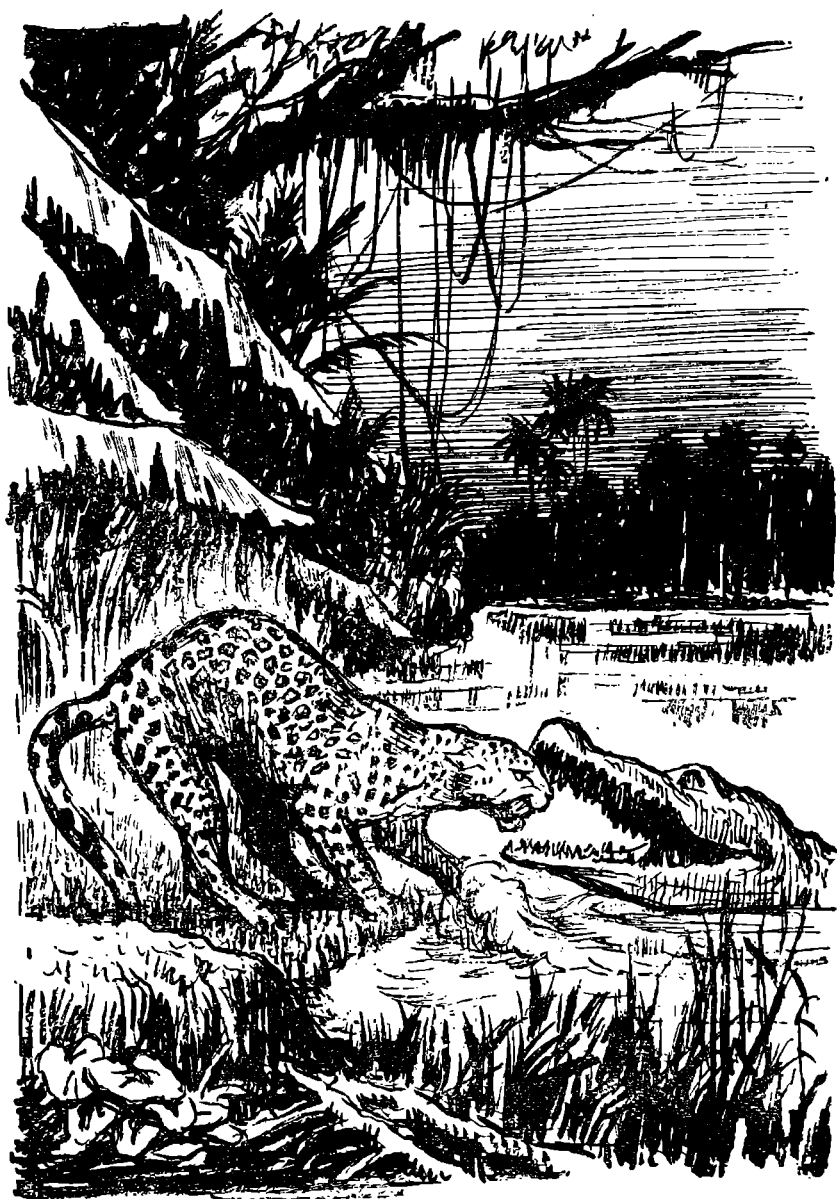
Полчаса спустя над другим берегом озера поднялся багряный, будто распаренный, диск луны, и восток озарился красным светом. По мере того как луна поднималась над горизонтом, она становилась меньше, но ярче, и цвет ее из кроваво-красного постепенно превращался в бледно-голубой. При лунном свете лес казался черным, таинственным и враждебным. Тень, отбрасываемая баобабом, черным покровом ложилась на наш камень. Над озером поднимался легкий туман. Темные кусты склонились к воде, точно прислушиваясь к шопоту слабых, словно засыпающих, волн. Примостившись на черном, полусгнившем стволе, наполовину лежавшем в воде, раздув белую шею, громко заквакала большая лягушка. Я вздрогнул от неожиданности.

Прошло два томительных часа. И вот бесшумно, как тень, на тропинке появилась маленькая грациозная антилопа дикдик. Острые, скрученные винтом рога украшали ее головку. Несколько секунд антилопа нерешительно стояла, прислушиваясь и втягивая черным влажным носом воздух. Ветер дул в нашу сторону, и она не могла узнать о нашем присутствии, несмотря на то что мы были в нескольких метрах от нее. Большие глаза антилопы, похожие на две спелые сливы, вспыхивали фиолетовым светом, когда она поворачивала голову. Круглые уши шевелились, ловя шумы ночного леса. Она сделала несколько осторожных шагов и приблизилась к озеру. За ней появилось несколько других антилоп и без единого звука жадно припало к воде. Пугливые животные избегают лесов, и только жажда заставляет их покидать степные просторы, где быстрые ноги и зоркие глаза служат им защитой от опасностей.

Неожиданно антилопы резко подняли от воды головы. Несколько мгновений они прислушивались. С их мокрых мордочек падали крупные капли воды. Взор вожака пытался, казалось, проникнуть сквозь плотную зеленую стену. Его тонкие ноздри трепетали, читая по запахам таинственную книгу леса. Вдруг он фыркнул и, стремительно рванувшись вперед, одним прыжком исчез в чаще. Остальные животные на мгновение столпились у входа на тропинку, а затем умчались, как стая теней. Спустя несколько секунд тонкий, пронзительный крик антилопы огласил ночную тишину. За ним раздалось глухое рычанье леопарда: коварный хищник настиг свою жертву. Ненов взглянул на меня и поудобнее положил перед собой винтовку.

Яркая, чуть дрожащая полоса света пролегла через уснувшее озеро. Изредка звонко шлепались в воду лягушки, и лунный свет весело переливался в медленно расходящихся кругах. Пахло тиной и водорослями. От озера потянуло холодом, и мы невольно прижимались к еще теплomu от днезного жара камню. Противоположный берег казался далеким и мертвым. У берега плеснулось что-то огромное, и снова наступила тишина.

Ненов осторожно толкнул меня и кивнул головой на тропинку: у самой воды, устремив тяжелый взгляд на озеро, стоял

огромный леопард. Это был красивый зверь с желтой шкурой, покрытой черными пятнами. Свернутый полукольцом длинный хвост его с черной кисточкой на конце почти касался земли. Хищник зевнул, обнажив большие клыки, и стал пить, осторожно, словно кошка, лакая языком воду. Он сильно вытянул шею, стараясь не касаться лапами воды. Лопатки его поднялись вверх под пятнистой шкурой.

Мы были совсем близко от него. Ненов осторожно, не производя ни малейшего шума, поднял винтовку и тщательно прицелился. Боясь зашуметь и вспугнуть леопарда, я не шевелился. Но Ненов не успел выстрелить: перед самой мордой зверя вода вдруг вспенилась, и из нее вынырнула огромная зубастая пасть. Миг — и голова пятнистого хищника оказалась в страшных челюстях громадного крокодила.

С диким воем леопард отпрянул назад. Темное тело крокодила, покрытое роговым панцирем, показалось из воды. Оно было не менее десяти метров в длину. С узкой серо-зеленой головы, покрытой крупной чешуей, свисали водоросли и стекала вода. Длинные белые зубы вонзились в голову и шею лесного зверя. Из сдавленного горла леопарда несся яростный, хриплый рев. Он отчаянно вырывался из страшных тисков, свирепо рвал когтями покрытую костяными наростами морду чудовища и тянул его на сушу. Но все усилия леопарда освободиться были напрасны. Едва обезумевший зверь перестал упираться передними лапами о землю, как крокодил потащил его в озеро, пеня воду могучим хвостом. Вид огромного чудовища с выпученными остекленевшими глазами, в пасти которого, словно орех, была зажата голова леопарда, вызывал ужас и отвращение. Я следил за битвой, затаив дыхание, не в силах оторваться от страшной картины.

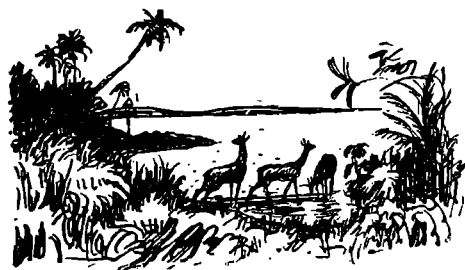
Обезумев от страха, леопард сделал отчаянный прыжок, наполовину вытащив из воды своего врага. На миг показалось белое брюхо крокодила, его перепончатые лапы, затем оба хищника упали на глубокое место и исчезли под водой...

Спустя несколько секунд мокрая голова леопарда с прижатыми ушами опять появилась над водой; он яростно шипел, жадно хватая воздух: повидимому, конвульсивным движением ему удалось вырвать голову из страшной пасти. Казалось,

спасение его близко, но вдруг он громко зарычал, резко повернулся назад, свирепо оскалил зубы, как бы желая схватить невидимого врага, и... исчез под водой. В воздух взметнулся огромный, узкий, покрытый роговыми наростами хвост крокодила, фонтаном взлетели вверх брызги воды, и все стихло. Только едва заметные круги, медленно расходящиеся по гладкой поверхности озера, говорили о происшедшей лесной трагедии...

Луна попрежнему невозмутимо светила из бездонной глубины неба, и черный молчаливый лес неподвижно стоял над водой.

В эту ночь наша охота была неудачной, но я не огорчился: такую сокровенную картину жизни леса удается видеть только раз в жизни, да и то немногим охотникам.

ХАБИБ ВСТУПАЕТ В БОРЬБУ¹

— Не забудь, Хабиб, ровно десять лет назад умер твой отец. Пророк велит чтить своих родителей. Надо сходить в город мертвых². Обязательно заработай хоть немного денег. И не ходи, как вчера, на демонстрацию. Ведь в доме нет ни куска хлеба, ни горсти бобов.

Хабиб хмуро выслушал напутственные слова жены. Он стоял, высокий, слегка сгорбившийся, машинально пощипывая свои густые черные брови, сросшиеся на самой переносице. Рядом с ним жена его казалась совсем маленькой. Хабиб ласково погладил по черным головкам двух маленьких дочерей, выглядывавших из-за цыновки, заменявшей дверь, тяжело вздохнул и, не сказав ни слова, стал спускаться по полустертой глиняной лестнице.

Хабиб решил твердо — денег нужно достать во что бы то ни стало. Девочки не ели со вчерашнего дня и не плачут лишь потому, что боятся матери.

¹ В основу этого рассказа положены подлинные события, происшедшие в Каире 21 февраля 1946 года. В этот день произошло кровавое столкновение между египтянами и английскими войсками. Несколько десятков египтян было убито и несколько сот ранено.

² Город мертвых — кладбище в Каире. В «городе» имеются улицы и дома без крыш. Богатые египтяне хоронят своих близких в комнатах домов, и дома представляют собой нечто вроде семейных склепов.

Большой город Каир, но работу в нем найти почти невозможно. С тех пор как закрылась текстильная фабрика, где в течение восьми лет он стоял у ватера — длинной сложной машины, вырабатывающей пряжу, Хабиб не работал ни одного дня. Англичане, чувствовавшие себя полновластными хозяевами Египта, заполнили своей мануфактурой все магазины Каира. Фабрика, где работал Хабиб, не могла конкурировать с дешевой стандартной продукцией заморских торговцев: ее материалы были дороже и поэтому не находили сбыта. Хозяин предприятия разорился, фабрика закрылась, а рабочие оказались на улице.

Много дней провел Хабиб у ворот предприятий, где всегда толпились в напрасном ожидании безработные. И каждый вечер, возвращаясь домой после бесплодных поисков работы, Хабиб страшился переступить порог своей комнаты. Полный отчаяния взгляд жены и покорные, грустные глаза детей надрывали ему сердце. Все, что можно было продать в доме — табуреты, подушки, одежда, — было продано. В комнате остались лишь голые глиняные стены. Хабиб страдал оттого, что не мог помочь семье, не мог спасти ее от постоянного голода, хотя и знал, что это была не его вина. Он ненавидел англичан, разоряющих его страну. Это они лишили его и тысячи таких, как он, работы, из-за них голодают его дети.

Хабиб пошел по длинной грязной улице, сжатой с двух сторон глинобитными домами в два-три этажа. Улица была так узка, что по ней едва могла проехать ручная тележка. Солнце почти никогда не заглядывало сюда. В домах были прорезаны маленькие прямоугольные отверстия, заменявшие окна. В некоторых окнах были вставлены деревянные щитки с причудливой восточной резьбой. От неглубокой канавки, по которой стекали отбросы, исходил тошнотворный запах, и Хабиб шел быстро, стараясь не дышать. Из верхнего окна выплеснули грязную воду. Хабиб едва успел отскочить в сторону.

Хабиб пошел быстрее и вскоре оказался на небольшой площади. Караван медлительных, важных верблюдов, нагруженных пухлыми тюками хлопка, пересекал трамвайный путь. Большие тюки и шерсть верблюдов были покрыты тонким ело-

ем желтой песчаной пыли, приносимой ветром из Сахары в узкую долину Нила, по которой пришел в Каир караван. Высокий бедуин в длинном белом бурнусе шел впереди животных.

Весна уже коснулась природы своей всеоживляющей рукой. Деревья в небольшом скверике покрылись цветами. Стройные финиковые пальмы с ветвями, похожими на огромные зеленые перья, покачивались от весеннего ветерка. Акации были густо усыпаны шапками яркокрасных цветов. Египтяне не зря называют эти цветы «пылающими огнями»: казалось, деревья были охвачены красным пламенем.

Прикрыв глаза рукой от слепящего солнца, Хабиб посмотрел на цветы, вдохнул полной грудью аромат весны, и ему стало еще грустнее: весна была не для него.

Он дошел до поворота и вскочил на подножку трамвая, шедшего до улицы Фуада Первого. Там скорее всего можно найти какую-нибудь работу.

Хабиб проехал мимо шумной свадебной процессии, разместившейся на семи стареньких пролетках. Невесту с закрытым лицом, одетую в черное платье, везли в дом жениха. Многочисленные родственники жениха и невесты громко пели, играли на струнных инструментах, били в барабаны. Позади шумной вереницы колясок шел верблюд. По бокам его висели деревянные сундуки, оклеенные маленькими картинками и яркими бумажками от конфет. В них было имущество невесты.

Полупустой трамвай, покачиваясь, мчался рядом с автомобилями и извозчиками. Мелкими шажками, опустив длинную голову, шел безразличный ко всему осел. С двух сторон на него были нагружены тяжелые мешки, а сзади, свесив ноги, сидел сонный от жары хозяин. Хабиб стоял на подножке, прислонившись к ручке, чтобы скрыться от взора кондуктора, и его длинная, до пят, белая галабия¹ плескалась по ветру. Горячее солнце высоко поднялось в безоблачном небе. Было жарко. Под большими навесами на тротуарах, за столиками, сидели мужчины, пили кофе, курили кальяны² и не спеша разговаривали.

¹ Г а л а б и я — мужское платье: длинная, до пят, широкая белая рубаха. Такая одежда очень удобна, так как большую часть года в Египте стоит жаркая погода.

² К а л ь я н — большая трубка. Табачный дым в кальяне проходит сквозь воду.

Египтянки, в длинных черных платьях и в черных получадрах, закрывавших нижнюю часть лица, с медными резными украшениями на лбу и вдоль носа, возвращались с рынка, неся сумки с продуктами.

Трамвай поравнялся с коляской, запряженной парой арабских лошадей. В экипаже, рассчитанном на трех человек, восседало около десятка английских солдат. Несмотря на ранний час, они были уже навеселе. Обнявшись и задрав ноги на сиденье, они пели пьяными, нестройными голосами. За кучера сидел молодой солдат. Лихо сдвинув берет на самое ухо, он беспощадно погонял породистых рысаков. Извозчик, маленький, тощий старик в красной феске, сидел на подножке коляски. Он зло поблескивал черными глазами в сторону разгулявшегося английского воинства, однако протестовать не решался, зная, что тотчас же окажется на мостовой. Один из англичан, заметив Хабиба, вдруг оживился, прищурил глаз, прицеливаясь, и запустил в него бананом. Хабиб быстро наклонился, и плод, брошенный пьяной рукой, пролетел мимо.

Неожиданно лошади резко остановились. Они налетели на затормозившую впереди легковую машину. Дышлом выбило заднее стекло. Зазвенели осколки, и послышалась яростная ругань. Солдаты посыпались с пролетки, словно яблоки со встряхнутой ветки. Из машины с руганью выскочили английские матросы и набросились на пьяных солдат. Началась потасовка.

Любопытный вагоновожатый остановил трамвай, проехав из осторожности немного вперед. Из окон высунулись возмущенные лица пассажиров. Хабиб заметил египетских полицейских, спешивших к месту драки с тяжелыми старинными ружьями на плечах. Увидев англичан, полицейские, не останавливаясь, пробежали мимо и скрылись в ближайшем переулке: полицейские боялись столкновений с англичанами.

Солдаты и моряки развернули на улице настоящий кулачный бой, остановив движение. Они отчаянно дрались, не щадя ни своих кулаков, ни физиономий противников. Моряки постепенно стали теснить солдат на тротуар, под навес ресторана. Загремели опрокинутые столы, посыпались на пол статуны. Испуганные посетители бросились в разные стороны.

Матросы и солдаты пустили в ход стулья, кидая их друг в друга. Один из солдат, схватив тарелку с соусом из рубленого мяса с перцем, выплеснул ее содержимое в лицо наседавшему противнику и залепил ему глаза. Кто-то бросил бутылку в огромное стекло витрины, и оно со звоном рассыпалось по тротуару.

У ресторана собрались возбужденные египтяне. Хабиб протиснулся сквозь толпу и очутился у разбитого окна. Маленький лысый человек — хозяин ресторана — со слезами на глазах бежал перед толпой и, воздевая короткие руки к небу, громко кричал:

— Заступитесь, правоверные! Они разобьют всю мою посуду, поломают всю мебель! Правоверные, помогите!

И хотя Хабибу не было жалко толстого хозяина ресторана, он чувствовал сейчас жгучую ненависть к наглым пришельцам, топтавшим подкованными башмаками его страну.

Несколько солдат и матросов, преследуя друг друга, выбежали из-под навеса на мостовую, и это послужило сигналом. Собравшиеся горожане с криками набросились на англичан.

Дрожа от ненависти, Хабиб вцепился в рыжего широкоплечего матроса. Они упали и покатались по камням, осыпая друг друга ударами. В этот момент поблизости прозвучала сирена машины английской военной полиции, и египтяне бросились врассыпную.

Придерживая разорванный в драке рукав, Хабиб побежал по тротуару.

Вскоре он достиг улицы Фуада Первого. Эта широкая, европейского вида улица была совсем не похожа на ту, где жил Хабиб. Здесь разместились главные магазины и дома торговцев, богатых землевладельцев и фабрикантов. По асфальту, шипя шинами, мчались поблескивающие лаком «бьюики» и «кадилляки». Многоэтажные дома с плоскими крышами были украшены рекламами торговых фирм.

Хабиб шел мимо ювелирных, часовых, обувных, галантерейных магазинов, безучастно посматривая на богатые витрины.

Около универсального магазина «Сикурель» толпилось много мужчин. Все они были в длинных, до пят, белых галаби-

ях. Одни из них, собравшись кучками, оживленно разговаривали, другие стояли на краю тротуара и, словно чего-то ожидая, посматривали на людей, пересекавших улицу и выходивших широким потоком из магазинов. Все они зорко следили за покупателями и богатыми прохожими и были готовы броситься по их первому зову, чтобы помочь нести покупки или сбежать за такси.

Хабиб зорко следил за всеми, кому, по его мнению, могли бы потребоваться его услуги. Вот из подъезда вышла полная египтянка в длинном черном платье. Не успела она еще произнести слово «такси», как несколько человек уже мчались через улицу туда, где была стоянка машин. Хабиб был впереди всех. Он первый вскочил на подножку одного из автомобилей, но шофер такси замешкался. Другая машина с ревом ринулась на противоположную сторону улицы. Через несколько секунд счастливый соперник Хабиба уже вносил чемодан египтянки в автомобиль. Но Хабиб не унывал. Он вновь занял свой пост на краю тротуара, и когда из подъезда дома, находящегося рядом с магазином, вышел высокий англичанин с двумя чемоданами, Хабиб в несколько прыжков оказался около него и вцепился в ручки чемоданов. Он боялся, что его оттолкнут. И опасения его были не напрасны. Безработные налетели толпой и со всех сторон держались за чемоданы. Англичанин сердито сказал: «Один кто-нибудь, один!» — и несколько человек отошли.

Когда Хабиб поднял тяжелые чемоданы, за их ручки все еще держались двое самых упорных. Англичанин, не желая платить нескольким носильщикам, раздраженно закричал на них, чтобы они отвязались, и толкнул одного из них в грудь. Египтянин покраснел от гнева, но, увидев рядом полицейского, отошел. Хабиб нахмурился и молча стал укладывать чемоданы на крышу подкатившего такси, привязывая их веревкой к особым перильцам.

— Поедешь со мной, — сказал англичанин.

Хабиб влез в машину и уселся рядом с шофером.

Они направились на другой конец города и доехали почти до самых пирамид. Хабиб взял в квартире англичанина небольшой узел и уложил его на крыше такси. Наконец машина оста-

новилась около трехэтажного особняка, обнесенного высокой железной оградой. Хабиб знал этот дом. Он принадлежал богатому купцу и помещику Таха-бею.

Хабиб снял чемоданы и узел и пошел за англичанином по цветущему саду. Поднявшись по широкой мраморной лестнице, они оказались в большом прохладном зале с огромной позолоченной люстрой у потолка. Несколько дверей выходило в зал. Из одной навстречу гостю вышел хозяин в красной феске и длинном шелковом халате. Таха-бей долго тряс руку англичанину. В открытую дверь было видно, как по мягкому ковру бесшумно двигались слуги. У стены рядом с низкой широкой тахтой на маленьком табурете лежала длинная трубка. В комнате стоял полумрак. Большие окна были закрыты деревянными решетчатыми жалюзи, чтобы горячие полуденные лучи солнца не проникали в помещение и не нагревали его.

Хабиб беспокойно переступил с ноги на ногу и кашлянул, увидев, что хозяин увлекает англичанина в комнату. Англичанин вспомнил о Хабибе и полез в карман. Он дал ему две медные монеты с отверстиями посередине, и Хабиб помрачнел.

— Десять миллимов слишком мало, сэр! — сказал он раздраженно. — Я ездил с вами целый час.

— У меня нет больше мелких денег. — Англичанин стал усиленно рыться в карманах.

— Слуга может сходить и разменять, — настаивал Хабиб. Он вспомнил о своих голодных дочерях и жене и не собирался уступать.

— Ты как ведешь себя в моем доме? — вмешался хозяин. — Бери сколько дали, скажи спасибо и уходи.

— На десять миллимов ничего не купишь, — не сдавался Хабиб.

— Али! — крикнул хозяин слуге. — Проводи его до ворот. Да смотри, чтобы он не стащил чего-нибудь.

И Хабиб вышел, проклиная и англичанина и Таха-бея.

Увидев на дорожке небольшой камень, Хабиб схватил его и, запустив им в большое окно особняка, бросился бежать. Хабиб промчался по переулку и выскочил на широкую улицу.

По улице медленно двигалась огромная колонна египтян. Над головами людей развевались зеленые египетские флаги.

Человеческий поток запрудил мостовую. Не было видно конца рядам. Это была антианглийская демонстрация. Хабиб стал в одну из шеренг и пошел вместе со всеми.

— Хабиб, иди сюда! — закричал пожилой рабочий с широкой прядью седых волос на голове. Это был старый друг Хабиба.

— Здравствуй, Хассан! — сказал Хабиб, пожимая руку приятелю.

— Здравствуй. Как живешь?

— Плохо, — грустно сказал Хабиб. — Дети со вчерашнего вечера сидят голодные.

— Да, тяжело тебе — двое маленьких. Мои дети уже взрослые. — Хассан вытер пот со смуглого лба широким рукавом галабии. Его длинное, вытянутое лицо было покрыто многочисленными морщинами.

Хабиб знал Хассана давно. В течение четырех лет они стояли рядом у ватеров на текстильной фабрике. Их обоих уволили с предприятия за то, что они пытались организовать на фабрике профсоюз. Хассан был необыкновенно худ, держался прямо, и его длинная белая одежда висела на нем, подчеркивая его худобу.

— Долой англичан! — кричали рядом с Хабибом.

— Вон англичан из Египта!

Вот уже в течение двух недель египтяне энергично требовали, чтобы оккупанты ушли из их страны.

Хабиб всегда принимал участие в демонстрациях. Он почти весь день проходил вчера с колонной. Не мог он не пойти с теми, кто справедливо требовал изгнания англичан из страны. Это англичане шестьдесят с лишним лет держали страну за горло. Из-за них закрываются заводы и фабрики. Это они обрекли страну на безработицу, голод и страдания.

Рядом с Хабибом шел старый рабочий в очках, повидимому металлист. Хабиб обратил внимание на его большие руки со вздувшимися синими венами. В трещины его пальцев глубоко въелись масло и металлическая пыль. Рабочий говорил возбужденно Хассану:

— Вчера английские солдаты избили моего сына, избили и ограбили. Я не могу спокойно смотреть, когда вижу в Каире

этих колонизаторов. Так больше продолжаться не может! Эти наглые англичане и не думают уходить отсюда.

— Пора их выгнать, — мрачно сказал Хабиб. — Из-за них у нас столько безработных.

Рабочий в очках кивнул головой, соглашаясь с Хабибом.

Впереди раздались негодующие возгласы, и Хабиб увидел, как в демонстрацию въехали английские военные автомашины, нагруженные амуницией. Англичане явно намеревались проехать сквозь человеческий поток, запрудивший улицу. Люди отступали, пятились, растекались в стороны. Вдруг несколько человек закричали страшными голосами.

— Задавили! Англичане людей давят! — пронеслось по демонстрации.

Хабиб почувствовал, как злоба охватила его. Он бросился вперед, проталкиваясь сквозь ряды.

Толпа окружила автомашины и опрокинула их. Шоферы, спасаясь, бросились бежать по направлению к находившимся неподалеку английским казармам. Хабиб вместе со всеми принялся с ожесточением ломать грузовики, отрывать борта, бить окна и мять капоты. Кто-то бросил спичку на разлившийся по земле бензин, машины запылали.

Когда с машинами было покончено, все устремились к казармам, куда скрылись шоферы. Хабиб увидел, как Хассан подбежал к воротам, и закричал:

— Они скрылись сюда! Они здесь!

Он хотел пройти мимо часовых во двор казармы, но часовой-англичанин, выставив автомат, молча загородил ему дорогу.

— Ваши шоферы задавили трех человек! — кричал Хассан запальчиво. — Мы видели — они скрылись в эти ворота. Мы должны передать их полиции. Их будут судить.

К воротам уже бежали через большой двор вооруженные солдаты. Часовой заметил приближающуюся подмогу и приободрился. Он направил автомат на Хассана и, небрежно сплюнув, отрывисто рявкнул:

— Назад! — Он чувствовал за собой силу и не скрывал своего пренебрежения к безоружной толпе. — Назад!

Демонстранты возмущенно зашумели.

— Пришли в нашу страну, да еще так ведут себя! — раздался голос сзади Хабиба.

Хассан резким движением руки отвел автомат в сторону и с негодованием закричал:

— Не командуйте тут! Вы не в колонии!

Дальше все произошло с необыкновенной быстротой. Солдат, побагровев, вдруг отскочил назад и выстрелил в грудь египтянину. Хассан, вскрикнув, распластался на земле. Хабиб бросился на часового и сбил его с ног. В воротах появились солдаты. Не останавливаясь, они открыли по толпе огонь. Из окна казармы громко застрочил пулемет. Несколько человек упало. Стоявшие впереди пытались бежать, но сзади напирала толпа, не давая возможности тем, кто был у ворот, выйти из-под губительного пулеметного огня. Люди падали с криками и стонами. К воротам подбегали всё новые солдаты, громко топая подкованными башмаками по булыжнику двора. Вдруг от толпы отделилась высокая фигура Хабиба. Он бросился навстречу подбегавшим англичанам и, выставив вперед руки, словно пытаясь защититься от свистевших в воздухе пуль, закричал:

— Негодяи! В безоружных стреляете!

Будто подхваченная ветром, толпа устремилась за ним. Началась рукопашная схватка.

Демонстранты дрались ожесточенно. Они колотили солдат кулаками, камнями, старались вырвать винтовки. Ненависть, накопленная годами против незваных пришельцев, попиравших права и честь народа, вылилась в этом ожесточенном столкновении. Люди в смертельных объятиях катались по пыльной земле, нанося друг другу яростные удары. Солдаты дрались прикладами, стреляли в людей в упор из автоматов, из винтовок. С перекошенным от ненависти лицом Хабиб размахивал отнятой им у противника винтовкой, нанося направо и налево удары наседавшим на него солдатам.

Наконец египтяне стали отступать. Когда Хабиб повернулся, чтобы последовать за всеми, что-то ожгло ему голову. Хабиб почувствовал боль и упал. Лежа на мостовой, он ощупал рану над ухом. Пуля лишь содрала кожу, слегка затронув кость.

Стрельба прекратилась. Солдаты отошли во двор. Перед закрытыми воротами лежали десятки убитых и раненых.

Хабиб подошел к Хассану. Хассан был мертв.

Его тело, вместе с телами других убитых, демонстранты завернули в зеленые египетские знамена, подняли и понесли по улицам Каира, требуя изгнания иноземцев.

С быстротой птицы облетела Каир весть о расстреле, и негодующее население вышло на улицы. Разъяренные толпы египтян, мстя за расстрел, громили магазины, хозяева которых были связаны с англичанами. Звенели разбитые стекла, летели на мостовую товары. Горожане врываются в английские учреждения, ломали мебель, рвали документы. Английские солдаты, боясь показаться на улице, отсиживались в казармах, выставив у ворот танки.

Сто пятьдесят тысяч человек, вытянувшись в огромную колонну, двигались по улицам города, и окровавленные тела Хассана и других убитых, завернутые в зеленые полотнища флагов, качались над кипящим человеческим потоком.

У моста через Нил демонстранты остановились, и Хабиб, поправляя повязку на голове, взобрался в кузов грузовой машины. Хабиб никогда не говорил перед такой огромной толпой, но сейчас слова сами рвались наружу, и дрожащим от волнения голосом он закричал, указывая на завернутые в знамена тела:

— Посмотрите на них и запомните: это сделали английские империалисты! Поклянемся же, что мы не простим им этих жертв! Выгоним английских захватчиков из Египта!

Толпа зашумела, одобряя слова Хабиба. А Хабиб смотрел на раскинувшееся перед ним море голов, на гневные, изможденные лица рабочих, светящиеся сознанием своей правоты, и ему было ясно: царству оккупантов в его стране приходит конец.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
Тайны Бельгийского Конго	5
Мвана Вамуке	84
Двести долларов	105
Кольцевая охота	124
Битва на озере	138
Хабиб вступает в борьбу	148

34

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Ответственный редактор Г. Малькова. Художественный редактор Н. Яцкевич.
Технический редактор В. Колганов. Корректоры С. Локшина и
В. Третьяченко.

Сдано в набор 6/1 1953 г. Подписано к печати 7/IV 1953 г. Формат 60 × 92^{1/16} —
5 бум. = 10 печ. л. (8,26 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. А02206. Заказ № 8.
Цена 3 р. 50 к.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцеский вал, 49.

Цена 3 р. 50 к.